Владимир Крайнев

ЖЕСТОКИЙ РИМ

Санкт-Петербург
2019 г.

Крайнев В. В.
Жестокий Рим / Крайнев В. В.,
– Санкт-Петербург. – ООО «ГАЛАНИКА», 2019. – 278 с.

ISBN ___-_-____-_-_

© Крайнев В. В., 2019

ЖЕСТОКИЙ РИМ

Часть I. От любви до ненависти – один шаг

Первая любовь

Любовь никогда и никого не предупреждает о своем приходе. Она бесцеремонно врывается в наши сердца и души и всевластно овладевает чувствами. Хотя гений и сказал: «Любви все возрасты покорны, её порывы благотворны», но как тут не крути, а самый благотворный для любви возраст – это от пятнадцати до восемнадцати лет.

В этом возрасте время любви – это терра инкогнито, неизведанная территория. Она возникает перед глазами, и соответственно открывается и познается чувствами впервые. А первые впечатления запоминаются на всю жизнь.

Юная девушка Томочка Рокотова в возрасте светлой и романтической любви как раз и влюбилась впервые. Она уже переросла, чтобы называться девочкой, переродившись из гадкого утенка-подростка в прекрасную лебедушку, но еще не стала женщиной. Хотя без памяти влюбилась в одноклассника Степку. А он и без того был безбашенный и бесшабашный, а тут и вовсе голову потерял. Ходил вслед за Тамарой как неотлучный собачий хвостик сопровождает своего хозяина-пса.

Родителям не нравилось, что Тома увлеклась Степой.

– Беспутный мальчишка, Томочка, твой Степка, – постоянно ворчал её отец, Евгений Иванович, если дочь, хоть на минутку задерживалась и приходила чуть позже установленного часа. – У них вся семейка непутевая. Мать заносчивая и высокомерная, как английская королева, а ведет себя непристойно, как базарная баба-торговка. Дочь её частенько в рюмку заглядывает, постоянно на кочерге ходит, скоро опуститься ниже плинтуса, сопьется. Старший сын Бузыкиных наоборот не пьет водку, зато разглядывает небо через тюремную решетку и видит небосвод в крупную клетку. Поскольку сидит он в этой клетке уже не первый год, то вместо водки глушит, как и все зеки чифирь. Чтобы хоть как-то затуманить, одурманить свою беспутную башку. Твой Степка еще мал, но яблоко от яблони неподалеку падает. Ничего хорошего я от него не ожидаю. А мама

по ночам не спит, всё плачет, за тебя боится. Ты, доченька, пожалела бы мамку. Перестала бы ты встречаться с этим шаромыжником Степкой.

– Папочка, любимый мой! – обижалась на отца Тамара. – Мне Степа очень нравится, а ты его шаромыжником называешь, оскорбляешь моего кавалера, ухажера.

– Напрасно ты считаешь, доченька, что я оскорбляю твоего парня, – иронизировал Евгений Иванович. – Ты же не знаешь, наверно, что слово «шаромыжник» произошло от французского выражения «шер ами», что в переводе на русский означает - «мой друг». Во время бегства зимой из России наполеоновские солдаты часто заходили в крестьянские избы, чтобы обогреться или попросить что-нибудь поесть и обращались к хозяину по доброму – «Шер ами». Вот русские крестьяне и стали назвать неприятных гостей шаромыжниками. Вот и для меня Бузыкин Степка – непрошеный гость, который не спросясь нашего с Глафирой Валентиновной, моей любимой женушкой, благословения, старается в наш дом нахально пробраться. Мы с Гошей не одобряем твои встречи со Степкой. Я давно бы тебе запретил с ним встречаться, да мамка заступается за свою любимую дочку.

Запретный плод, как известно сладок. И если бы не настойчивый протест отца и пассивное сопротивление матери, то вполне возможно Тамара прислушалась бы к голосу разума. Но… отец всё гнул свое и, кажется, перегнул палку, что она хрустнула и сломалась.

– Вот ты говоришь, что нравится тебе Степа, – продолжал увещевать дочку Евгений, – но, чтобы нравится, нужно только нравиться. Для этого большого ума не надо. Достаточно смазливого мужика умения красиво говорить комплименты: женщина любит ушами. А чтобы по настоящему любить свою жену, то мужу требуются совсем другие качества. Требуются не слова, а поступки.

– Папа, – твердо сказала Тома. – Ты же сам говорил, что лошадь на водопой может привести и ребенок, но и десять дюжих мужиков не заставят её пить воду. И мне любить Степу никто не может запретить. Даже вы с мамой…

– Томочка, – поморщился Евгений. – Ты максималистка! Разве я сказал, что мама запрещает тебе встречаться с этим баламутом. Я сказал, что она боится за тебя. Как бы чего плохого у вас с ним не

вышло.

– Поэтому страх и ненависть могут породить только страх и ненависть, – возразила отцу Тамара. – У страха глаза велики и от него никогда, никогда не родится любовь. Вот мама, боясь за меня, и не любит Степку.

– Не любит Степана Глаша не только из-за страха, – возразил Евгений. – Ей недавно нехороший, очень нехороший – плохой сон приснился. Будто ты идешь по Питеру в белую ночь в темном платье к Дворцовому мосту, а он разведен. Вот Глафира и гадает, чтобы это значило.

– Неразгаданный сон, как нераспечатанное письмо, – усмехнулась Тамара. – Пока не раскроешь конверта, не узнаешь, что же тебе написали. Поэтому разгадать, что написано в письме, надо его распечатать и прочитать, что в нем написано. Вот и вы гадаете на кофейной гуще, что же со мной станет. А я мечтаю выйти замуж раз и навсегда. Как в наших русских сказках говорится: они жили долго и счастливо и умерли в один день.

– Вот ведь хотела успокоить меня и сказала красиво, но даже в светлой мечте и мудрой сказке звучит негативное известие – умерли в один день. Зачем же нужно думать о смерти молодым людям, когда они еще и не жили-то вовсе? Разве шестнадцать, восемнадцать лет – это возраст?

– Да еще какой, папочка, – засмеялась Тома и, обняв, поцеловала отца. – Ведь поют же люди: «В жизни раз бывает восемнадцать лет». И умирать мы вовсе не собираемся. Это так в сказке говорится. А из сказки, как и из песни, слов не выкинешь. Мне же больше нравится первая часть сказочной фразы: «Они жили вместе долго и счастливо». Не разлучаясь и не расставаясь – добавила б я еще.

– А я-то думаю, в кого же такая упрямая дочь у меня выросла? – наконец-то улыбнулся и Евгений Иванович.

– В кого же? – живо поинтересовалась Тома.

– В кого? – переспросил отец. – Да в меня. А все, наверно, от того, что я тебя безумно люблю. Мы с Глашей мальчика ожидали, а родилась ты, девочка. Вот я тебя всюду за собой и таскал. Иду рыбу ловить, тебя с собой беру. По грибы и ты со мной с корзинкой в лес собираешься.

– Да, папа, рыбу ты меня отлично ловить научил. А знаешь,

как умные люди говорят недалеким родителям: «Вы не только кормите детей вкусной рыбой, давая им приготовленное готовое блюдо. Вы дайте им удочку и научите самих ловить рыбу».

– Ладно, мудрая ты моя доченька, прекратили ссоры-разлады. Прошу тебя только об одном: не перемудри. Я действительно не заметил, что ты уже выросла, стала взрослой. Всё ещё маленькой девочкой тебя считаю, за ручку пытаюсь водить.

– Это у тебя, папа, мужская ревность говорит, – улыбнулась Тамара. – Ты никак не можешь смириться, что твоя дочь уже любит не только своего папочку, а и другого не родного, чужого мужчину. Кстати, а почему маме снился Петербург, а не наша любимая Ольховка?

– Мы же молодыми работали в Ленинграде, там познакомились, поженились. Там и ты родилась. Глаша тебя даже окрестила в Никольском соборе. Но потом у моей мамы умер муж, мой отец, а в деревне вести хозяйство без мужика очень трудно. Вот мы с твоей мамой и переехали снова в Ольховку. Я собрал по деталям, по крупицам трактор «Беларусь», раскуроченный в машинно-тракторных мастерских, купив его за копейки. Теперь он наш конек-горбунок, а кормит и поит всю нашу семью. Я всему селу огороды вспахиваю, из леса дрова вожу, из лугов сено. А Глаше до сих пор всё Питер снится. Любит она этот город. Но тебя учиться туда не отправили. Поступишь в Великом Новгороде на экономический факультет и будешь жить с нами дома, а в институте учиться на заочном отделении. От Великого Новгорода до Ольховки-то рукой подать, а в Питера нам не наездиться.

Вечером Тамара, встретившись со Степой, рассказала о непреодолимой преграде:

– Родители не хотят, чтобы ты вошел со мной в наш дом. Им кажется, что ты мне не пара. Раньше Недоросль Митрофанушка у Фонвизина мечтал: «Не хочу учиться, а хочу жениться». А мне они советуют не спешить выходить замуж, а поступить учиться в экономический институт. Сейчас в мире бизнеса экономисты в цене, а главные бухгалтера нарасхват. Я буду всегда в этом мире, где царит экономика, востребована. А ты что думаешь по этому поводу, Степа?

– Тома, думай не думай – сто рублей не деньги. Тут не думать надо, а прыгать…

– Это ты о чем, Степа? – удивилась неожиданной фразе парня Тамара.

– Да ученые решили провести научный эксперимент, сопоставив умственное развитие и интеллект обезьяны и Ваньки-алкаша. В пустой комнате в одном углу поставили табуретку, а за крючок люстры для обезьяны прицепили банан. Шимпанзе прыгнула раз, два и поняла – не допрыгнуть до банана. Села на табуретку, подумала. Потом подтянула её под лампочку люстры, встав на стул, дотянулась до банана, сорвала его с крючка и слопала. Запустили пьяницу в комнату, поставив табуретку снова в угол, а вместо банана, подвесила четвертинку водки. Ванька разбежался, прыгнул, но поллитровку достать рукой не может. Спортом алкаши не занимаются. Но выпить алкашу хочется, а допрыгнуть до заветной бутылки с водкой не может. С него пот градом, он прыгает и прыгает, а всё бесполезно: «маленькая» висит под потолком цела и невредима. Сел Ванька на табуретку отдохнуть. Отдохнул и снова за прыжки взялся. Ассистенты ученых шибко за Ваню переживать стали и в окошечко в двери сначала шепотом, а потом всё громче и громче советовать пьянчуге стали: «Думай, Ваня, думай».

– А он что? – заинтересовалась Тома.

– А он вытер пот со лба, отошел в угол, где табуретка стояла, разбежался и прыгнул, предварительно сказав ученым мужам свое мнение: «Фиг ли тут думать-то. Прыгать надо!».

– Здорово! – усмехнулась Тамара. – Аплодировать я тебе не стану: понимаешь, что интеллект у обезьянки выше, чем у алкаша. Вот моим родителям и не нравится, что ты выпивать начал. Они думают, а не свернешь ли ты с правильного пути, не пойдешь ли по кривой дорожке уже протоптанной старшими твоими родственниками: сестрой и братом?

– Спокойно, Маша, я Дубровский, – нервно дернул щекой Бузыкин. – Если ты напишешь заявление в ЗАГС о своем желании пожениться, то потребовать завизировать их у наших родителей ЗАГСовский администратор не осмелится. Это только наша воля и желание, а родители в личную жизнь совершеннолетних детей вмешиваться не имеют права. Завтра пойдем в ЗАГС и подадим заявление. Я тебя люблю и никому другому не отдам. Даже под чьим-то нажимом.

– Но как же, ты уживаешься с ними под одной крышей? – усомнилась в столь горячем и быстром решении Степана Тома. – Ладно, мама, она покладистая, но желает мне только добра и смирится со временем с моим выбором. Простит мне, что я ослушалась её и решила выйти за тебя замуж. А папа не такой. Он такой же как и я: вспыльчивый и упрямый. Даже если будет понимать, что неправ, всё равно останется стоять насмерть, защищая свое мнение.

– И об этом я уже подумал, моя лапушка, – постарался успокоить девушку Бузыкин. – Мы будем жить в нашем доме. С мамой я уже переговорил. Она согласна. Сказала, что не ей, а мне жить с тобой: «Поступай, как знаешь!», сразу согласилась она в отличие от твоих родителей.

Тамаре не понравился Степанин прикол.

– Ты зачем же меня, Степа, отцом и матерью попрекаешь? Ведь я не только тебя люблю больше жизни, но и их. Поэтому насмехаясь над ними, ты и меня вышучиваешь. А говоришь, что любишь меня…

– Люблю, люблю, люблю… – заторопился Степка высказать тут же свое признание невесте. – Я смогу сделать тебя счастливой.

– Я тебе верю, Степа! – Засияла Тамара. – Всё, что важно и нужно для счастья у нас есть: у обеих сторон было время подумать и сделать непринужденный, свободный выбор. Я хоть и стану когда-нибудь бухгалтером, но не собиралась сводить сальдо и бульдо и считать про любовь первое, второе, третье… последняя. У нас у обоих первая любовь, так пусть же она такой и останется на всю жизнь. И будет не только первой, но и не последней, на всю жизнь. Любовью навек…

Семейные будни

Тамара быстро почувствовала, что она превратилась не только в замужнюю женщину, но и в скором времени станет матерью. Внутри организма происходили непонятные для нее преобразования, которые вскоре превращались и во внешне видимые изменения: округлился, а потом рос и рос не по дням, а по часам животик, довольно сильно увеличивалась и грудь, набухая материнским молоком, которое так необходимо будет при кормлении ребенка.

Эти изменения приносили Тамаре радость:

– Я скоро рожу малыша, – думала она, осматривая себя, вос-

торгалась Тома. – Стану матерью. Что еще нужно для счастья замужней женщине?

Но Тамара не могла не заметить и другие внешние изменения, которые её огорчали. Степан постепенно охладевал к ней. Будущий ребенок уже шевельнулся под её сердцем и, чтобы не навредить его развитию, Тамара прекратила близость с мужем. Она жила одной мыслью, одной страстью о своем дитяти.

А Степана такая перемена в отношении с женой смущала и стесняла его в проявлениях нежности к супругу. Обижало его и уверенность Томы, что она родит непременно девочку. Он, то страстно желал, как всякий отец, чтобы первенец их был мальчиком, продолжателем рода его семьи, носителем такой прекрасной отцовской фамилии – Бузыкиным.

Только ли отсутствие близости было тому виной, но Степан все больше и больше отдалялся от своей жены.

А со свекровкой у Тамары не заладились отношения с самого начала их семейной жизни со Степаном. Кто знает, живи они с мужем с её родителями в одном доме, как бы могла их жизнь совместная сложилась, никто не мог предугадать. Но самой Тамаре было бы проживать в своем доме комфортно. Она выросла в неге и холе, а отец и мать её нежно любили и души в ней не чаяли. В доме же свекрови, ей было жить неуютно и тоскливо. Сразу на следующий день после свадьбы, Тамара так устала от застолья, что не слышала, как Степан тихонько встал с постели и на цыпочках, чтобы не шуметь, вышел из спальни, Федора Егоровна заявила о себе.

Тамара проснулась от стука двери об косяк. Федора, уже опохмелившись со страшной силой, распахнула дверь, что она – дверь, ударившись об притолоку, издала такой шум и звук, как, будто пушка выстрелила в полдень у Петропавловской крепости.

Но поразили Рокотову не эти звуки, а слова произнесенные Федорой:

– Томка, лежебока ты этакая, а ну-ка вставай быстрее с кровати. Хватит нежиться, прохлаждаться, чай не барыня. Пора за дело браться. В доме прибираться, посуду за гостями мыть. Я у тебя в холуях ходить не стану. Будешь у меня, как миленькая, всю черновую работу делать.

Тамару покоробило всё и слова и хамоватый тон, с каким они

были сказаны. Но она сумела сдержать себя и не закатила истерики, а ответила спокойно с достоинством:

– Уважаемая Федора Егоровна, у меня и в мыслях не было нанимать вас в холуи. Но имейте в виду, что и я не дворовая крепостная девка у распоясавшейся деревенской барыни-боярыни. Не смейте со мной так по-хамски обращаться. Я вам не Томка!

В комнате воцарилось молчание. Наступила такая мертвая тишина, что жужжание пролетевшей мимо Федориного носа черной навозной мухи с изумрудными крылышками показалось Тамаре рокотом и громом сверхзвукого реактивного самолета-истребителя. Но и его вскоре заглушил оглушительный визг Федоры Егоровны.

– Говорила я своему оболтусу, что не по себе ношу берешь, а он: «Люблю, люблю». Пусть знает теперь пострел, что любовь зла – полюбишь и козла. Вернее козу драную…

Федора готова была орать долго, хотела затоптать словами или, как чугунные тумбы ногами, но наткнувшись на холодный и презрительный взгляд невестки, вдруг осеклась. Похлопав ресницами, уставилась в одну точку воловьим или коровьим взглядом. Федора абсолютно спокойно почти тихо повторила последнее слово еще раз: «… драную…», и неуклюже развернувшись на сто восемьдесят градусов вышла из спальни. Притворила за собой дверь без шумовых эффектов, беззвучно.

Через пару недель, когда Степа и Тамара уселись за кухонный стол попить сайку, Федора Егоровна пригласила на ужин свою подругу… Ванетту с её дочуркой – старой девой.

Дочурка без стеснения, видимо её перед тем, как пригласить в гости Федора очень долго инструктировала и преподнесла ей азы застольного этикета, стреляла глазками в сторону Степана. Дочь подруги звали в школе Фросей. Но поработав в Великом Новгороде полгода на радиоламповом заводе, Фрося вернулась в Ольховку громогласно, заявив: «Я сменила в городе имя. Называйте меня теперь Фрида».

Когда Фрос-Фрида поняла, что не только Амур или Купидон могут выстрелить из лука стрелой, пронзить сердце юноши, влюбив его таким способом, сидящую рядом девушку, а и она сама стреляет глазками, возбуждает страсть в Степане, то стала медленно подниматься из-за стола. Её мамочка засуетилась:

– Куда же ты, Фридочка, уходишь из гостей в такую рань?

– Ах, маман, – сморщилась брезгливо Фрося, отчего от её тщательно наложенного на лицо макияжа, словно со стены штукатурка отвалился внушительный кусок, попав в недопитую чашку чая. Цвет в ней мгновенно превратился из темно-коричневого в бежевый, будто в чай не макияжный крем попал, а сливки налили. Душа любви просит, но это же, не белый танец, где дамы приглашают кавалеров. Пойду-ка схожу в клуб на дискотеку. Может какой-нибудь захудалый паренек сам пригласит меня станцевать с ним аргентинское танго, танго страстной любви.

– Сходи, сходи, моя цыпочка, – поощрила желание своей дочери маман.

А Федора Егоровна в приказном тоне предложила своему сыну:

– Степушка, проводи-ка даму до клуба. На улице темно, не дай бог на дочь моей подруги хулиганы нападут. В Ольховке много желающих за молоденькой девушкой поухлестывать. Если она идет одна без парня, то и обидеть могут, в кусты затащить.

Тамару поразило, что Степа, не попросив у неё даже разрешения, поднялся из-за стола и пошел вслед за Фридой в сени. Через несколько секунд оттуда послышалось хихиканье Фроси, будто её под подмышками щекотали.

Свекровь Тамары отреагировала тотчас по-своему:

– Хи – хи – хи, да ха – ха – ха, не боимся мы греха.

Вот так капля за каплей и отравляла настроение невестке Федора Егоровна. Ни с того ни с сего вдруг пригласила сына сходить к своей подруге в гости.

– Мам, – обращался к Федоре Степка, – пригласи в гости и Томочку.

– Нечего делать у моей подруги твоей Томке. Пусть лучше дома посидит да приберется, полы помоет, ковры вытряхнет.

– Ковры вытряхивать ей нельзя, - сопротивлялся Степан. – Она же беременна. Федора Егоровна недовольно поморщилась и заворчала:

– Беременна… Ну и что? Наши деревенские бабы испокон веков до последнего дня перед родами в поле трудились. В борозде или на жнивье и рожали. А твоей цаце уж и ковры нельзя похлопать,

пыль повыбивать.

– Степа, не унижайся, – советовала мужу Тамара. – Я в гости к подруге Федоры Егоровны сама не хочу идти. Сходи хоть ты, уважь просьбу матери.

Степка кивал головой, подбегал, чтобы чмокнуть жену в щечку и тихонько ей шептал на ушко после символического холодного поцелуя:

– Ничего с коврами не делай. Приду из гостей, сам в доме порядок наведу.

Возвращалась Федора со Степкой далеко за полночь. Тамара делала вид, что спит, а у Степы, от которого тянуло таким отвратительным запахом перегара, что хоть стой, хоть падай и впрямь наступал крепкий здоровый сон с мелодичным присвистыванием и прихрапыванием.

Не навел в доме порядок Степа. А у Тамары появился беспорядок, а вернее целый кавардак родился в её душе. Особенно после неприятного инцидента, который всколыхнул в её душе какие-то действительно темные чувства к своему супругу.

Это событие произошло на седьмом или даже на восьмом месяце беременности. Тамара прогуливалась по улице. Её угнетала затхлая атмосфера взаимоотношений в квартире своего мужа. Хотя помещения проветривались постоянно, а запах тлена, затхлости не исчезал.

Задумавшись, Тома свернула на еле заметную тропинку, ведущую в лес. А в голову неожиданно полезли довольно позитивные мысли. Ребенок уже вот-вот появится на свет, а это огромное счастье для любой женщины. Да и лес, как могучий великан вселял в нее уверенность, делился с Тамарой своей силой. Его шум не раздражал девушку, а успокаивал. Наступило умиротворение: мысли превращались в слова, слова в строчки, строчки в стихотворение.

Тамаре не требовались для того, чтобы писать стихи ни бумага, ни авторучка или хотя бы карандаш. Она сначала придумывала, сочиняла их в своем уме, мгновенно обрабатывая их, повторяя наброски стихотворения про себя, а потом уж садилась за письменный стол. А за столом сидела недолго – излить пережитое многократно на бумагу перенести не составляло труда.

Вот и в лесу на Тамару снизошло вдохновение:

Топлю к чертям тревоги бренных дней,
Оставлю все, что держит в этой жизни,
Забыв про долг, про надо, про друзей.
Меня всё чаще будоражит мысли:
Куплю билет, умчусь подальше в лес
Туда, где бьет ручей воды чистейшей,
Куда не смог дойти людской прогресс.
Обдумать путь своей судьбы дальнейшей.
Пойму насколько в жизни мы малы…
Росой лицо умою на рассвете.
Очищу душу запахом смолы
Наполню сердце силой первоцвета.
Упав в траву, замаливать грехи,
Просить прощенья, по утрам молиться.
И для души писать, писать стихи,
Тем самым, еще больше исцелиться.
Потом, вернувшись в пыль и суету
Продолжить путь по совести и вере.
Сумев набрать такую высоту,
Держать её красиво, в полной мере.

У Тамары на глазах навернулись слезы, но они лились не от горя. Как сказал поэт: «Печаль моя светла». Это были слезы самоочищения её души.

Беда и горе предостерегали Тому дома. Она уже устала от длительной прогулки. Малыш опять шевельнулся, толкнув свою мамочку ножкой в животик, причинив этим не только радость, но и боль. Поэтому Тамара медленно поднималась по лестнице вверх, отдыхая подолгу на каждой ступеньке.

Вставив ключ в замочную скважину, собралась повернуть его в замке, отжимая дверь, но не услышала характерного скрежета. Ключ в замке не проверчивался, и бородка его уперлась в стопор, застыв неподвижно.

– Замок не заперт, – пронеслось у неё в голове, и Тамара подергала дверь за ручку. Но к её удивлению створка двери не распахнулась, словно намертво прилипла, прикипела к притвору.

– Наверно Степка закрыл дверь не на ключ, а заперся на щеколду, – подумала Тамара и постучала в дверь. Тишина. Не услыша-

ла она звука легких шагов Степана и расстроилась.

– Пришел домой, пока я гуляла по улице и лесочку, выпил водочки и заснул, - машинально мелькнула мысль у неё.

Такое случалось нередко. Но только Степка никогда не закрывался пьяный на задвижку. Она, открыв замок ключом, всегда беспрепятственно попадала в свою квартиру.

– Чего же вдруг Степа забаррикадировался сегодня, – шевельнулось подозрение у Тамары, и она громко забарабанила в дверь своим худеньким маленьким кулачком, крикнув, - Степа, открой.

Минут через пять наконец-то услышала шорохи.

Видимо Степка, проснувшись, шебаршился, натягивая на себя брюки и рубашку. А когда дверь, заскрипев, стала отворяться и вовсе успокоилась. А зря… На пороге открытой двери она увидела… Фриду, а не Степу. Её муж, смущенно улыбаясь, стоял у Фриды-Фроси за спиной.

У Тамары закружилась голова. Она чувствовала, что вот-вот упадет, потеряв сознание. Но усилием воли преодолела свое полуобморочное состояние. Охрипшим от волнения голосом просипела:

– Что это значит, Степа? К чему все эти тайны мадридского двора? Тебе интриги, нет, интрижки захотелось?

– Ты что плетешь-то, дура? – с наигранным возмущением набросилась на Тому Фрида. – Уж нельзя к знакомому человеку без письменного разрешения его жены в гости заглянуть? Двумя-тремя фразами перемолвиться. Поговорить…

– Эка трагедия, ну зашла ко мне дочка маминой подруги поговорить. Не выгонять же мне ее было…

Тамара сделала резкое движение, пытаясь войти в квартиру, и Фрида и Степа молча отшатнулись назад, пропустив хозяйку в свой дом. А она, заметив незаправленную постель, указав на нее, нашла силы в себе поиронирозировать:

– Это называется, поговорили… Хороши разговорчики…

На войне, как на войне

Нервный срыв продолжался неделю. Степа вызывал карету скорой помощи. Ходил весь какой-то потерянный, как в воду опущенный, чувствуя свою вину. Когда Тамара немного оклемалась, сказала мужу:

– Пойду-ка я домой к своим родителям. По своей мамочке соскучилась. Надо повидаться с ней.

– Куда же ты пойдешь. Тебе сейчас нужен покой. На больничной бы койке хоть немного полежать. Нервы подлечить, успокоиться.

– Ходить-то мне уже очень тяжело, – согласилась Тамара. – Уеду на автобусе днем, когда народу в автобусе мало, все на работе. Чтоб не затолкали меня и ненароком в живот не толкнули.

– Никуда я тебя не отпущу, – взвился Степка. – Ты должна беречь не только себя, но и ребенка.

– Какой ты совестливый стал, – усмехнулась Тамара. – Хочешь превратить меня в военнопленную? Так я в плен тебе не сдавалась. А теперь ты объявляешь мне войну, и силой будешь удерживать меня дома?

Эти слова о войне и вовсе распалили подогретого винными парами Степана.

– Я тебя люблю, Томочка. И никакой войны не объявлял. Это ты мне объявила войну.

– Ала гер, ком ала гер, – ответила Тамара.

– Что, что? – удивился Степка.

– В переводе с французского это обозначает: на войне, как на войне. Какими методами ведет войну враг, такие же адекватные меры предпринимает и его противник.

Степан расходился всё больше и больше.

– Так значит, я для тебя стал врагом, а ты мне противником?

Тамара, чтобы ураган в Степкиной душе не разбушевался, не стал сметать все на своем пути, сменила тактику ведения военных действий.

– Ладно, я дождусь родов дома. Но и ты не нервируй меня, твои пустые разговоры раздражают меня, и я не буду отвечать на твои глупые лицемерные вопросы. Да и сама лучше помолчу до родов.

– А с кем же ты будешь общаться? Ведь и маму ты люто ненавидишь. Считаешь её исчадием ада.

Тома пожав недоуменно плечами, предупредила Степку, предъявив ему ультиматум по всем правилам военного искусства.

– Отвечаю тебе последний раз: «Я буду общаться со своей музой. Займусь поэзией и буду писать стихи».

Тамара ушла в свою комнату, закрылась на ключ и стала общаться со своей мамой виртуально. Стихотворение уже давно сложилось в голове. Теперь ей хотелось записать слова. И она написала:

«Мамулечка,
мой самый родной человечек,
тебе посвящается…

Я приеду к тебе окрыленная
Сяду рядом, начну щебетать:
Что и как, и в кого я влюбленная
И о чем я хочу помечтать
Разложу тебе все до копеечки:
Где живу, чем дышу, что пою
И какие же в норке скамеечки!
Только страхи свои утаю.
И утром усну
В воздух дома родного влюбленная
Детства милого вспомню весну
Милый друг мой, прости невнимание
И за то, что так редко звоню
Я шепчу тебе, как заклинание:
Я тебя больше жизни ценю!
Я люблю тебя сильно и пламенно,
Ты мой самый родной человек!
И шепчу тебе тихо раскаянно –
Твоя мудрость со мною навек!
Ты посмотришь добором озаренная,
Улыбнешься глазами в ответ…
Я приеду к тебе окрыленная,
Потому, что ты – солнечный свет!

Когда у Томы родилась девочка, она не раздумывала, как на-

звать её. Не Федорой же… Будут постоянно дразнить ребенка: «Велика Федора, а дурра!». Да и в честь чего Тамара будет называть свою кровиночку в честь свекрови, которая её не ставит ни в грош? Если Стёпа будет возмущаться, то будет лишний раз напомнить мужу о кознях его мамаши. Тамара давно решила, что если родит девочку, то назовет её в честь своей любимой мамулечки Глашенькой, Глафирой.

А Стёпа и впрямь возмутился, но не из-за имени. Сентиментальностью он не страдал, и ему было глубоко наплевать, как отнесется к имени Степкиной дочери его мамаша. Он огорчился, что родилась дочь, а не сын. Стёпка от этого известия с «горя» напился тут же. Подлила масла в огонь Федора.

– Видишь, Стёпа, – сказала свекровь Тамары сыну. – Ты хотел мальчишку о сыне мечтал, а она, как всегда тебе наперекор, назло девчонку родила… у нас в семье и в родове баб и так хоть пруд пруди, а тут еще одна на нашу голову объявилась. К тому же мне медсестра из роддома сообщила сногсшибательную новость – она и на тебя-то ни капельки не походит. Тебя укоряет за то, что ты с Фроськой шашни развел, а сама ведь значитца хвостом вертела направо и налево.

Степан хлобыстнул еще один стакан, не закусывая, а только корочку от хлеба манерно понюхал. Потом покраснел, как буряк и рявкнул:

– Ну, я ей стерве покажу, как мужу рога наставлять. А святошей прикидывалась.

Стёпка потянулся было снова за быстро пустеющей бутылкой, но Федора опередила его. Она схватила поллитровку за горлышко, сжав пальцы так сильно, что костяшки побелели, будто пыталась пристанище зеленого змия придушить насмерть. А сына предупредила, напомнив:

– Не увлекайся-ка ты сегодня водочкой-то, Стёпа. Мы же должны вот-вот в роддом поехать. Пора нам новорожденную и роженицу домой забрать.

Степан будто бы и не слышал мать. Все внимание его сконцентрировалось на таре, в которой колыхалась, бултыхалась живительная влага. Он обеими руками обхватил цилиндрические бока бутылки, сильно сжал их узловатыми мослатыми пальцами, и резко

дернул вниз. Федоре не удалось противостоять разбушевавшемуся сыну, как не цеплялась она за горлышко поллитровки, но силушкой её сынка Бог не обидел. И он без особого усилия вырвал у матери бутылку. К тому же Степкина ярость и злость её удвоили эту силушку-то. Тогда Федора Егоровна сцапала пустой стакан и спрятала граненую емкость себе за пазуху. Но и в этом скоротечном бою сын одержал победу над матерью. Но выиграл он битву на этот раз не силой, а применил военную хитрость, взял и выпил остатки водки прямо из горла.

После выпитой лошадиной дозы спиртного Степу развезло. Он хотел поставить пустую бутылку на стол, но потеряв координацию движений поставил её не вертикально, а криво. Как только Стёпка расслабил свою хватку, поллитровка рухнула на столешницу, будто бы напилась в усмерть, а не Федорин сын, и покатилась по замызганной клеенке стола. Катиться её далеко не удалось. Она уперлась в бастионы грязной посуды и остановилась, не сумев преодолеть препятствие. Слишком малую начальную скорость качения придал ей крепко захмелевший Степа.

Тут его силы и вовсе покинули, и он ткнулся носом в бутерброд с икрой, крупинки которой уже утонули в подтаивавшем сливочном масле. Но Степа успел всё-таки сделать последнюю попытку в войне со сном и приподнял голову над столом. Икринки, прилипшие к коже лица, смотрелись живенько и весело, словно веснушки. Но Федоре недолго пришлось любоваться живописным видом своего ненаглядного сынка. Степа снова уткнулся носом в стол, нервная дрожь пробежала по всему телу сверху вниз и Стёпа затих. Сон одолел героя.

Тома, увидев заснувшего за столом мужа, обиделась, но вида не показала. Она, усталая и измученная родами, была рада: рядом с ней на двуспальной кровати лежал не муж, а крохотное родное существо, туго перепеленатое в розовое одеяльце.

Началось временное перемирие. Тома занималась Глашей: кормила грудью, поила молоком из аптечной молочной смеси для грудных детей изготовленным из бутылочки с рожком, стирала пеленки, сушила их и гладила утюгом. Степан Тамаре не мешал заниматься всем этим – родила, так испытай все радости и трудности материнства. Испей всю свою чашу женской доли до дна. Зато Фе-

дора Егоровна не могла сменить свой благородный гнев на милость и продолжала тайную, а иногда и явную агрессивную войну против ненавистной невестки.

Однажды, когда Тамара собралась с Глашей на прогулку, Федора Егоровна вдруг воспылала нежной любовью к внучке. Она снисходительно снизошла до невероятного по милосердию поступка: присоединилась к компании Тамары и Глаши. Погулять и подышать свежим воздухом требовал организм и Томиной свекрови.

Тамара стала снаряжать на прогулку Глашеньку. Наклонилась над дочкиной кроваткой и пощупала пеленку – мокровата пеленочка. Тома быстро перепеленала дочурку и попросила свекровь:

– Федора Егоровна, вы возьмите, пожалуйста, Глашеньку себе на руки. Подержите её пару минут, побаюкайте, пока я оденусь потеплее. А потом я попозже и дочу заверну в одеяльце, чтобы не парить ребенка в тепле перед выходом на улицу.

Федора молча взяла на руки маленький сверточек. Глаша почувствовав каким-то необъяснимым для взрослых чужие руки, закряхтела, заворочалась, пытаясь разорвать свои «оковы» и освободить ручонки.

– Экая непоседа, – прокомментировала действия внучки Федора, – как мамаша.

Потом вздрогнула, глаза Федоры Егоровны округлились от удивления и она скрипучим голосом так издает подобные звуки в ночную пору за печкой сверчок, вскрикнула:

– Кто бы мог подумать, что внучечка такая плохая. Бабушке на кофту напрудила. Теперь и мне переодеваться придется. Ведь только пять минут назад писала и опять мокрая. Не ожидала я такого подвоха и сюрприза.

Тамару возмутил не монолог свекрови, а её тон. Такой же скрипучий и противный как голос. Но более всего Томе не понравилось в свекровиной тираде то, так это эпитет «плохая». Глаша-то не понимает пока хорошее слово сказано или плохое, но Тамара восприняла выпад Федоры как личное оскорбление.

– Когда вы нянчились со своими детьми, то разве не случались у них такие казусы, который произошел сейчас с Глашей, – стараясь сдерживать свою обиду, произнесла Тома. – Так почему же ваши дети всегда паиньки, хорошие, а моя Глашенька так тут же плохая?

Федора Егоровна молча сунула сверточек с дитем невестке. Стала стряхивать с груди влажное пятно, надеясь, что ткань кофты не пропиталась насквозь и просипела хрипло и недовольно с явной угрозой:

– Ты, дерзкая девчонка, не заедайся! Не буди лихо пока оно тихо.

– Лихо – это кто? Ваш любимый сынуля? Так он вечно на кочерге, да под мухой. Мямлит что-то невразумительное. А иногда-то до такой степени напьется, что «мяу» сказать не может.

Замечание Тамары попало не в бровь, а в глаз.

– Мяу! – взорвалась Федора Егоровна. – Это Степушка из-за тебя пьянствовать начал. Никак пережить не может, что ты ему не сына родила, а дочку.

– А я-то глупышка все не понимала, почему же мой муженек ни разу Глашеньку на руки не взял. Или хотя бы погремушкой не побренчал перед её личиком. Игрушку в рученьку не попытался доченьке дать… Он видите ли, горюют. Горемычный какой, спасу нет.

– Не наступай мне на мою любимую мозоль, - скривилась свекровь.

– Не нравится? – вроде бы как удивилась Тамара. А я терплю, да еще и защищаю. Ведь Степка давно бы устроил в доме Мамаево побоище. Вас он ни во что не ставит. Только ко мне еще и прислушивается. Я и только я могу сдерживать его, а больше никто.

– Да пошла ты… – взвизгнула Федора.

Тамара от крика с места не сдвинулась, а пошла восвояси сама Федора Егоровна.

Лихо проснулось

Поздно вечером, а может быть уже за полночь, двое Степкиных дружков приволокли пьяного вдрабадан, в дрезину, в стельку своего собутыльника. Голова Степы свесилась на грудь. Как будто тяжелые мысли и думы одолевали хозяина этой болтающейся головенки, и она размеренно покачивалась на шее в такт движениям пресвятой троицы.

Ноги Степки подгибались в коленях, волочились по полу и носки ботинок выписывали витиеватые вензеля на полу. Парни, подтащив обмякшее тело Степки к дивану, хотели плавненько уложить

приятеля спать-почивать, но и у них вестибулярный аппарат был на автопилоте. Степку они не удержали и он тяжело, как мешок картошки рюхнулся на свое постоянное лежбище.

Стёпа никак не отреагировал на их бестактную неловкость. Он, как только его голова коснулась подушки, заснул мертвецким сном.

Утром первой проснулась Тамара. Она почти всю ночь не спала, в голове мелькали мрачные мысли.

– Вечером пойду, проведаю маму с папой, – решила она. – У них хоть душою оттаю.

Тамара подошла к кроватке. Глаша улыбалась всеми четырьмя зубами. Три белели сверху и один – четвертый – снизу. Увидев мамочку, она засучила ножками и загугукала от восторга. Тома тотчас скорректировала свои планы, решила забежать на минутку к маме тотчас.

– Сейчас, сейчас, миленькая, – я тебя одену, и пойдем, погуляем. Зайдем к твоей любимой бабушке, к твоей тетке Глафире Петровне. Она души в тебе не чает. То-то будет рада, когда мое солнышко, Глашеньку увидит.

На диване зашевелился Степка. Он ночью разулся и снял рубашку. С голым торсом, покачиваясь, еще не очухался от пьянки, Стёпа окликнул Тому:

– Куда это ты собралась в такую рань?

– Повидаться с мамой хочу, – ответила Тамара. – Хочу застать её дома пока на работу не ушла. Ты ведь тоже на работу собираешься? Или как?

– Или как, – кивнул головой Стёпа. – Взял на работе отгул. Хочу с Глашей погулять.

– Отгул за прогул? – грустно улыбнулась Тамара.

Увидев, что муж не собирается ни отвечать, ни оправдываться, добавила:

– А Глашу я тебе доверить не могу. Опохмелишься где-нибудь, да и оставишь нашего ребенка в какой-нибудь канаве, в которую завалишься досыпать.

– Нашего, – заревел Стёпа как медведь, которого зимой во время спячки потревожили шестом в берлоге охотники. – Это надо еще доказать, что нашего. Меня слухи и сплетни со всех сторон одо-

лели. А мои друзья-приятели за спиной ухмыляются.

– Я у тебя всегда на виду была, а друзьям-приятелям твоим наплевать на все. Им главное, чтобы ты им водку покупал, пока у тебя деньги в кармане бренчат. А как деньги пропьешь вместе с ними, то и уже не друг ты им и не приятель. Алкаши они все такие.

Тамара взяла на руки Глашу и только направилась к двери, чтобы обуться, как услышала за спиной рычание озлобленного Степки:

– Алкаш?! Значит, ты и меня алкашом считаешь, ну я тебе сейчас покажу…

Степан схватил трехлитровую банку, в которой на дне колыхался огуречный рассол с вишневым листиком и побелевшими от соли стеблями укропа. Но отнюдь не для того, чтобы попить рассольчику. Он занес её над головой, как гранату и… швырнул это импровизированный метательный снаряд в сторону Тамары, державшую на руках дочку. Тома отскочила в сторону и трехлитровая банка, а не трехдюймовый бронебойный подкалиберный снаряд врезался в стену. И хорошо, что не снаряд, а банка. Осколки стекла разбившейся банки посыпались с шуршанием по стене.

– Что он делает? – лихорадочно заметались мысли в Тамариной голове. – Ладно я, а попади он банкой в Глашу, то убил бы ребенка насмерть.

Из оцепенения Тамару вывел опять голос озверевшего мужа. Его крик превращался в визг Степиного «А – а – а!» или японское «Бан - за – ай!». Теперь в руках мужа была подготовлена для броска банка с вишневым вареньем.

Краем глаза Тома увидела Степин богатырский размах. Она и на этот раз сумела увернуться от смертоносного орудия. Банка с вишневым вареньем с глухим стуком-звуком всё-таки почти не пустая, как первая, а наполненная вареньем до краев врезалась в стену и остатки стеклянной оболочки вперемежку с ягодами шмякнулись на пол. На стене остались капельки вишневого варенья. Они показались Тамаре алыми брызгами крови. А когда от капельки заструились по стене вниз кровавые ручейки, то она и вовсе стала похожа на стену для расстрела.

– А кого же поставили к стенке? – думала Тома. – Меня и дочку Глашу? А кто палач? Мой муж и Глашин отец! Хорошо, что Степка в нас не попал, а то бы убил. Он нас бы убил!

Но вдруг в мозгу Тамары мелькнула яркая вспышка:

– Почему он убил бы? Он и так убил. Не в прямом смысле, не физически, не убил, но всё же он убийца. Он убил нашу любовь! Он убил свою любовь!

Все эти мысли промелькнули в голове Тамары за какие-то доли секунды, а потом её сердце сжал страх. Жуткий ужас. Почти животный страх не за себя, а за жизнь дочери. Инстинктивное материнское чувство ответственности за своего ребенка и спас Тамару от озверевшего до умопомрачения мужа. Она как была босиком, так и выскочила с Глашенькой на улицу.

У Степки ума хватило не преследовать жену. Его ярость сменилась тупой апатией. Тамариного мужа охватило уныние и казалось, что у него нет ни капельки раскаяния в своем безумном поступке, граничащего с преступлением.

– Куда она денется с маленьким ребенком на руках? – думал Степан. – Попереминается на холоде босая с ноги на ногу и ринется в тепло домой. Вот тут-то я с ней и поговорю по душам, тет-а-тет.

Тет-а-тет. Он как-то услышал это выражение из уст жены и знал, что оно означает – с глазу на глаз поговорить надо. А то его мамаша опять начнет гнать пенную волну брани и за этой мути примирение с Тамарой не получится. Тут Степка спохватился, какое может быть примирение с женой после его выходки.

– Она же упертая и русских слов не понимает, – опять закипела злость в Степкиной груди. – Пусть только появится дома, я ей покажу, где раки зимуют.

Тамара, пробежав пару улочек, остановилась на тротуаре и, переминалась с ноги на ногу. Так гуси поднимают одну лапу, стоя зимой на снегу, поджимают ее к брюшку, погреют немного и становятся на нее, а вторую лапку поджимают для подогрева к телу.

– Что ты, милая, застыла на одном месте как статуя? – участливо спросила Тамару проходящая мимо женщина чуть постарше её. – Случилось что?

Увидев, как у Томы затряслись плечи от беззвучного плача, она так же молча, взяла растерявшуюся незнакомку под руку и повела к себе домой приговаривая:

– Пойдем у меня отогреешься, обуешься в мои поношенные сапожки, оденешься потеплее, а там обговорим, как поступить даль-

ше.

Тамарина мама каким-то образом узнала о несчастье дочери и пришла в дом приютившей беглянку женщины, ее звали Полина, вместе с отцом. Совет длился долго и под покровом ночи родители Тамары увели ее вместе с Глашенькой к себе домой.

Утром Евгений вместе с дочкой пошли к участковому милиционеру писать заявление, а Глафира Петровна осталась нянчить внучку. После посещения участкового отец отвел Тамару к психологу. Нервный срыв дочери обеспокоил Евгения и его жену.

Психолог оказалась хорошим профессионалом. После нескольких продолжительных бесед, она уяснила, что разбитую хрупкую вазу взаимоотношений мужа и жены: Степана и Тамары, склеить невозможно и спросила Тому:

– Ты уверена, что еще любишь мужа? – Услышав отрицательный ответ, задала второй вопрос. – А ты сможешь попытаться простить его ради общего ребенка?

Эта формулировка не позволяла Тамаре ответить однозначно «нет», так как психолог перебрасывала мостик для размышления: взвесить все за и против, прежде чем разорвать отношения.

Психолог следовала дальше:

– Ты уверена, если попытаешься устроить свою жизнь сама, без мужа, твоя попытка увенчается успехом?

– Да мне почти всегда везет в новых начинаниях, – сказала неуверенно Тамара.

Психолог будто и не заметила ее колебаний и твердо заявила:

– Когда человек говорит, что ему почти всегда везет – это очень везучий уверенный в себе человек. Невезучая женщина сказала бы: «Мне иногда везет» или «Почти не везет», а то и вовсе – «Никогда не везет». А с такой высокой самооценкой не стоит держаться за соломинку. Ты должна решить, что лучше: оставаться неизвестно, сколько долго в подвешенном, неустойчивом положении или сделать выбор в сторону собственной самостоятельности и порвать отношения с мужем, подав на развод.

– Я должна хорошенько подумать, – опять ответила неопределенно Тамара. - Посмотрим, как будут развиваться события дальше…

– А если вместо шрапнели из косточек вишен в тебя и в ре-

бенка он метнет кухонным ножом? – задала новый вопрос психолог.

– Нож – это уже холодное оружие и применение его – уголовно наказуемо, - вздохнув тяжело, ответила Тома. – Степка это же понимает. Пьяный проспится – дурак никогда.

– Тамара, ты устала и начинаешь думать не о себе, а о Глашеньке. Как же она там одна с бабушкой осталась, а ты тут сидишь со мной и ведешь бессмысленную беседу… Это не так. Мы как раз и ведем разговор о судьбе твоей дочери. В неполной семье трудно жить детям. Сходи домой и посоветуйся с родителями, как быть тебе, как поступить.

Пока Тамара беседовала с психологом, к дому Евгения Ивановича и Глафиры Валентиновны Рокотовых подъехал самосвал «ЗИЛ». В кабине рядом с водителем Алехой Петуниным сидел пунцоволицый Стёпка. Он уговорил Алеху подвезти его к дому тестя и тещи под благовидным предлогом. Евгений Иванович для заправки своего тракторишки «Беларуськи» попросил зятя привезти ему канистру солярки. Тащить через весь поселок двадцатилитровую канистру тяжело, да и тесть обещал угостить отличнейшим первачком. Самогонка такая крепкая, что с первого стакана с катушек долой. Алеха был уже неделю на мели, а выпить хотелось, и предложению Степана обрадовался.

– Стоп, Алеха, затормози-ка: вот эта улица, вот этот дом, – скомандовал Стёпа и добавил, – Здесь жила барышня, что я влюблен.

– Ты, того этого, – погрозил пальцем Стёпке Алеха Петунин. – Не базарь с тестем-то слишком долго и много. Трубы горят – спасу нет. Самогонку неси.

– А что толку-то тебе, если я самогоночку принесу. Ты же за рулем, а за рулем пить спиртное не разрешено, ухмыльнулся довольный Степка, что благополучно добрался с канистрой горючки до тестя. Он уже вылез из кабины и выволок из нее канистру, установив пока её на подножку. Своим нравоучением он шибко рассмешил Алеху.

– А я за рулем пить и не собираюсь, – осклабился Петунин. – Я из кабины вылезу, сяду на подножку и шандарахну граммов … надцать самогоночки. Евгений Иванович по её производству мастер золотые руки. Ядреная у него она, а чистая как слеза младенца.

Последние слова Алехи больно резанули сердце Степана. Он

подхватил канистру с соляркой, как это не тяжесть какая-то была, а легкая пушинка и галопом помчался, распахнув калитку во двор, к крыльцу тестя. Поставив канистру на ступеньку, Степан ухватился за скобу двери, но открыть дверь не удалось.

– Заперлись мои тесть с тестюшкой, – расстроился Стёпа и стал барабанить в полотно двери кулаками, а потом и ногами

– Открывайте, – орал он, – а то хуже будет.

В сени вышел Евгений Иванович, но дверь, ведущую в дом, открывать не торопился.

– Чего тебе надо? – спросил тесть зятя.

– Хочу с дочкой повидаться, с Глашенькой. И с Томкой поговорить надо.

– Ты сначала сходи домой, проспись, а заливши зенки переговоры не ведут. Знаю я эти разговоры. Ты уже несколько месяцев назад чуть их и дочку свою и жену не угробил. Глашенька тогда уже говорить начинала, а теперь до сих пор заикается. Тамара к логопеду дочурку водит. Иди домой! Не о чем нам с тобой пьяным разговаривать, - разозлился Рокотов.

Стёпа увидел в ближнем окошке, как колыхнулась занавеска.

– Теща зырит в окошко, а может быть Глашенька хотела на папку посмотреть, а бабуля не позволяет внученьке на меня посмотреть, - мелькнуло в голове у Стёпы.

Он бросился к окошку и постучал костяшками пальцев по стеклу.

– Открой подобру, Валентиновна, а не то я сейчас оболью дом соляркой и подожгу ваше все осиное гнездо.

– Попробуй только, - предупредила Рокотова. – Я уже в милицию позвонила, а теперь и в пожарную часть позвоню. Пускай спешат к нам как на пожар и тебя голубчика в кутузку заберут. Засекай время, кто из них быстрее к нам подъедет.

Стёпка матюгнулся и, подбежав к канистре, тал выплескивать из неё горючее. Но резкие сигналы Алехи «би – би, би – би», отрезвили Стёпку.

Он испугался, что милиция уже где-то на подходе и включила сирену. Отшвырнув в сторону полупустую емкость, Стёпа рванулся наутек.

Но из поселка-то не убежишь. Пришлось и пятнадцать суток

посидеть и выслушать тысячу первое китайское предупреждение участкового, что если Степан Бузыкин перестанет чтить закон, а будет нарушать уголовный кодекс, то направится по проторенной дорожке брата в места не столь отдаленные.

Поэтому, когда Тамара подала заявление на развод, судья всегда дававшая супругам отсрочку на два, три месяца на обдумывание, не стала столь деликатно церемониться: слишком много было документов обличающих Степана в неспособности и не желании сохранять семью, развела их через две недели. Тамара оставила себе при разводе девичью фамилию – Рокотова.

Как Евгений Иванович и Глафира Валентиновна не уговаривали не уезжать с дочкой в Петербург или хотя поехать на время, пока все утрясется одной, а Глашеньку оставить на попечение матери, Тамара стояла на своем:

– Папа, мамочка, я уже взрослая, – говорила она. – Не надо меня уговаривать. Я должна сама отвечать за свои поступки. Вы меня предупреждали еще до замужества, что со Степкой мне будет не ужиться и, к сожалению, оказались правы. Понимаю сейчас задним умом, мы русские всегда были крепки, что совершила ошибку. Потому-то и хочу отвечать за неё, а не перекладывать этот груз на ваши плечи. А силы мне придает моя Глашенька.

– Вот ты и поломаешь ей судьбу, – вгорячах выкрикнул Евгений Иванович и осекся, услышав голосок внучки:

– Дедушка, мамочка моя никогда ничего не ломает. А когда я нечаянно поломаю игрушку, то не ругает меня, а только вздыхает: «Ах, какая ты Глашенька, неловкая. Обращайся с игрушками поаккуратнее». Она не будет ломать мою судьбу.

Глафира Валентиновна попросила мужа:

– Женя, сходи на улицу, погуляй с внучкой. Мне нужно с Томой по душам поговорить.

Евгений Иванович вздохнул:

– Ну что ж посекретничайте, коль так вам хочется. И обратился к внучке – Пойдем-ка, Глашенька, и вправду погуляем.

– Пускай, пускай секретничают, дедушка? Мне мамочка все равно потом про все, про все расскажет. А я тебе!

– Доченька, стала уговаривать мать Тамару. – Я тебя умоляю, Христом Богом прошу – оставь мне Глашеньку. У тебя будут руки

развязаны. Тебе легче будет пережить стресс от развода одной.

– Ну, о чем ты говоришь, мамулечка, – всплеснула руками Тамара. – Мне будет проще и легче пожить одной. Да я боюсь одиночества. Глашенька для меня как спасательный круг. Не будет её, я утону в суете жизни. Да и вам Степка покою не даст, если узнает, что я оставила Глашеньку вам. Будет звонить на весь поселок про меня, что я никудышная не только жена, а и мать. Что он был прав, когда хотел силой забрать мою дочку к себе домой. Нет, мамочка, я не дам ему никакого повода до подобных инсинуаций.

– Ладно, – вздохнула Глафира Валентиновна, – попробуй еще раз испытать судьбу. Может быть, твоя путеводная звезда укажет тебе правильную дорогу. Но знаешь, как трудно будет тебе найти работу с ребенком на руках?

– Знать-то не знаю, – попыталась успокоить мать Тома, – но предполагаю, что справлюсь и с этими проблемами. Бухгалтера нужны и на предприятиях и в банках. Сейчас менеджеры-экономисты нарасхват. Все абитуриенты сошли с ума идут косяками в экономические вузы и юридические. Но у меня есть уже практический опыт. А это дает мне преимущество перед выпускниками, не имеющих практики.

– Ладно, доченька, дай Бог тебе здоровья и успеха, – кивнула в знак согласия Тамарина мама. – Сколько бы ни мил дождь все равно на смену ненастья приходит ведро, и солнышко сумеет пробиться своими лучами через мрачные тучи. Но помни одно – будет трудно – вези Глашеньку сразу ко мне. Мне её будет не хватать. Привози её хотя бы на лето, когда пойдет в школу, на каникулы.

На следующий день, держа чемодан в одной руке, а ручонку Глаши в другой, Тамара села в автобус идущий в Санкт-Петербург. Когда они шли на автобусную остановку, дождик перестал накрапывать, а солнышко, выглянувшее из-за туч, улыбнулось маме и дочке.

Что-то ждет её впереди?

Усевшись на мягкое сиденье автобуса и уняв расшалившуюся Глашу, Тамара вытащила тетрадку со стихами, шариковую авторучку, но открыла страничку не после последнего стихотворения, а первую с обратной стороны. Она решила записывать не только стихи, а попробовать себя в прозе.

– Буду записывать свои мысли, впечатления, события в тетради, - подумала Тома, – но не как дневниковые записи, а как художественно-эмоциональные.

Ручка забегала по листу бумаги. Последняя мысль понравилась Рокотовой и она решила использовать её для заголовка заметок. Она вывела подпись округлыми красивыми буковками: «*Большие эмоции маленького человека»*. А потом и подзаголовок: *«Все будет хорошо»*.

Тамара замерла на мгновенье, вспомнив рассуждения матери о судьбе, о дожде и солнышке и записала в тетради эпиграф выше подзаголовка: *«Всегда надо помнить, что после дождя выходит солнце»*. Подумала еще и после подзаголовка «Все будет хорошо» поставила три (целых три) восклицательных знака. Взглянула на превосходную подпись «Всё будет хорошо!!!» и с удовлетворением стала писать строчку за строчкой: *«У тебя так бывает? Вроде бы все хорошо, но все равно все не так. Не так сидишь, не так лежишь. Работа приводит в исступление, друзья почему-то раздражают, солнце слишком сильно светит, а дождь, тот и вовсе не вовремя идет. В такие дни хочется сесть в электричку и ехать, ехать, ехать и слушать стук колес в полубессознательном состоянии. А потом выйти в каком-нибудь безлюдном, заброшенном всеми месте и идти, куда глаза глядят. Идти, идти… пока ноги не взвоют от усталости. А потом упасть в траву и самозабвенно глядеть в небо. Пытаясь найти ответ на какой-нибудь дурацкий вопрос. Он абстрактный, и на него никогда не найдешь ответ, но тебе так хочется. Хочется услышать ответ. Какой-нибудь. Уже даже и не важно, какой он будет, лишь бы был. Но! Вопрос так и остается повисшим в воздухе. Нежно и ароматно пахнет трава вокруг. Пристают комары. Прилетели на свежую, дурную кровь. Ползают букашки. Трудятся муравьи. Скворчат кузнечики. Щебечут птицы. Они живут и не задают себе утопических вопросов. А слышишь?*

Где-то вдалеке, сбегая от назойливых людей в теплые объятия леса, звенит ручей. Его воды обнимают берега. А на поворотах он с веселым смехом обрызгивает всех. Шалит. Порхают бабочки – символ беззаботности и скоротечности жизни. Эх, хорошо. Лежать бы так и лежать…….. Тут ты понимаешь, что надо вставать. Куда-то идти. Что-то делать. А так не хочется. И от этого конфликта между «хочу» и «надо» начинает болеть голова. Стучит в висках. Тук-тук-тук, тик-тик-тик. Разламывает затылок. Немеют руки. Хочется кричать и плакать. От слабости и бессилия. Почему же мы люди такие слабые и зависимые от всех этих плодов цивилизации. Зачем? Зачем это все? Какой в этом смысл? Все равно с собой на тот свет ничего не заберешь. Бред. Начинаешь бредить. Метаться. Метаться по полю и мять ни в чем неповинную траву. Твои руки впиваются в землю и рвут ее. Ты маленький зверь. Маленький раненый зверь. И нет в эту минуту человека способного тебя, молча без слов успокоить. Тебе кажется, что мир переворачивается. Переворачивается и падает. Еще секунда и он разобьется. Разобьется на крошечные осколки мирозданья. Но! Но ничего не происходит. Мир, как стоял, так и стоит. А ты лежишь весь растрепанный, разбросанный, потерянный, несчастный и глядишь на небо. Поднимается ветер. Ты видишь как он гонит стадо облаков. Это зрелище завораживает. Оно гипнотизирует тебя, и ты забываешься. Забываешь, что ты человек, зверь, что у тебя есть чувства. Нервы. Мысли. Вопросы. Нет. Есть только мир. И ты – часть этого мира. Часть неба. Часть земли. Часть травы. Часть этого душного воздуха. Почему душного? А ты не видишь? Скоро будет дождь. Напряжение растет. Небо становится хмурым, сердитым, чернильным. Ветер таскает за косы березы. Рвет на кусочки траву. Разбрасывает кругом листья. Завывает и кричит. Свистит, шипит и ругается. Хулиганит. Становится трудно дышать. Задыхаешься. Ты лежишь и подчиняешься этой стихии. Она буквально вдавливает тебя в землю. Нет сил, ей сопротивляться. Да и желания нет. Страсти накаляются. Становится совсем темно. Почти как ночью. Вдруг все обрывается. Тишина! И в этой тишине ты чувствуешь каждый нерв земли. Он натянут как тетива. Еще чуть-чуть и он порвется. Лопнет. Треснет. Природа терпит изо всех сил. И вот! Разорвав небо пополам, с оглушительным кри-

ком ворвались в жизнь гром и молния. Бабах!!!!! Родились. Еще. И еще раз. В эту же секунду пошел дождь. Теплый. Летний. Сильный. Мощный поток очищающей воды обрушивается на тебя. А ты лежишь и мокнешь. Не в силах пошевелиться. И не чувствуешь, что тебя можно уже выжимать. Ты весь пропитан этой стихией. Каждая твоя клеточка смочена этой живительной влагой. Кажется, что это дождь твоего очищения. Ты подскакиваешь. И с безумными глазами начинаешь носиться под дождем с дикими воплями: «А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!». А по щекам текут слезы…… Летние грозы проходят быстро. Вот и эта уже на последнем издыхании.

Кокетливо из-за тучи выглядывает солнышко. Кого тут нужно просушить? Ты поднимаешь к нему свои руки. Меня! Меня! Свет проникает в каждый атом твоего существа. И ты уже не маленький дрожащий звереныш. Ты маленькая часть этой вселенной, ты буквально растворяешься в ней. Чувствуешь себя великаном способным достать до неба, способным осветить других, у тебя есть большой запас любви внутри. Ты до самых краев своей души наполнен этим светом. Светом любви. Но ты стоишь и продолжаешь впитывать его в себя. Еще и еще, и еще чуть-чуть. Тебе хочется взять про запас. Но! Можно взять только столько, сколько сможешь отдать. А ты много можешь отдать? У каждого свой ответ. Удовлетворенный. Очищенный. Наполненный до краев. Возвращаешься в суетливый мир электроники, сложных отношений, несчастных людей, злых детей. Нет, нет, нет. Это только часть мира. Есть еще и другая. Такая же, как в тебе. Солнечная. Добрая. Прощающая. Помогающая. Тебе решать в каком мире ты хочешь жить. Сделай свой выбор. А остальное? Остальное приложится! Правда. Ты же помнишь? Ты же знаешь? Ты же понимаешь? Все будет хорошо!!!!».

После прозы она перевернула тетрадку еще раз и открыла страничку с последним стихотворением. Если муза снизошла к ней, то щедрость волшебной феи беспредельна. Стихи о своем впечатлении после отъезда из родного дома пришли без всякого напряжения.

Нет времени подчас остановится
Задуматься на миг – куда иду?
К мечте мое уж сердце не стремится
И мысли мчатся, словно я в бреду.

Бреду по жизни, как слепой котенок,
Который в подворотне жизнь встречал.
Нерв, как струна натянут, очень тонок
Отчаянно в моем мозгу стучал.

Стучало сердце, загнанное в угол,
Усталое, израненное в кровь.
О, Боже, может, хватит тебе кукол?
Позволь не останавливаться вновь.

И вновь бежать, дышать и наслаждаться,
Хватать минуты счастья на лету,
В безумии хроническом купаться,
И заполнять стихами пустоту.

И пусть я не могу остановиться,
И пусть пылает жаром голова,
Я не боюсь, в порыве оступится
Знать просто моя участь такова!»

Остановилась Тамара временно у дальней родственницы, которая смогла её прописать у себя. Без прописки в Санкт-Петербурге на работу не принимали. Повезло Рокотовой и с работой. Расторопную эрудированную девушку сразу заметили и назначили менеджером.

Устроила в детский сад Тамара и Глашу. К банковским служащим относились в администрации района одобрительно, тем более, что Рокотова принесла директрисе детсада письмо-просьбу подписанное управляющим банка. Но как всегда вставал ребром квартирный вопрос. На первый взнос для покупки комнаты в коммунальной квартире прислали отец с матерью, а нужно же было выплачивать взносы по ипотечному кредиту ежемесячно. Банковская служащая посмотрела внимательно на Рокотову Тамару своими чистыми, светлыми, честными глазами и спросила, перед тем как подписать согласие на выдачу кредита:

– А вы сможете выплачивать каждый месяц пятнадцать тысяч рублей?

Тома, глядя на вершительницу её судьбы, посмотрела такими чистыми светлыми и честными глазами, кротко потупила их и вы-

дохнула:

– Разумеется, я смогу выплачивать ежемесячно по пятнадцать тысяч рублей за ипотечный кредит.

И она на самом деле не обманывала дебитора.

– Уж пятнадцать-то тысяч в Питере я всегда смогу заработать, даже если меня выгонят с работы из банка. Пойду работать уборщицей, дворником, почтальоном, а взнос буду выплачивать. А на питание нам с Глашенькой много не надо. Она и в садике голодной не будет, а мне, чтобы фигуру не портить, не изуродовать ее излишним весом, много кушать категорически нельзя.

Но работа в банке пока ладилась, и Тамаре пока не пришлось браться за дворницкую метлу и половую тряпку уборщицы. А с наступлением тепла к ней приехала мама и уговорила дочку отпустить к ней в поселок до осени.

Одиночество

Стояла золотая пора, когда Тамара возвратилась с дочкой в Петербург. Накрапывал мелкий дождичек. Но настроение у Томы было приподнятое. Тамаре захотелось переложить свое радостное настроение в новое стихотворение, посвященное своему любимому Петербургу. Он один спасал её от одиночества и тоски.

Мелкой моросью опять меня ты встретил,
Хмурым утром улыбнулся невпопад,
А когда в толпе меня приметил
Тоже в золотистый листопад…

Мы с тобой кружились в вихре вальса,
Теплый ветер плечи укрывал,
Помню, как по-детски ты смущался
Но букет из листьев подавал.

Дождик неожиданно полился,
Всхлипнул обиженно дождем,
Почему тогда ты рассердился?
Что? Потом расскажешь? Подождем.

На мосту с тобою мы молчали
И смотрели тихо на рассвет,

Никогда с тобой мы не скучали,
Лишь спросил: «Уедешь или нет».

Нет! Ты покорил меня заботой,
И своей по-детски радостной игрой,
Шалостью улыбки беззаботной,
Милый Петербург, живу тобой!

Без Глаши ей жилось тоскливо, одиночество терзало её сердце. Но окружающим она никогда и виду не показывала, что ей не по себе, что на душе кошки скребут. Пусть они видят, что она счастливая, уверенная в себе деловая женщина.

– Кстати о кошках, – подумала про себя Тамара.

Она завела, тоскуя по Глашеньке, у себя в комнате кошку и назвала её Ребенок. Кошка вела себя как ребенок, вот и назвала ее Ребенком.

Одиночество подвигло Тому при всей её занятости взяться снова за дневник. Она улыбалась Глаше, ведя её за руку домой, а сама вспоминала последнюю дневниковую запись, которую так и назвала «Одиночество».

Эпиграфом стала фраза *«Действительно, я не люблю одиночество, но порою оно необходимо… Хотя бы для того, чтобы понять, как ты любишь своих близких»*.

Теперь Тамара идет с Глашей по набережной и в записи дневника перед отъездом она начала с прогулки по набережной. *«Иду по набережной. Прохладный влажный ветер ласкает плечи, а теплое солнце обнимает меня. Здорово, что в город пришло долгожданное лето с возможностью загорать и купаться. Выдалась, наконец, свободная минутка, вот шляюсь по городу. Люблю этот город, как хорошо, что он есть у меня. Что-то много появилось дел в последнее время. Учеба, командировки, подработку еще взяла. Знакомые все удивляются: «Вот ты молодец, какая. Как только все успеваешь? И учится, и работать, и творчеством заниматься. Счастливая ты Томка». А ведь не понимают глупые, что это так, лишь бы пустоту заполнить, лишь бы что-то делать, лишь бы не быть одной – ненавижу свое одиночество! Иду себе сейчас по набережной, слушаю музыку и улыбаюсь встречающимся людям. (А как не улыбаться? Как кто-то сказал, даже если вам плохо – улыбайтесь, а*

вдруг, кто-нибудь влюбится в вашу улыбку. Вот и улыбаюсь.) Интересно, наверное, много таких же, как и я, болтающихся так же по жизни, в одиночку бродящих и не знающих, куда бы себя деть, куда приткнуться. Хорошо, что меня дома Ребенок ждет. Ребенок – это моя кошка. Почему Ребенок? Да она и есть ребенок, все за мной ходит и в ванную и на кухню и спит подмышкой, смешная. А у других даже кошки нет. Бродят себе злые на весь мир, думают: «Ах, кто ж такой нехороший виноват в том, что я один». Я тоже ходила и ненавидела всех и вся. Ненавидела и злилась. Сейчас? Сейчас нет, сейчас все по-другому. А знаете, что самое обидное? Самое обидное – это когда людей вокруг много – друзья, знакомые, коллеги, родные, приятели, подруги, просто прохожие, соседи, а ты все равно одна. Ненавижу быть одна! Даже не в плане, что нет никого рядом, а одиночество души какое-то тягостное. Мне вот все в один голос говорят – замуж тебе пора. Да, наверное, уже пора, тридцатник как-никак. Только поможет ли? Да, замуж выскочить можно, велика сложность, вон поклонников куча, но и в браке можно быть одиноким, а такое одиночество будет еще хуже, потому что это уже одиночество вдвоем. Вы знаете, мудрецы говорят, если человек не может быть один, то, значит, он не интересен, даже сам себе, значит и другим не интересен. А если наоборот, человек – душа компании… Красивый всё-таки Питер, я его обожаю, солнечные лучи заливают Неву блеском, слепящим глаза, такое впечатление, что на воду вылили золото, еще и волны добавляют колорита – все искрится и переливается. Туристы забавные, машут мне рукой с кораблика проплывающего мимо. Ну как же им не помахать в ответ? Улыбаюсь. О чем я? Ах, да. Я уверена, что интересна своим знакомым, я всегда или почти всегда знаю, что у кого происходит. Кто кого родил, кто уволился, кто женился, у кого, что еще случилось и меня всегда рады видеть в гостях. А когда мне грустно? Да я же сама, глупая, всегда всем говорю, что у меня все отлично. Вот и сейчас улыбаюсь, создаю видимость, а мне хочется выть, выть и рыдать от своего одиночества. Ну, к примеру, поделюсь с кем-то и что? Скажут: «Да, все пройдет» или «Ну, все же все равно будет хорошо, ты же знаешь». Да знаю. Просто мне сейчас трудно вот в эту минуту. А рядом никого нет. Нет того, кто бы меня понял или может, не понял, но поддержал. Хорошо на улице, уютно, но надо

идти кормить кошку.

– Девушка, вы не сфотографируете нас, – окликнула меня юная брюнетка. Видимо у них все только начинается, оба смущаются и так нежно смотрят друг на друга.

– Конечно, – я сделала два кадра, так на всякий случай. «Будьте счастливы, и пусть у вас все будет хорошо, так как вы мечтаете», – пожелала им про себя.

Я добралась до дома, ловя на себе взгляды мужчин, конечно, красивая, спору нет, летящая походка, хорошая осанка и улыбка, конечно, улыбка, а как без нее…

Не успела я вставить ключ в дверной замок, тут же послышалось громогласное мяуканье Ребенка. Как она узнает, что я иду, для меня так и остается загадкой.

– Ну, привет, моя хорошая, как ты без меня? Не ругайся, поздно я сегодня, поздно, ну прости. Пойдем, посмотрим, что у тебя там есть перекусить.

Я покормила Ребенка, приняла душ, посмотрела новости и легла спать. Завтра опять целый день кутерьма будет, вечером еще на курсы надо успеть. В комнате тихо-тихо, хоть я и живу в центре города, но нет у меня, ни шума, ни гама, но где-то вдалеке громыхают-таки грузовики. Залаяла собака. Ребенок тут же юркнул за шкаф. В такие минуты жалость к себе, к своему существованию особенно хватает за жабры. Я обняла подушку. Предательски заныло под ложечкой. Ненавижу быть одной!!! Чтобы отвлечься включила музыку. Не лучше! Слава поет про то, что «одиночество – сволочь». Вот уж прям в десятку. К черту музыку. Надо что-то делать, надо как-то отвлечься. Взяла телефон и набрала номер одного из своих приятелей, который я точно знаю, еще не спит.

– Привет, – ответил он сиюминутно, как будто только и делала, что ждал звонка.

– Привет! Что поделываешь?

– Да так, ничего особенного, музыку слушаю, – как-то неохотно ответил он.

– Ясно… – повисла пауза, – Ну ладно, я потом позвоню.

– Давай.

Да, не получилось разговора, видимо не моего он ждал звонка. Под ложечкой заныло еще сильнее, а глаза предательски увлажни-

лись. Пульс начал учащаться, а в висках застучало. Дыхание усилилось. Так, это уже начал работу гормон стресса. Сейчас начну загонять себя у гол. Да, наверное, в одиночестве есть свои плюсы, можно поразмышлять над своей жизнью, оценить ущербы от принятия решений, можно разобраться в себе, разложить все по полочкам, можно обвинять всех вокруг, а можно просто жалеть себя, да и вообще можно многое. А если, я знаю, какая я. Если я знаю, почему поступаю так, а не иначе и не вижу смысла ни в самокопании, ни в размышлении над жизнью. Уже столько передумано в жизни, что думать иногда вредно. Сами же знаете, что и от ума горе бывает – это про меня. А я вижу смысл в разделении своей жизни с родным для меня человеком, когда все на двоих, горести, радости, мечты, надежды, задачи, уели, когда не надо много говорить, а можно помолчать вдвоем, просто быть вдвоем, просто вдвоем быть одним. Быть целым миром, целой жизнью. Так трудно найти человека, с которым можно элементарно помолчать. Наверное, мне все-таки пора замуж. Не хочу быть одна, ненавижу быть одна. Зачем мне это? Да, я одна могу все, могу делать все что хочу, когда хочу, как хочу. Да, я сильная и могу справляться со всеми жизненными задачами сама, но не хочу!!! Я хочу, чтобы рядом был Мой Человек, чтобы просто был, чтобы можно было положить голову ему на грудь и помолчать. Не хочу приходить домой и развлекать саму себя. Да, мне всегда есть чем заняться, мне не бывает скучно одной, но – не хочу быть одна! Я хочу поделиться с ним своими мыслями, разделить ужин, выслушать, в конце концов. Хочу жить для кого-то, делать что-то в этой жизни для кого-то, не хочу только для себя, чего тут сложного, не хочу только для себя – это не интересно!!! Когда только для себя, все теряет смысл, понимаете. Да и вообще, в том-то весь смысл, что, когда я живу для кого-то, то живу для себя. Я реализуюсь через людей, понимаете. Я делаю что-то для человека, пусть самую малость и мне становится хорошо и все обретает смысл. Разве с вами не так? Разве, когда вы что-то делаете для других, вам не становится лучше на душе? Ну и со мной так же. Почему же он до сих пор не пришел? Почему он до сих пор где-то шляется?.. Мой человек.

Ты одинок? Нет, просто я один,
Один, как ночь, как сон в тиши рассвета,
Лишь время в думах есть мой господин,
И у него хочу спросить ответа.

Как трудно жить, дышать, страдать, молчать,
Как быть? Когда любви на сердце нету,
Когда в толпе приходится скучать,
Бесцельно бороздить по Интернету…

Зачем болтать, читать, писать, звонить,
Кричать вокруг, что в жизни все отлично?
Зачем же это людям говорить,
Смеясь над одиночеством цинично…

Но время ухмыляется слегка,
Отсчитывая дни, часы, минуты,
Походка словно бабочка легка,
Но все равно привносит в душу смуту.

Ты одинок? Нет, просто я один,
Один, как все, пришел и растворился…
Я без любви, как горы без вершин…
Я – без любви… Зачем тогда родился?

Ненавижу быть одна! А что самое печальное? Никогда в этом не признаюсь. Как же так??? Я на всех перекрестках буду кричать, что у меня все хорошо, все замечательно и все отлично!!! Буду шутить, смеяться и давать всем советы как надо поступать в том, или ином случае. Причем действенные советы! И люди будут говорить: «Тома, с тобой так легко и хорошо, комфортно, ты такая уютная». Да, я такая, и это так не люблю нагружать людей своими проблемами…

Мне часто говорят, что я счастливая,
Что в жизни все дается без труда,
И потому везет, что красивая,
И улыбаясь, светит мне звезда!

И знаете, наварное, улыбается…
Наверно, фору мне дала судьба,

Но ничего бесплатно не случается,
А жизнь – как неподкупная судья.

Ошибки есть, но все счета оплачены,
Уже нет смысла горько слезы лить,
Мои мечты, надежды не утрачены,
Я к ним стремлюсь и продолжаю жить.

Везенье? Несомненно, мне сопутствует,
Но тем везет, простите, кто везет,
Когда у вас ответственность присутствует
Тогда и вам возможно повезет!

Да, мне звезда, наверно, улыбается,
Но без упорства и таланта нет,
Согласна, что не плохо получается –
Но я тружусь над этим – мой ответ!

Мне часто говорят, что я счастливая,
Что в жизни все дается без труда…
А, ведь на самом деле: я – счастливая!
Но я тружусь над этим, господа!!!

Я разрыдалась. Как рыдают маленькие дети, вздрагивая и захлебываясь своими эмоциями. Рыдала и ненавидела себя за эту слабость. Не понимала, что если не позволю себе этого то, в конце концов, просто превращусь в дерганую истеричку. Высвобожденные эмоции очистили мою душу и освободили сердце. Напряжение спало. Я свернулась калачиком и тихо лежала, смотря в окно. Мыслей не было. Пустота. Пустота в голове и пустота в сердце. Все хорошо. Можно начинать новый день…

«Россия – священная наша держава…
Россия – любимая наша страна…»

Вот оно – начало нового дня… я выключила будильник, включила телевизор. Нет, вы не подумайте, что я безумна и до кончиков ногтей патриотична, просто, когда ты просыпаешься под гимн России, чувствуешь себя частью большого мира, хочется сразу вставать и что-то делать. Утро – это ритуальная часть дня, в которой можно настроить себя на нужную волну. Например, если

ты встала в плохом настроении, то можно безупречно одеться, там – одежда, макияж, маникюр и тому подобное и выйти, как королева. Настроение сразу меняется в лучшую сторону. А, когда настроение хорошее, то можно особо и не заморачиваться на счет внешнего вида, когда у человека хорошее настроение он как бы светится изнутри, ему не нужно красивое обрамление для того, чтобы прекрасно выглядеть. Настроение у меня последнее время, мягко скажем, скверное, и сегодняшнее утро не стало исключением. Значит, внешнему виду надо уделить немного больше внимания. И так, приведя себя в порядок и позавтракав, я выплыла на улицу. Утро еще свежее, приятная прохлада, не успевшая запачкаться выхлопными газами. До работы хожу пешком, получая двойное удовольствие: и фитнесс тебе и настроение поднимает. В общей сложности дорога занимает сорок минут. Да и маршрут у меня завидный, все по набережной да по набережной, хотя об этом вы уже знаете. Уди себе, музыку через наушники слушаю, пока еще хмурая. Надо что-то делать. Знаете, при быстрой ходьбе вырабатывается гормон счастья – этим и займемся. Добавляем шаг, увеличиваем звук музыки. Уверенность в себе повышается с каждым заинтересованным мужским взглядом, уже и улыбка появилась – хороший знак, значит, день пройдет хорошо. Вы знаете, настрой – это великая вещь. Главное верить, что все получится и все получится! На горизонте появился любопытный объект – идет мне на встречу, улыбается. Он мне, а я ему. Хорошо. Подмигнули друг другу. Эх, жизнь все-таки хороша… Улыбку, больше не нужно натягивать – она сам безо всяких трудностей светится на моем лице. Даже немного смущаюсь, что так счастливо выгляжу, вокруг много хмурых людей и я тут такая светящаяся. Чувствую себя великолепно, еще чуть-чуть и накопленной положительной энергии хватит на целый день. «Будьте любезны – уступите дорогу – я же пешеход!» - мысленно обращаюсь к водителям. Ага, эта машина не остановилась ну да, там же женщина (они обычно себе подобным не уступают). Вот, этот молодец уступил, наградим его улыбкой – спасибо. И он в ответ улыбается! Хорошо! Я уже не иду, а практически лечу на работу – настроение замечательное, выгляжу отлично, в душе тишь да благодать. Вихрем вливаюсь в офис – доброе утро направо, доброе утро налево, доброе утро офис-менеджеру, доброе утро начальнику. Доброе утро

всем!!! Я сегодня всех вас люблю. Мое рабочее место. Можно приступить к работе. В течение дня ничего, конечно, любопытного не происходит. Решаются рабочие моменты, обсуждаются проекты, и всякое такое, к слову сказать, я занимаюсь маркетингом, изучаю рынки сбыта нашей продукции, объемы отгрузки и всякой такой разной деятельностью. Мне очень нравится. Сейчас у нас спокойное время – все проекты запущены, можно расслабиться. Когда занимаешься любимым делом, время летит стремительно – раз и уже обед, два и нужно собираться домой. А! а мне сегодня не домой, у меня сегодня курсы. Зачем я записалась на эти курсы, вот скажите, для чего мне итальянский язык? Но, делать нечего – надо идти.

Преподаватель, влюбленный в Италию, был блестящим оратором и мы, изучали не просто язык, в котором небо – это cielo, а улица – это strada, мы буквально брели по этим приветливым улочкам Рима, Милана, Неаполя, погружаясь в атмосферу этого языка и этой культуры. Да, наверное, интересно там побывать в реальности. Что ж, говорят мысли материальны. Потащило же меня что-то сюда. Два часа пролетели как одно мгновение, и я вдохновленная и удовлетворенная своим сегодняшним днем решила не упускать возможность и прогуляться перед сном по нашему восхитительному Петербургу. Италия Италией, но и наш город совсем не хуже. Я шла очень медленно, погруженная в какие-то свои раздумья и даже не могу сейчас сказать, о чем думала, наверное, как всегда обо всем и сразу. Я была уже совсем близка к своему дому, как меня окликнули.

– Help me, please, – на ломаном английском попросил у меня помощи молодой человек. Он отстал от экскурсии и не мог найти гостиницу «Санкт-Петербург». Оставалось одно, либо объяснять ему, либо проводить. Я выбрала второй вариант. И не потому, что он показался мне симпатичным, хотя и это тоже сыграло свою роль, а потому, что он ужасно говорил по-английски, и я побоялась, что он меня элементарно не поймет. Мы шли обратно по набережной и молчали. Это молчание напрягало все больше и больше, и я решила выяснить кто же он на самом деле.

– Frenchman (француз)! – Спросила я.

– No, I'm Italian (нет, я итальянец), – ответил он. Мое лицо просияло улыбкой, а он, увидев мое сияющее лицо, тоже заулыбался.

– E`fantastico (это же великолепно), – воскликнула я. А он, услышав знакомые ноты, просто расцвел. Моих начальных знаний языка было достаточно для того, чтобы дорога до гостиницы не казалась нам такой напряженной, мы легко понимали друг друга, а если что и не понимали, то объясняли друг другу жестами. Когда мы добрались до гостиницы, было за полночь, метро уже не ходило, а мост скоро разведут, надо бежать домой. И тут марко, а именно так звали моего нового знакомого, видя, что я тороплюсь и, понимая всю ситуацию, говорит мне.

– Forse saremo pranzare insieme domain (может быть, мы пообедаем завтра вместе)? – и знаете, я согласилась. Если у нас не хватит слов для того чтобы объяснить что-то друг другу, то у меня есть словарик, так, на всякий случай…».

Чужих детей не бывает

На Новый год и Рождество к Тамаре приехала Глафира Валентиновна и увезла к себе в поселок Глашеньку. Тома недавно поссорилась с дочкой и та с удовольствием согласилась на предложение бабушки. Во-первых, Тамара случайно упустила Ребенка. Она открыла дверь возле которой канючила мяукала кошка или же чувствовала даже через дверь запах соседского котика или ей захотелось погулять одной на воле. Ведь кошки, как известно, привыкли гулять сами по себе.

Но, когда спустя полчаса Тамара спохватилась, то Ребенка, ни на лестничной площадке, ни во дворе не было. Ах, какую истерику закатила Глашенька матери.

– Вот ты какая бессердечная, мамочка, – рыдала дочка Тамары. – не только мне поломала судьбу, но и Ребенка сделала беспризорницей. Где она будет жить в такую холодрыгу, где питаться?

Предложение матери оказалось и для Тамары как нельзя кстати. И она со спокойным сердцем отпустила Глашеньку к матери. Поэтому и совершила потом неожиданный, но королевский щедрый поступок, увидев маленький листочек, приклеенный к стеклу чужой девочки.

– Как хочется верить, – подумала Тамара, – в чудеса, в сказки.

Когда же случилось чудо, она села за стол и написала новую главу своей жизни, которую назвала *«Чужих детей не бывает»*.

Эпиграфом взяла слова той мысли, что крутились в голове перед чудесным происшествием: *«Иногда в жизни случаются сказки…»*. Вспомнив тот серый холодный питерский денек, Тамара записала в дневник: *«Снег, сегодня снова идет снег. И еще ветер, сильный, порывами, он подхватывает снежинки и кидается ими в прохожих, а те морщатся и ругают про себя зиму. Холодно и мерзнут руки, почему-то у меня всегда мерзнут руки. Вечер и уже темно, хотя здесь у нас в Питере почти всегда зимой темно, такова уж особенность этого климата. Поймала себя на мысли, что, живя среди людей, становлюсь все черствее и черствее. Иммунитет что ли какой вырабатывается к просьбам других людей, ну не вызывают они у меня желания жалеть и помогать им. Что-то сломалось, перестало работать: нет в жизни чудес, нет волшебства, фей, волшебниц. Была вчера у своей тети в гостях и ее пятилетний племянник Олежка вдруг спросил:*

– Теть Тома, а ты веришь в деда Мороза? – ну и что я могла сказать этому очаровательному голубоглазому малышу, который с надеждой ждет подарков на Новый год под елку от этого самого Деда Мороза?

– Конечно, верю, малыш! – изображая уверенность, ответила я ему.

Дурацкое чувство. А хочется просто взять и поверить. Так ведь нет, не получается, более того все больше и больше разочаровываешься.

Иду из банка. Отдала ползарплаты за кредит, жалко, а что делать, поставлены мы в такие условия, либо платим за кредит, либо за аренду. Но сейчас не об этом. Пока стояла, увидела маленький листочек, приклеенный к стеклу, на нем нарисована девочка, лысенькая такая и косы пририсованы, а снизу на бумажке написано: «Анечка мечтает отрастить косы». Она больна острым миелобластным лейкозом и родители собирают деньги на лечение и донора. Я в детстве тоже мечтала отрастить косы, но не потому что у меня их не было, просто хотелось иметь длинные-длинные косы. Не получилось ну и, поддавшись сиюминутному желанию хоть чем-то помочь этому ребенку, стала лихорадочно подсчитывать наличные. К моему разочарованию после оплаты кредита в моем портмоне оставалось каких-то несчастных триста рублей. Да, не

очень-то велика будет от меня подмога с таким-то количеством наших российских. Операционистка уже совсем замученная к концу своей смены, но все равно пытающаяся быть милой, подавая мне квитанцию об оплате, вежливо поинтересовалась:

– Может, купите билетик лотерейный, последний?

– Вот еще. Какие могут быть лотереи в наше время, – но она продолжала уговаривать.

– Рождественский тираж, все раскупили, а этот остался.

– Ладно, давайте, - разум упорно не хотел меня понимать, но я уже расплачивалась за эту цветную бумажку. А вдруг… затрепыхалась где-то далеко дремлющая в душе надежда… хоть чуть-чуть… Чушь! Резко прекратил дебаты рассудок.

Медленно плутаю под холодным питерским снегом, который упорно лезет за воротник и ною. Ною и понимаю, что начинаю терять к себе уважение. Куда делась та девочка, которая верила в светлое будущее и ни при каких обстоятельствах не теряла надежды и веры? Вера! Вот что главное, нет веры. Нет веры в себя, нет веры в то, что ты можешь что-то изменить, нет веры в чудо. Может это просто возрастной кризис? Я ухмыльнулась своим рассуждениям. Почему же так мерзнут руки? Проходя мимо парадной соседнего дома, автоматически придержала дверь – юный отпрыск никак не мог протиснуться в узкий проём с лыжами. Улыбка в качестве благодарности. Да, пожалуйста, мне ничего не стоит. Мой двор. Окна третьего этажа смотрят черными пустыми глазами, да, там никого нет, там никто не ждет. Грустно. Снова вспомнилась девочка с нарисованными косичками. Я открыла парадную, как вдруг, в тепло подъезда мимо меня маленький смерч, уселся под батарею и затих.

– Боже мой, ты откуда такой? – заговорила я с котенком. Да, да это был просто котенок, маленький, грязный, дрожащий котенок, столкнувшийся с горькой жестокостью современного мира.

– Мяу, – откликнулся он выразительно тонким и звонким голоском. Никогда бы не подумала, что в этих ста граммах может быть столько силы.

– Ну, пошли домой что ли? – я принесла домой, отмыла, накормила, и в моем полном распоряжении оказалось довольно таки милое серое существо с очень веселым характером и озорными гла-

зами. Смерч – это имя ему полностью подходило не только потому, что он носился по квартире как угорелый, но и потому, что он сметал все, чтобы не положили ему в тарелку. Вообще-то я не очень люблю кошек и поэтому лежа в теплой уютной постельке, перебирала в голове знакомых, которым можно было бы его подбросить. На ум никто не приходил и под тихое мурчание своей находки, уснула.

Я проснулась от того, что котенок скакал по моим ногам и пытался их покусать.

– И тебе счастливого Рождества! – но ему было все равно, он с отчаянием продолжал кадиться на мои ноги, падал с кровати, снова поднимался и снова пытался их покусать, вот ведь неугомонный!

– Хорошо, хорошо встаю.

Утро пусть и Рождественское, было все равно как самое обычное утро. Идти никуда не хотелось, делать тоже ничего не хотелось, и я решила, что сегодня – ленюсь. Валялась и просто переключала каналы в надежде посмотреть что-нибудь интересное. И вдруг меня осенило – я же пропустила тираж! Проспала! Не зря, видимо Смерч пытался меня разбудить. Что же делать? С одной стороны я понимала, что все это ерунда и нужно выбросить и забыть, а с другой стороны та маленькая девочка, очень хотела чуда. Очень хотела вернуть в свою жизнь надежду и веру, что есть чудеса, есть волшебство. Но, вы только представьте, какое будет разочарование, если билет будет совсем-совсем проигрышным? Боже, и зачем только она уговорила купить этот билет? Надежда вкупе с любопытством – страшная сила! Конечно, я залезла в Интернет, нашла сайт, и заглянула в розыгрыш, но… он еще не был опубликован. И тут же обида и радость поселились в моей душе. Обида, потому что ничего не узнала, а радость, потому что во мне продолжала жить надежда. Как же глупо устроена человеческая сущность. Вместо того, чтобы раз и навсегда покончить со своими переживаниями, мы еще с большим усердием лелеем и бережем свои надежды, а вдруг…, а вот…, а может так и надо? Не разрушать свои собственные мечты?..

В смятениях я провела весь остаток дня и на следующее утро, только открыв глаза, сразу же полезла узнавать, что же там с

моим билетом. Набрав заветный номер, стала ждать результата. Сказать, что он ошеломил меня – ничего не сказать! От увиденной цифры я встала в ступор и долго-долго не могла поверить, что это именно мой билет выиграл полмиллиона рублей. Представляете!!! Полмиллиона!!! Сумасшедшие (для меня) деньги. Маленькая девочка во мне тут же начала радоваться и хлопать в ладоши от восторга: «Я так и знала, так и знала, я же так надеялась!», а разум тут же ей вторил: «Нет, ты сначала получи эти деньги на руки – тогда и будешь радоваться». Но ворчание разума меня уже мало волновало, я была рада, мне было очень страшно, что может быть это и в самом деле ошибка или еще что-то, но я все равно радовалась…

Снег, сегодня снова идет снег, белый легкий и не навязчивый. Когда же кончится зима, все уже устали от морозов, что-то уж больно холодная она выдалась в этом году. Знаете, я вот иду по городу и понимаю, существует две категории людей, одни ждут чуда, тихо безропотно, просто потому, что им больше ничего не осталось, только ждать. Они уже испробовали все, и все что у них осталось – это всего лишь надежда, надежда на чудо. И было бы очень жестоко, если бы, хоть иногда, хоть совсем чуть-чуть самую малость, это чудо не свершалось. А еще, есть те, кто это воплощает в жизнь. И на самом деле, вы только задумайтесь, не надо совершенно не надо, быть великим человеком, для того, чтобы делать какие-то Поступки, чтобы хоть иногда, делать кого-то чуточку счастливее, потому что в любом случае выигрывают оба и тот, кто получает, и тот, кто отдает. И, может быть, второй даже больше…

Опять мерзнут руки. Но на душе тепло-тепло и какое-то непонятное для меня, новое чувство наполняет мое сердце. Оно разливается по всему телу, бежит по венам и стучит в висках. Трепетно и волнительно. Щекочет в носу и на глаза наворачиваются слезы. В горле стоит ком, но все равно хочется прыгать и кричать: «Господи, хорошо-то как!!! Люди!!! Какое это счастье, когда у тебя есть возможность творить чудеса!!!».

Я сегодня снова была у Анечки. Она идет на поправку. Вы бы видели глаза ее мамы, в них столько счастья и нежности, еще бы, теперь ее маленькая девочка обязательно отрастит косы – у нее будет на это время. Она обещала пригласить меня на день рожде-

ния, а я даже знаю, что ей подарить, мама сказала, что она очень хочет котенка…».

В родные пенаты без дочери и мамы

Традиционно Глафира Валентиновна на лето увезла свою внучку к себе в поселок. И через две недели Тамара загрустила, скучая по дочери. Добраться до своей матери и дочурки одного выходного не хватит, а хотелось развеяться, отдохнуть от монотонной работы в банке. И она решила хотя бы съездить на экскурсию в Великий Новгород.

Возвратившись, Тамара снова достала свой дневник и вдохновленная Великим Новгородом написала *«Новгородская благодать»*. Излила на бумагу свои эмоции.

«Вдохновленная Великим Новгородом…

Утро началось со спешки. «Только бы не опоздать, только бы не опоздать», - крутилось в моей голове, и зачем только я придумала себе это развлечение. Милое, хорошее, субботнее утро, в которое можно было спокойно выспаться и понежиться, превратилось в неудержимую гонку. А все потому, что я решили съездить в Новгород. На землю предков. Мои корни по маминой линии оттуда, из Великого.

«Уф, теперь можно передохнуть», – подумалось мне, сидя на своем месте в автобусе Санкт-Петербург – Великий Новгород. Еще бы чуть-чуть и опоздала. Но нет, мне повезло, впрочем, как всегда.

– А ты, деточка, в Новгород по делам? – спросила меня соседка, бабулечка давно пенсионного возраста.

– Нет, так просто, погулять по духовным местам, может быть, найду ответы на свои вопросы.

– Найдешь, деточка, найдешь. Новгород – славный город, хороший, всем помогает. Вот и мне в свое помог. Молодая я тогда была, совсем вот как ты, примерно. Замуж выскочила, а дитя Бог нам все не посылает, да не посылает. Так то.

Бабулечка вздохнула тяжело, замолчала. Видимо воспоминания прошлого понеслись в ее голове, заставляя вновь пережить эмоции давно минувшего времени.

– Решила я тогда съездить до Новгорода, – продолжала она,

- помолиться Софии. Приехала, вошла в церковь и обомлела. Ничего сказать не могу, только одно в голове и крутиться: «Сыночку бы мне, сыночку». Не знаю, сколько я там пробыла, но ответа так и не услышала, хотя умиротворение поселилось в моем сердце. Приехала в свою деревню, выхожу на остановку, а там малец сидит, совсем один. Я его спрашиваю: «Ты чей?», а он ничего не говорит, только плачет. Ну, думаю, потерялся. Бегом с ним в деревню. А там никто ничего не знает, одна женщина предположила, что цыгане подбросили. Они тут недавно в своих кибитках проезжали. Делать нечего, забрала его к себе. Муж у меня сердобольный, понял все и принял его, как родного. А вскоре и свой сынок родился. Так то.

Я молчала, а бабулечка все рассказывала, да рассказывала. Так незаметное и добрались до Новгорода. На прощание моя попутчица. Пожелала мне удачи в поиске и опять, как заклинание, произнесла.

– Найдешь, деточка, найдешь. Так то.

Город встретил меня обычной суетой. Туристы, местные и просто проезжающие люди бежали и суетились. У всех свои дела, свои заботы. Я купила карту Новгорода и решила не отличаться ото всех начала осмотр с Новгородского Кремля, тем более, что и София находилась там же. Новгородский детинец – цитадель Великого Новгорода. Старейший памятник архитектуры, невероятный по своей красоте. Бродить по натоптанным туристами тропам – не хотелось. Я бродила по закоулкам крепости, тут и там открывая для себя что-то новое. Вот передо мной оказалась деревянная лестница, изумительная по своему зодчеству. Резная крыша и крутой подъем прямо как в сказках. Потом я попала на реставрацию одной из стен. Невероятно, как такую мощь могли соорудить без современного оборудования. «Наверное, поэтому крепость и стоит столько веков», – решила я.

Я бродила, бродила и, наконец, очутилась у Софийского собора. Стоя перед Софией, меня охватила какая-то оторопь. Вот, казалось бы, перешагни и все, но нет, что-то внутри меня судорожно сжималось. Нет, это был не страх, скорее наоборот, благоговение какое-то. Преодолев свои эмоции, я все же шагнула внутрь. Там было прохладно и темно, благодать моей уставшей от жары коже. Понемногу глаза привыкли к полумраку, и я поняла, что очутилась в самом сердце Новгорода. Удивительная атмосфера наполняла со-

бор. Тут и там слышалось потрескивание свечей, люди степенно расхаживали туда-сюда, но для меня в это миг никого не существовало, только я и то, что наполняло собор. «Бог?» - спросите вы. Возможно. Не берусь утверждать. Да и не важно, как ты это называешь, важно то, что это делает с твоей душой. Я забылась окончательно. Время, люди, пространство, все перестало существовать для меня. В горле встал ком, а в голове неслась и мчалась только одна фраза: «Прости меня, Господи! Прости за все!», – слезы наворачивались на глаза, меня всю трясло, дрожь охватывала каждую клеточку моего существа, я не могла двигаться, а в душе был невероятный трепет. Трепет и желание быть здесь еще и еще. «Прости меня, Господи, прости за все!» – я даже не могла сфокусироваться на том, за что прошу прощения, но желание, чтобы меня простили за все, было невероятно велико. Я чувствовала себя маленькой песчинкой в суете этой жизни. У меня закружилась голова. Я оперлась на стену и сползла на пол. «Прости меня, прости за все…» - слезы постепенно высохли, душевное состояние восстановилось, голова стала легкая и светлая.

Выйдя из Софии, я чувствовала себя абсолютно неспособной к дальнейшему осмотру достопримечательностей и поэтому пошла на берег Волхова, чтобы просто посидеть. День выдался изумительный, солнце припекало, небольшой бриз, долетавший до Новгорода с озера Ильмень, чуть холодил тело. Мимо меня проходила женщина с двумя детьми, и я невольно залюбовалась этой трогательной компанией. Маленький, еще грудной, лежал в коляске и что-то бормотал, а старший все пытался его как-то развлечь, то погремушкой, то цветочек ему принесет, то рожицу скорчит. Вспомнилась сразу моя бабулечка из автобуса. Она так же, наверное, как эта молодая, привлекательная женщина возилась со своими долгожданными малышами. «Дети – это великое счастье» – подумалось мне, как-то неожиданно. Невольный вздох вырвался их моей груди. Бывает, вот так вздохнешь, и освободится место в душе для чего-то нового, вот и мне захотелось так вздохнуть…

Ладно, до автобуса еще долго, буду продолжать свою экскурсию. На Городище идти не хотелось, я решила доехать до Юрьева Монастыря. Находится он всего в пяти километрах от Новгорода. Села на автобус и уже через пятнадцать минут была на месте.

Монастырь действующий, очень красивый по преданию основан князем Ярославом Мудрым. Восхитило в нем всё: и Георгиевский Собор, и Крестовоздвиженский собор, и Колокольня, и Церковь иконы Божьей Матери, но больше всего мне, как ни странно понравились розы. Розы, выращенные обитателями этого святого места. Красивые, красные с большими нежными бутонами, появившимися на свет благодаря великой любви, не иначе, заботе и вдохновленному обращению. Налюбовавшись розами, я отправилась пешим шагом до еще одного святого места, в котором желала побывать даже больше, чем в Монастыре. Это Перынский скит. Там находилось одно из крупнейших языческих святилищ восточных славян – капище бога-громовержца Перуна. Надо сказать, что дорога, да по жаре давала о себе знать, начали уставать ноги, и все время хотелось пить, благо у меня всегда есть с собой бутылка воды. Но, как, ни странно, ступив на территорию скита, усталость как рукой сняло. Вот она благодать. Скит находится на берегу Волхова, на возвышенности, вокруг сосны и небо, такое ощущение, что еще чуть-чуть, и ты достанешь до него рукой. Я уже не говорю о воздухе, тягучий, вкусный и особо ароматный. При его вдыхании чувствуешь, что наполняешься какой-то невероятной силой. Появляется какой-то стержень внутри. Обретаешь свободу от всего и уверенность в том, что все невзгоды – это мелочи на пути к чему-то великому. Я полностью была поглощена своими ощущениями и не замечала как всегда ничего вокруг. «Счастье – это когда даешь, а не берешь» - донеслось до меня. От неожиданности у меня по коже побежали мурашки, и заныло под ложечкой. Я оглянулась. Это оказалось всего лишь фраза из диалога посетителей скита со служителем церкви. Странно, что лишь она донеслась до меня, остальной разговор, я как ни старалась, не могла разобрать. Да и не важно, наверное. Все что мне нужно было – я уже услышала. Продолжая сидеть на берегу, я наблюдала за рекой, казалось, отдыхает каждая клеточка моего тела, и каждая ниточка моей души. Как хорошо и спокойно. Часы отсчитывали секунды, они превращались в минуты и мое пребывание в этом безмерном месте, в котором переплетаются эпохи, время, действия, нещадно подходило к концу. Неимоверными усилиями я заставила себя подняться. Вся моя сущность молила остаться здесь еще хоть на несколько мгновений. Но мой

разум был неумолим. Я понимала, что времени осталось только для того, чтобы добраться до автовокзала. Надо собираться в обратную дорогу. Домой.

Я дремала, сидя в комфортабельном автобусе под равномерный, бархатный шум колес. В моем воображении разыгрывались всевозможные исторические сценки, декорациями к которым служили достопримечательности выдающегося города, старейшего города России, средневекового центра торговли и ремесел благодатного города – Великого Новгорода. И, возможно, я не нашла ответы на все свои вопросы, но одно знаю точно, я сюда вернусь, потому что именно здесь в колыбели духовного сердца России я почувствовала себя абсолютно счастливым человеком».

А утром в почтовом ящике обнаружила письмо от Стёпы. Он писал, что скучает, звал в поселок, чтобы помириться и начать совместную жизнь сначала, с чистого листа.

В банке она машинально выполняла работу, а мысли все витали вокруг письма Стёпки. И поэтические строчки родились сами по себе.

– Любовь должна всегда присутствовать в моей жизни, – думала Тамара, – но она, любовь, бывает такая разная. И все же любовь присутствует в каждой клеточке моей души.

А вечером в дневник записала: *«Любовь должна всегда присутствовать в моей жизни, а любовь бывает такая разная…»*. Вновь вспомнилась бабулечка из автобуса. Её слова вселяли в Тамару оптимизм. И она, подумав, написала еще одно стихотворение;

Зачем ты меня мучаешь, скучаешь?
Но сам сказал: «Так надо для двоих!».
Так почему себе язык кусаешь…

Раз мы расстались, что о прошлом плакать!
Пошли к чертям обиды, боль и злость,
Сожгли мосты, любовь в сундук не спрятать!
Не выдернуть из сердца ржавый гвоздь!!!

Я соберу кулак и силу, и всю волю,
Сжав зубы крепко, чтобы треск стоял!
Стараясь убежать, бежать на волю,
Чтоб ты – «хочу к тебе» - не повторял!

В слезах давно надежду утопила,
Когда рыдала ночи напролет!
Всю нежность и любовь тогда убила!
Теперь твой номер с лаской не пройдет!!!

Теперь живи, живи себе, как знаешь,
Не надо больше к совести взывать!
Убила я любовь! Ты это понимаешь???
Мне долго нужно руки отмывать……

Опять на пороге мне в двери стучится,
Улыбчивым лучиком света весна,
И снова мне кажется – что-то случится,
Когда на пороге явилась она.

Мне хочется громко кричать и резвиться,
Мне хочется в жизни все-все поменять!
Для этого надо опять разводиться
Вновь научиться, как в детстве мечтать.
И я разведусь и с обидой и болью
Со злостью и страшным до одури сном,
И я разведусь и посыплю все солью,
Пускай все летит кувырком.

Я жизнь полюблю и весеннее солнце
И даже вчерашний неласковый день,
И в сердце своем я открою оконце
И пусть расцветет даже спиленный пень!

А я полюблю и дорогу, и небо
И даже сухую как сено траву,
И пусть мне все скажут: «Ведь это же небыль!»
В ответ я опять им чего-то навру.

Пусть жизнь моя станет свободной, беспечной,
И легкой, смешной, невесомой, как пух,
Не буду ходить опечаленной вечно –
Надежда и вера поднимут мой дух!

Спасибо весна, что идешь по планете
Спасибо тебе, что ты снова пришла,

Когда торжествуют все люди на свете,
То кажется мне, что я счастье нашла!

Часть II.

Воспитанник кадетского корпуса

Юра Ивкин вырос в благополучной интеллигенткой семье. Отец его, Петр Егорович Ивкин, инженером механиком работал на производстве, а потом в проектном институте конструктором. Его везде уважали и ценили, а потому зарплаты Петра Егоровича семье хватало и мать Юры, работая учительницей и получая небольшую зарплату, тем не менее, затруднения в деньгах не испытывала.

Сына своего, Юрочку, любила беззаветно, а потому и баловала. У Юрия был «открыт» неограниченный кредит у любимой мамочки и иногда после очередной просьбы кожаный кошелек тощал до неприличия быстро.

Когда у человека появляются легкие деньги, вокруг него тут же появляются знакомые весьма сомнительного свойства. Юра увлекался рыбалкой и в его аквариуме всегда водились красивые рыбешки с яркими плавниками и нежной окраски чешуи. Он так великолепно ориентировался в ихтиологии и прекрасно знал, что в океане существуют особый подвид рыбы – рыбы-прилипалы.

Жиль, что он еще плохо ориентировался в человеческой жизни с воздушной атмосферой. Она пока отличалась от жизни в подводном мире. Встречались в её обычной жизни и Юрия и хищные рыбы и рыбы-прилипалы.

Родители Ивкины приходили с работы поздно: в часов семь-восемь вечера. Поэтому в их квартире от часа дня и до восьми вечера, считай полный рабочий день, творилось столпотворение. В гости к Юрию приходили его друзья: парни, девушки. Приносили дешевого вина, и неторопливо потягивая портвешок, рассуждали иногда о мировых глобальных проблемах. Но больше всего любили посудачить о своих романах или об ухаживаниях своих друзей за девушками. Особенно об их неудачах.

Юрка учился в восьмом классе и его самого и одноклассников взрослые называли подростками трудного переломного возраста. В его кругу вращались трудные подростки с различной степенью ин-

теллекта, но в переломном возрасте как раз и начинают проявляться и таланты и пороки.

Некоторые посетители Юркиной квартиры уже не только пристрастились к алкогольным напиткам, а уже испытали кайф от наркотиков. Кто-то был на первой стадии, и покуривали травку, а более втянувшиеся подсели и на иглу – ширялись.

Это про то, что касается пороков. Но и талантов хватало. Поэты читали стихи, художники устраивали свои вернисажи в комнате Юры Ивкина. И чем больше было гостей, тем чаще приходилось покупать угощения для праздного стола хозяину комнаты, в которой не было будних дней – одни бесконечные праздники.

Вероника Антоновна уже не с трепетной радостью субсидировала сына и даже стала задавать естественные вопросы:

– Куда и на что ты так быстро и так много тратишь деньги? Раньше мне хватало моей зарплаты на исполнение всех моих денежных капризов, а теперь приходится спрашивать для покупки парфюмерии у мужа. У твоего отца стали возникать подозрения. Не в отношении меня разумеется, а в отношении тебя. Он мне прямым текстом объявил ультиматум: «Перестань баловать сына. Поощряя его аппетиту, ты ничего хорошего взамен не получишь».

– Ладно, мамочка, я не буду так много у тебя просить денег. Но чем именно недоволен отец? – спросил Юра.

– Эх, сынок, как бы ты тщательно не скрывал следы пирушек в своей комнате, шила в мешке не утаишь. Запах сигарет, алкоголя не соберешь в помойное ведро и не выбросишь в мусоропровод. Он понимает, что у тебя собираются в отсутствии нас компании, а ребята и девушки из этих компаний не самые лучшие представители современной молодежи. Предупреждение матери возымело позитивное действие на сына. Он старался выпроводить друзей и подруг пораньше. Чтобы родители меньше чувствовали раздражающие запахи.

Но Петр Егорович, обеспокоенный жизнью сына, вдруг заявился в самый разгар пирушки, справился на работе и пришел домой в пять часов дня. Но судьба хранила Юру от неприятностей. У него в этот день было в гостях два человека: молодой художник Алексей Шапкин выставил на просмотр в комнате несколько своих новых картин, и его девушка Оля, которая была постарше Леши лет на пять, крупнее его и на полголовы выше Леши.

Петр Егорович вежливо поздоровался, познакомился с гостями и подумал: «Всё начинается с любви. Алексей Шапкин представил под первым номером картину «Портрет любимой девушки». Написана она с такой трогательностью, с такой нежностью, что сразу понимаешь глубокие чувства Алексея. В его любимую девушку невозможно не влюбиться: одухотворенная внешность».

Ко второй картине, где Шапкин изобразил цветок – синий подснежник – символ пробуждающейся весны, он первым пробивается сквозь жухлую траву и через слой прошлогодней листвы на проталинке лесных полян.

– Обе картины взаимосвязаны по смыслу. Необыкновенная прелесть первого весеннего подснежника и весна души, любви твоей Леша к синеглазой, как цветок подснежника, девушке, – прокомментировал Ивкин.

– Названию вернисажа «Поэзия живописи» дали обе лирические картины с одним сюжетом – зарождающаяся любовь, органично вплетаются в поэтические сонеты выставки, – Алексей продолжил.

– Как известно, что первым поэтом на нашей благословенной Земле стал не тот человек, который срифмовал два слова: голка-полка, а сравнивший любимую женщину с распустившимся весной цветком. Так что и в твоем случае венок сонетов сомкнулся в единое кольцо, с какой строчки начался звучать, ею же и закончился.

– Такова гармония нашей жизни, – сказал Алексей.

Послушайте четверостишие поэтессы Тамары Дроновой и посмотрите на картину мою «Подснежник» и вы убедитесь, что силой двух видов искусства усилит ваше впечатление многократно. Вот эти строчки:

Снежинки последние тают.
Проталинки пахнут весной
Мне робко подснежник кивает,
Проснувшись под старой сосной.

У Тамары описан нежный голубой подснежник, робко пробивающийся к свету. У меня подснежник набрал силу и гордо оглядывается вокруг себя и словно говорит: «До чего же я хорош! Приятно доставлять людям радость!».

Следующая картина Алексея выбивалась из стройного ряда

вечной неумирающей любви. Называется она «Дом Дон Хуана». В Испании приставку «дон» к имени собственному имеют не простолюдины, а великосветские родовитые дворяне.

– У некоторых за первым своим именем следует такая нескончаемая вереница имен предков дворянина, что иногда может не хватить места даже на моем вместительном сайте, перечисляя эти имена, - подумал Петр Егорович.

– Зато, какая музыка сопровождает эти перечисления. Она заложена Алексеем и в названии картины «Дом Дон…». Звон колокольный, да и только: дом-дон, дом-дон – вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он.

– Много дум наводит не только название, а сам сюжет картины, – вступила в разговор Оля. – Иконописное имя Дом Хуан созвучно с другим именем – Дон Жуан, ставшим нарицательным для донжуанов, повес, волочащихся за каждой женской юбкой. По-нашему, по-простому – бабник. А дом Дона Хуана потонул в пейзаже его и домом-то назвать нельзя. Это скорее хибарка, скособочившаяся от старости, развалюшка, опирающаяся на подпорки, которые сами расползаются вкось и вкривь. Стоит домик на голом пустынном месте. Не видно на горизонте великосветских красавиц, толпящихся в очереди и готовых тотчас пасть в объятия коварного обольстителя Дона Жуана. Ничто не вечно под луной. Ускользнули от Дона Хуана прочь и дворянское высокомерие и богатство феодала. Он стал беднее церковной мыши. Хотя в его домике возможно, вовсе нет мышей… В доме Дона Хуана им нечем поживиться.

Петр Егорович с удивлением посмотрел на девушку.

– Какой у Оли ярко выраженный практицизм, – подумал Ивкин-старший. – Нужен ей Алешка до поры до времени.

Но еще более унылая атмосфера царит в метафизической картине Алексея «В поисках пейота». Ночной сумрак опустился в предгорную расселину. В седловине перевала между двух невысоких холмов сидит какое-то аморфное существо, похожее на расплывчатый силуэт человека или животного, обезьяны. Тьма сгущается, ветер раскачивает то ли ветки кустов, то ли стебли высокой травы. Ведь пейот – это наркотически содержащее вещество трава. Её-то вместо истины и разыскивает существо. Скорее всего, найти пейот до рассвета, пока не рассеется тьма, ему вряд ли удастся. А если

вдруг ему «повезет» и он разыщет дурман-траву, то мрак-морок не рассеется уже в его глазах никогда, от наркозависимости очень трудно избавиться самостоятельно. Необходима квалифицированная медицинская помощь лечиться надо.

Отец Юры понял, что может быть, на картине он видит будущее своего сына. И ему стало страшно, и он сказал, показав пальцем на картину:

– Вот беда. Наркоманы в основном не считают себя больными. И даже кого-то из них насильно приведут к наркологу, то убедить наркомана полечиться удается не каждому врачу. Вот, что сказал своему другу наркозависимый после посещения психоаналитика на приеме, к которому сводила его жена: «Врач за тысячу рублей за один прием задал тысячу вопросов, которые бесплатно задает каждый день жена».

После таких рассуждений моего приятеля понятно, что хочет показать в своем произведении Алексей. Если быть лаконичным, то будущее, у этого аморфного существа, изображенного на картине «В поисках пейота» - это конец сегодняшнего дня.

Оля пояснила:

– О возможной трагедии предупреждает художник зрителей как когда-то философ Диоген, ходивший с факелом днем, чтобы найти человека. Нельзя никого, даже днем может быть оставлять без света. Иначе не отыщем мы не только чужое, а даже свое собственное счастье – днем с огнем. Сам же Алексей выбрал поиск верного пути. Ничто ярче не осветит путь к истине, чем произведения искусства. Над созданием их и трудится Леша.

«Ох, и тертая и цепкая женщина эта Оля», – думал Ивкин, а спросил её совсем о другом:

– Давно Леша рисует.

Оля ответила:

– Алексей рисовал всегда, сколько помнит себя.

– Как только научился крепко держать в руках карандаш так с тех пор и рисую, – добавил Шапкин. – а пока плохо владел карандашом, то пристрастился лепить из пластилина фигуры зверюшек. Пластилин – мягкий податливый материал. Мне с ним было приятно работать. Скатал сначала шарик. Поставил две точечки, провел ногтем чуть ниже них – микроскопический рот. Получился весело улы-

бающийся колобок, а потом пошло – поехало. Оказалось, что изображать на плоском листе бумаги, чтобы животное было объемное, как живое, как настоящее намного труднее, чем вылепить фигурку из пластилина. Я записался в школьный кружок рисования, в спортивную секцию.

– Получилось такое совмещение, – поинтересовался Петр Егорович.

– Спорт мне не давался, – вспоминал Алексей. – А вот рисунки стали получаться. Где-то были даже лучше, чем у других. Всё же однажды захотелось порвать и с увлечением живописью. Преподаватель уговорила не совершать такой необдуманный поступок: «Ты ни в коем случае не должен бросать свое занятие. Из тебя может получиться художник». После ее слов я и сам уверился в том, что занимаюсь своим делом, что я чего-то стою, становлюсь личностью.

Оля опять вмешалась:

– Он не остановился на любительском увлечении и стал постигать секреты мастерства на профессиональном уровне. Художнику необходима академическая помощь. В колледже при Государственном институте культуры и искусства получил хорошее образование на уроках живописи, рисунка, композиции. Но особенно ему нравились уроки по дизайну и графике.

– Надеюсь, что не последняя твоя выставка, – предположил Ивкин-старший.

– Как знать, – уклончиво ответил Алексей. – Здесь выставлены картины, написанные в классическом русском стиле. Мне такие полотна тоже нравятся. Из великих живописцев люблю творчество Саврасова. Не надоело рисовать милые для обывательского глаза бабочки, цветочки. Всё больше склоняюсь в творчестве к графике. Нравятся сюжеты в другой манере – сюрреализма. Для непривычного взгляда они слишком жестоки, с долей сумасшествия. Посмотрев мои эскизы в стиле сюрреализма, некоторые удивленно спрашивают: «А ты адекватно воспринимаешь реальность?» но с собственных идей и начинается художник. Я никогда не стремился следовать за модой. Хочется более глубоких мыслей, а иногда, посмотрев ужастики по ящику использовать кое-что в своих сюрреалистических картинах. Такие графические эскизы, с необычным дизайном близки к татуировке. А мне близко мастерство тату.

Чем жестче и напористей говорил молоденький подросток, тем больше Петра Егоровича охватывал страх за судьбу своего сына.

– Алексей, – удивился он, – татуировка, на мой взгляд, удел дикарей и зеков. Они наносили рисунки на тело иногда для украшения, а иногда для устрашения своих врагов или соперников.

– Раскраска тела натуральными красками или татуировка, – возразил он – обозначала к какому племени или клану принадлежит группа первобытных людей. Татуировки воинов были как опознавательный знак! Свой – чужой! Человеческое тело тот же холст, тот же лист бумаги. И тату выполнять ответственнее, чем рисовать на листе. Нельзя ошибиться, нельзя отойти от линии ни миллиметра, потом не исправишь. И ошибка останется на всю жизнь. На теле можно создавать художественные шедевры.

Подруга Алексея Оля, внимательно прислушивающаяся к их разговору, добавила:

– Женщины стригут ногти, делают маникюр, ходят к парикмахеру делать стрижку или модную прическу. Никому не кажется их занятие противоестественным, каким-то психическим отклонением. Почему же татуировка должна кого-то шокировать? Вот как вы лично относитесь к человеку, у которого выколота на руке сороконожка, выползающая из вены.

У Ивкина невольно вырвалось:

– Бр-р-р! Думаю, что это не вполне уравновешенный человек, которого мучают комплексы страха смерти. Он боится, что жизнь может покинуть его тело, как может вытекать из вены вся кровь. Из-за своей навязчивой идеи он и выколол такую странную татуировку.

Оля показал мне сгиб локтя. У нее там возле вены красовалась сороконожка.

– Вы не угадали. Я не боюсь смерти, а рисунки насекомых мне очень нравятся.

– Многие женщины брезгливо, а иногда и с боязнью смотрят на насекомых. Они маленькие и поэтому нам трудно от них защищаться. А кусаются эти мерзкие твари весьма больно, некоторые из них ядовиты и укус может быть смертельным.

– Хотя, как вы сказали, смерти не боитесь?

– Алексей уже упоминал про красоту бабочек-цветочниц, – гнула свое Оля. – У мух, стрекоз, сороконожек. Гусениц своя кра-

сота, своя эстетика. Они тоже живые существа, хотя эстетика их несколько иная, чем у обычных домашних или диких животных – млекопитающих.

– Красота есть и в живой природе, – продолжал беседу Алексей. – Найти камушек на дороге и увидеть в нем шедевр природы, её произведение искусства удается немногим. Форма, цвет, грань, игра света непостоянны, изменчивы. Поверни такой камушек всего на три градуса, и он по-другому заликует.

Наконец-то Алексей открыл планшет и достал из него эскиз инопланетянина, гуманоида неземной цивилизации. На голове, похожей на человеческую, вокруг головы на уровне лба к затылку по кольцу закреплены приборы похожие на микрофоны или наушники и провода от них тянулись куда-то вверх.

– Может быть, это система для передачи мысли на расстоянии, - подумал Петр Егорович.

– А мне кажется, – сказала Оля, – что эти приборы очень похожи на вентиляторы компьютерного системного блока. А инопланетянину служат для освежения мозгов.

– Ах, в какую грязную тему я вляпался, – думал Ивкин-старший. – Они действительно оба не в себе. У них горячечный бред.

– Я показываю здесь обыкновенную жизнь, обыкновенного инопланетянина, – продолжа Леша. – его шейка уходит через отверстие, обрамленное декоративным кольцом вниз в какое-то огромное пространство. Он использует только часть его, необходимое для существования. Все функции выполняет головной мозг. Он не говорит, а читает мысли и рот ему не нужен. А наметки глаз и носа – рудименты остатков эволюции. Энергией мозг питается, энергию и отдает. Вот над головой клубится белыми волнами поток энергетической пушки. Инопланетянин трудится на своем рабочем месте.

«Обыкновенная жизнь обыкновенного инопланетянина - это же бред, галлюцинации», - мелькнуло у отца Юры в мозгу, и он спросил художника:

– Что побуждает или возбуждает тебя на создание таких вот картин?

– Создавая такие образы, я подпитываюсь музыкой. Обычно это тяжелая музыка не обязательно рок. Живая музыка, написанная нестандартно, не по шаблону. Иногда беру чистый лист бумаги и на-

чинаю черкать карандашом. Иногда это бездумное занятие длится час, полтора. Вдруг мелькнет какой-то контур. Я начинаю вглядываться, и неожиданно приходит озарение – это сердце на крыльях любви стремится в полет, а шелковая ленточка уюта его не отпускает.

– Витиевато, но образно, – кивнул Павел Егорович.

– Или увижу, как лопается кожа на мощной мужской спине и из прорыва вылезает металл биохимического существа, робота. Вот на первом рисунке в моем стиле портрет молодого мужчины как бы в египетском головном уборе. Фараон. Но это не древнее одеяние, а всё та же, биомеханика - трасы. А сам мужчина наш современник и земляк.

Волосы зашевелились на голове у Ивкина-старшего, когда он увидел второй рисунок. На нем вообще чудище – страшилище, как в сказке Аксакова «Аленький цветочек». В реальности такой персонаж не может существовать. Слишком искажена и пластика тела. Лохматые волосы, черные-черные линии, одна нога и одна рука, на пальчиках которых и стоит существо. Большой палец руки как шпилька каблука дамской туфли, а четыре согнутых пальца, как ее подошва.

Увидев, как перекосилось лицо Юркиного отца, и оно почти ничем не отличается от физиономии чудовища, художник постарался его успокоить.

– Но я придумал этому страшильцу и человеческие черты, – сказал Алексей.

– Какие же, поясни мне, пожалуйста, – воскликнул Петр Егорович.

– Пуп. Ведь когда-то при рождении он был тоже человеком.

– Пуп, – взвыл отец Юры. – О, да! Это самая верная человеческая деталь. Ведь ни у одной скотины, кроме человека нет пупа!

– Он сошел с ума, – шепнула Оля Алеше, – пошли быстрее на улицу. А то этот бешеный предок Юрки нас может растерзать на части.

Когда Оля и Леша выскочили из квартиры, Петр Егорович сказал:

– Скажи, кто твой друг и я скажу кто ты.

– И кто же мои друзья, по-твоему, – спросил Юра отца.

– Наркоманы. Если у Оли выколота на сгибе локтя сороконожка, пьющая кровь из вены, то она высасывает все соки из несовер-

шеннолетнего пацана. А он, чтобы ему ублажать сексуально озабоченную красотку в свою вену на локтевом сгибе вкалывает шприцом возбуждающие препараты. Может быть, и ты подсел на иглу, и вы втроем устраиваете оргии, организовав, шведскую семью?

– О чем ты говоришь, папа? – пожал плечами Юра. – У меня нет татуировок, я не притрагиваюсь к наркотику. Иногда за компанию выпиваю стаканчик винца. Появление у американцев хиппи – это бунт против обыденной мерзости бездуховной жизни. А у меня собираются поэты и художники.

– Такие писатели и художники как твои друзья и подруги заставили взбунтоваться сначала Хрущева – он бульдозером сгреб все картины абстракционистов и выбросил их на свалку. Потом член ЦК при Брежневе иноземцев с иронией сказал: «Мы делаем вывод после доклада: или мы выводим из ЦК КПСС всех интеллигентов или делаем интеллигентами всех членов ЦК.

Юра заулыбался и сказал:

– Духовная революция невозможна в бездуховном обществе.

– Да в твоем дружке Леше, в чем только душа держится, а он спортивную секцию бросил.

– Папа, физическая сила не главное для мужчины. Ему всегда нужна голова.

– Хорошо излагаешь оправдательные аргументы. А мы с матерью предстанем перед реальным фактом – пойдешь лечиться!

– От чего, папа? – сдерживая дрожь в голосе, произнес Юра.

– От самоуверенности, сынок, от самоуверенности.

Резкая перемена в жизни подростка

Для Юры после «исторической» встречи представителей двух разных поколений наступила черная полоса.

Отец был постоянно хмурым, а у матери в красных воспаленных глазах никогда не высыхали слезы. И её инвестиции, некогда щедрые и обильные разом прекратились.

Однажды Юра заикнулся было о деньгах:

– Мам, можно бы уже давно сменить гнев на милость и побаловать своего любимого сына денежным вознаграждением.

Но мать Юрика так сурово взглянула на своего отпрыска, что у него язык прилип к небу и больше не поворачивался для подобных

просьб.

Это были только предвестники грозы – глухие громовые раскаты едва слышные из-за далекого горизонта.

В начале августа Петр Егорович подошел к сыну и сообщил ему:

– Мы тут с мамой твоей посоветовались и приняли решение отдать тебя обучаться в КРАК.

В голосе отца звучала грозная, неумолимая решительность, что Юра почувствовал, что так и будет. Но всё же, спросил:

– В какой такой еще КРЯК? На утиную охоту ходить или же лапки-пищалки для новичков охотников делать?

– Посмейся мне, посмейся, – хмыкнул отец. – Скоро тебе не до смеха будет. Умоешься горькими слезами. Ты будешь дальше воспитываться не в каком-то таком КРЯКе, а в КРАКе – кадетском ракетно-артиллерийском корпусе. Там из тебя всякую дурь-то и выбьют.

Юра готов был схватиться как утопающий за соломинку, бросил тоскливый взгляд на мать, но Вероника Антоновна еще ниже наклонила голову.

– Не будет она теперь защищать меня от деспотизма отца, – вздохнул парень. – Закончилась моя богемная жизнь.

В кадетском ракетно-артиллерийском корпусе Юре пришлось сразу с муштрой и жесткой дисциплиной столкнуться.

Курсанты маршировали на плацу по два-три часа в день, учились выходить из строя и становиться в него, лихо брать под козырек, приветствуя старших по званию.

Он живой и общительный, сразу же познакомился со старшекурсником Василием Сидоровым.

– Не повезло тебе, друг мой, – посочувствовал Юре Вася, – со взводным. Он натуральный дятел. Будет постоянно тебя долбать и стучать на тебя вышестоящим командирам. Если за неделю будет хоть одна двойка, то в увольнение твой командир взвода Чижов никогда не отпустит. Даже если твои отец и мать будут умолять взводного отпустить тебя хотя бы на четыре часа к ним на побывку.

– Не беспокойся, Вася! Не будет у меня двоек. Я же не дятел Чижов и на троечку отвечу по любому предмету. А если я вдруг, чего не может быть, двойку схвачу, то отец ни под каким соусом не станет просить взводного о моем увольнении на выходной. И матери не

разрешит, как ты говоришь, умолять Чижова.

– Ладно, не горюй, Юрик. Всё перемелется и будет мука. Мы еще в твоей подворотне на Суворовском проспекте постучим мячиком по стенке. Поиграем в футбол. Я ведь тоже почти рядышком живу на пятой Советской.

– Да, я люблю больше кататься на роликах, – сказал Юра. – И быстрое передвижение в районе своего квартала и удовольствие от скорости – дух захватывает.

Приятели не ожидали, обсуждая планы по учебе, что двойку можно схлопотать на ровном месте, где и не ожидаешь споткнуться.

На уроке пения преподаватель, познакомившись с курсантами, спросил:

– Кто до кадетского корпуса занимался хоровым пением?

– Да мы сейчас все только и занимаемся хоровым пением, – съязвил Ивкин Юра. – Распеваем на плацу: «Солдатушки – ребятушки! Где же ваши жены…».

– По-моему, - нахально улыбнулся учитель пения, – мы с вами не споемся.

А Юру эта нахальная улыбка взбесила и он, еще не узнав силу воинской субординации, не перестал препираться с преподавателем, а опять вылез перед классом со своей иронией:

– В фильме «Республика ШКИД» математик пал Палыч хотел завоевать дешевую популярность среди учащихся и на уроке алгебры распевал уличные песенки: «Не женитесь на курсистках, они толсты как сосиски! Эх, ма, тру-ля-ля не женитесь на курсистках». А ученикам обещал: «Мы споемся с вами, други мои!».

Учитель пения опять, широко улыбаясь, будто Юра не нахамил ему, а польстил, сказал:

– Если бы я преподавал логику, воспитанник кадетского корпуса Ивкин, то поставил бы вам пятерку, но я учу кадетов пению. Но певец вы никудышный. «Не женитесь на курсистках» вы не спели, произнесли эту напевную фразу речитативом. А в весело бравурном припеве «Эх, ма, тру-ля-ля» я не услышал в вашем голосе ни капельки задора. Садитесь на свое место, а я вам поставлю оценку, которую вы заслужили – двойку!

Юра хотел опять что-то возразить, но сосед тихо прошипев: «Молчи, дурак, хуже будет», ткнул Ивкина кулаком в бок. И Юра,

понурив голову сел, тяжело вздохнув:

– Здесь не гражданка.

Зато на плацу раздухарился и его сосед. Он, шагая в строю, умудрялся, как только поднимет над землей впередиидущий курсант свою ступню, стукнуть носком ботинка по ней, чтобы его сослуживец споткнулся. Споткнувшийся кадет получал взыскание от взводного, а баловник удовольствие от своей ловкости.

Попробовал «пошутить» над впереди шагавшим воспитанником корпуса и Ивкин. Но взводный был на этот раз более бдителен. Он сразу заметил виновника, нарушившего четкость строя:

– Ивкин, прекратить баловаться в строю и сбавьте свой веселый задор. Объявляю вам два наряда вне очереди.

– Один за отсутствие веселого задора ставит двойку, другой за излишний задор и веселость дает два наряда вне очереди, – пробурчал Юре и получил второе замечание командира взвода:

– Что вы, Ивкин, мямлите себе под нос о двух нарядах вне очереди. Ответьте мне строго по Уставу.

– Есть, два наряда вне очереди, – звонко как будто он получил не взыскание, а поощрение, отрапортовал Юра, а сам решил не дразнить не певуна, ни командира взвода.

Но оба были самолюбивы и злопамятны, и Юре не удавалось исправить двойку по пению, и напрасно он вытягивал шею, пытаясь увидеть или услышать свою фамилию в списке кадетов идущих в воскресенье в увольнение. Лишь нарывался на насмешки Чижова:

– Не стоит так напрягаться, Ивкин! – советовал Юре взводный. – Ты в списке увольняемых в выходной не значишься.

Но однажды Юрию здорово повезло. В воскресенье дежурил в кадетском корпусе командир другого взвода, не того, где нес службу Ивкин. Юра крутился около него и лейтенант, увидев, что кадет пятый раз проходит возле него, огорошил Юру новостью:

– Смотрю я Ивкин, что ты давно не был в увольнении. Список до конца не сформирован, и ты получишь сегодня увольнение в город. Правда, ты питерский, красотами Питера тебя не удивишь, но повидаться с друзьями и родственниками каждому хочется.

К вечеру благодетель Ивкина сменился, а встретил Юру в казарме-общежитии командир взвода Чижов:

– Ты где был Ивкин? В самоволке? – гневно сверкая глазами,

спросил Юру взводный.

Он, расслабившись от портвейна и пары бутылок пива, потерял ориентировку и, забыв про пресловутую субординацию дурашливо спел:

– Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил!

– Ах, ты еще и изгаляешься, шутник, на букву «Х». Посмотрим, что ты запоешь у меня завтра утром, когда я тебя накажу перед строем, на утренней поверке.

Если бы видел Чижов долгие расставания Ивкина со своими друзьями и подругами около ворот в кадетский корпус, то какие бы громы небесные прогремели над головой опального кадета, Юры.

Но всегда черная полоса сменяется белой.

Юра научился сдерживать свои эмоции, а его недруги-офицеры, покуражившись над кадетом, сказав и снивелировав его индивидуальность, перестали выделять Ивкина из общей массы кадетов. И другие приходили из увольнения подшофе. И всех в один день не поставишь в наряд без очереди и не оставишь всех без увольнения. Высшее руководство сразу же обратит внимание на такой беспредел и произвол.

Продолжение службы

Любой воспитанник кадетского корпуса дает подписку, что после получения аттестата он продолжает учиться в высшем военном училище по профилю, после которого становится младшим офицером, младшим лейтенантом или лейтенантом. Для Ивкина – это было ВАУ, не подумайте, что это крик разочарования после какой-то неудачи современной молодежи – «ВАУ!». Аббревиатура указывает на название курсантского училища – Военно-артиллерийское училище.

После КРАК самое профильное высшее армейское заведение. Но в ВАУ есть не только артиллеристы-ракетчики, но и одно подразделение ВДВ – воздушно-десантных войск.

В приемной комиссии училища Юрию Ивкину предложили, как он думал, поступить в это элитное подразделение ВДВ. Но офицер, проводивший собеседование с Юрой, сразу же, разочаровал его.

– Ишь, ты, чего захотел – стать инженером-конструктором по изготовлению оборудования для запуска ракет, - усмехнулся криво

старлей. – Да с твоими троечками в аттестате для тебя прямая дорога в ВДВ. Выпускникам этого отделения нашего училища придется прыгать с парашютом в отведенный для стрельбы район. Принимать автоматически приземляющееся ракетные установки или артиллерийское орудие и стрелять из них по намеченным главным командованием целям. Враг не ожидает ракетно-артиллерийского удара. Он не в радиусе действия ПРО, а мы тут как тут. И орудия массового поражения с самолета выбросили и обученный стрелять из этих орудий воздушный десант. Почетная тебе выпала обязанность, Ивкин. Делать опережающие удары по предполагаемому противнику.

– Значит с тройками в аттестате стать инженером ракетного оружия нельзя, - возмутился Ивкин, а первому спускаться с небес на нашу грешную землю, где через минуту, благодаря нам, она превратится в кромешный ад – можно?!

– С тройками в аттестате только так и можно. С ними хорошим инженером-конструктором ракетного оборудования ты никогда не станешь. А в десантных войсках ты будешь как рыба в воде и никогда не получишь сотрясения мозга в голове и даже при неудачном приземлении. И отлично проведешь стрельбы.

– Как же я не получу сотрясения мозга, если неудачно приземлюсь? – спросил Юра старлея.

– Да потому, мой дорогой, что если в голове нет мозгов (на одни тройки ведь учился, а как говорят: три пишем два в уме), то чему же встряхиваться-то?

Так и стал Юрий Ивкин десантником. Но не из-за троек. Командир взвода КРАК Чижов послал пространное письмо о разгильдяе Ивкине в ВАУ, куда направили продолжать военное образование воспитанника ракетно-артиллерийского корпуса. Он не смог не плюнуть в спину Ивкину.

Пусть этот негодяй будет всегда знать главное армейское правило, составленное еще ротным старшиной при Петре I: «Чтоб служба медом не казалась нарочно усложняй её».

Но старлей Сидоров оказался умнее в разы службиста Чижова.

– Именно такой, как пишет Чижов, разгильдяй, а не паинька, маменькин сынок сможет выполнить с блеском оперативную задачу по развертыванию на незнакомой местности ракетно-артиллерийский комплекс. Приготовить его в считанные секунды к боевой го-

товности и нанести опережающий удар по противнику. Прав Ивкин, что считает ВДВ элитными войсками. Так пусть и служит в них и гордится, что я послал его обучаться в ВДВ. И простит меня за мою излишнюю жесткость. Иначе я не смогу сформировать список курсантов училища по военным специальностям до мартовских заговен.

Юра вышел от офицера приемной комиссии Сидорова, который жестко разговаривал с ним без всякой обиды. Он вспомнил слова отца, а Сидоров чем-то похож на его отца, когда они дискутировали о его друзьях художниках и поэтах.

– Мир фантазии, сынок, ярок, а реальный мир кажется нам тусклым и серым. Но это же, наша жизнь. И она такова, какой ты её хочешь увидеть.

– А Сидоров-то не простой мужичок, – думал Юрий. – Ведь ему наверняка дятел Чижов настучал про мою строптивость. А старлей со мной не изгалялся, а на равных разговаривал. И не рисовал мне радужные картины будущей службы, а показал мне реальные виды на мою службу. И она будет для меня тусклой, если я впаду сам в уныние. Не дождетесь, Чижики-пыжики.

Вспомнил Ивкин и свою милую маму и её ответ, когда он пожаловался на Чижова:

– Военный начальник делает гадости, считая, что он великий полководец, но есть мнения выше его.

– Мы согрешили, но судить нас будут не за грехи, Юрчик, а за то, что мы не покаялись.

– Мама, но я же еще не кадровый военный. Зачем так ко мне придираться.

– Сегодня, сынок, все военные кому Родина дорога. Отец хочет, чтобы в армии ты возмужал. Мужчиной стал.

– А разве я не мужчина?

– Не знаю, но настоящие мужчины должны быть хорошими дипломатами. Многие мужчины погибли в военных драмах, потому что они не могли переговорить как следует между собой о сути конфликта, не пошли на компромисс и не договорились о мирном разрешении спора.

– Ты хорошо говоришь, мамочка, но я, ни одна из высоко договаривающихся сторон, а простая пешка в большой игре. Я - солдат мама.

– Это только говорят: «Богу богово, кесарю кесарево». А кто Бог и кто Кесарь? Может быть тот, кто считает себя богом, только вообразил это. Научись отличать настоящее от мнимого. И не забывай, что простая пешка, пройдя умело мимо ловушек и капканов до главной цели становится главной шахматной фигурой – ферзем.

– Ладно, мама, поживем, увидим.

– Хорошо, что ты не отмахнулся от моих слов напрочь, сынок. И не сердись на отца. Сейчас родилась такая психологическая фраза: «Молодежь любит деньги больше, чем своих родителей». Но не эта дилемма заставила принять отца решение – отдать тебя учиться в КРАК. Ведь он отец и напускная его строгость – это не ненависть. Он любит тебя, а потому старается уберечь от неправомерных поступков.

После училища вопреки обещаниям военкома оставить служить лейтенанта Юрия Петровича Ивкина как можно ближе к месту его проживания в ленинградском военном округе его отправили служить в Читу.

Он давно уже дружил с девушкой, пока учился в училище. Успел жениться на ней и под выпуск за год до получения погон, жена родила Юре сына. Радости было через край. Обмыли с курсантами училища, не со всеми, а с близкими друзьями Юры, ножки сына.

На последнем курсе Юра в квартиру отца и матери заезжал редко, за то дяди, его двоюродные братья ждали родственничка к себе в гости. И целый год праздновали день рождения сына Юры. Когда у Ивкина не было денег, угощали его самогонкой. Один из дядек жил в деревне. Его винокурня дымилась день и ночь, а в трехлитровые банки из змеевика-холодильника капала чистая как слеза ребенка самогоночка. Этот дядька-самогонщик и снабжал своих родственничков по дешевке коньяком «К.В.Н.» - коньяк, выгнанный ночью.

Нона, жена Юры, крепилась, как могла. Она ждала, куда же распределят лейтенанта Ивкина, в каком городишке Ленинградской области окажется её муж для проживания своей семьи. Она, зная поговорку, чтобы стать женой генерала, надо выйти сначала замуж за лейтенанта и вышла замуж за курсанта Юру Ивкина.

А тут её мужа отправляют в Читу. Она была наслышана о резко континентальном климате в Чите, про ссыльных декабристов, от-

бывавших свой срок на каторжных работах, про самоотверженных жен, приехавших добровольно в Сибирь, чтобы разделить тяготы каторги мужа.

И она категорически заявила мужу:

– Я не собираюсь идти по стопам патриотки-декабристки. И не забивай себе голову пустой надеждой. Я за тобой в Сибирь не поеду. Декабристов насильно отправляли на каторгу в Сибирь. Их хоть пожалеть было не грех. Неужели ты думаешь, что я поеду за мужем, который добровольно едет служить в Читинскую область. Мне один знакомый офицер, прослуживший восемь лет в Чите, говорил, как прекрасно ему служилось на задворках Российской империи: «лето у нас в Чите, Нона очень хорошее. Дубленый полушубок в июле можно на все пуговицы даже не застегивать».

– Ах, уже у тебя и знакомые офицеры имеются, – вспылил Юра. – Да мне уже двухкомнатную квартиру обещали выделить. Не поедешь со мной в Сибирь – я заберу с собой сына.

– Здравствуйте, я ваша тетя. Да я теперь тебя и близко не подпущу к своему ребенку. В нашей стране все законы на стороне матери. Тоже мне нашелся отец-одиночка. Ты же уже алкашом стал, какой из тебя отец. А квартиру получай. Я там с сыночком даже пропишусь, чтобы мне Министерство обороны за долю после развода с тобой деньги выплатило, – выпалила, не передыхая, Нона.

Для посланцев Юры, его многочисленных родственничков и собутыльников у неё был заготовлен ответ:

– Споили моего мужа, сами с ним и разбирайтесь. А мой дом за три километра стороной обходите. Будете надоедать – кипятком ошпарю, и в суд на меня не подадите. Скажу, как муж в Сибирь уехал приставать ко мне стали.

Таки и поехал лейтенант Юра Ивкин в Читинскую область один.

Каждый солдат мечтает стать генералом

Соседом в купе лейтенанта Ивкина стал полковник Николай Груздов. Он светловолосый и голубоглазый среднего роста, но с хорошей военной выправкой был строен и от того казался выше, чем был на самом деле.

Юре, наглядевшемуся в училище на обрюзгших и располневших от сидячей кабинетной жизни полканов, Николай Груздов показался светлым, добрым и интеллигентным человеком. Он даже возраст полковника не чувствовал. Ему казалось, что Груздов чуть-чуть постарше его, лет на 5-10. и разговаривали с полковником на равных. Подумаешь – три звездочки на погонах. У старлея тоже три звездочки, только помельче, а на погонах в отличие от полковника один просвет, а не два.

Полковник не пресекал панибратства Ивкина. Здесь в поезде, в купе они не военнослужащие, а обыкновенные попутчики. А раз им ехать по пути долго, то какая может быть, к черту лысому, существовать субординация в вагоне скорого поезда, который на самом деле идет очень медленно, делая внушительные остановки даже на мелких станциях.

Юра был очарован балагуром и эрудитом Николаем Груздовым. Полковник почувствовал восхищение лейтенанта и отводил душу случайному попутчику, рассказывал интересно, правдиво, можно даже сказать искренне.

– Я, – говорил Николай, – мог бы и на пенсию по выслуге лет выйти. Но моего друга недавно назначили генералом. Вот у меня и взыграло ретивое, захотелось тоже поносить брюки с генеральскими лампасами.

– Так в чем же дело?

– А в том дело, Юра, что сейчас идет сокращение генеральских должностей. Так мне ответили на мое прошение из Генштаба. Сокращается количество дивизий, а значит генералов. Но год назад в Читинской области объединили два военных подразделения: танковую бригаду и ракетно-артиллерийскую дивизию. А в танковой бригаде служил довольно пожилой генерал, ему 65 лет в прошлом году исполнилось.

– И вам предложили заменить его? – догадался Юра, но тут же, очухался. – Так почему же вы до сих пор носите погоны полковника?

– Экий ты нетерпеливый-то, Юрий Петрович! – улыбнулся Николай Николаевич и налил по стопке хорошего марочного коньяка. Хотя Юре он вовсе не нравился. Привык в Питере к первачу-самогону.

– Куда нам спешить-то? Дорога длинная. Все тебе выскажу сразу, а потом что? В молчанку играть будем? Нет, друг мой, я человек общительный. Поговорить люблю.

– Это я уже заметил, – кивнул головой Юра, но после того, как одним махом, залпом осушил рюмку коньяка. – Молчу, молчу, как рыбка об лёд.

– Иду я мимо застывших намертво танков по полигону, а навстречу мне старенький седой весь генерал.

– О, сынок, радостно улыбнулся мне танковый фельдмаршал. – Жду тебя не дождусь. Ведь ты ко мне на замену прибыл.

– Я, – говорю мрачно генералу и внимательно осматриваю его загрязненный вид его. Мятые брюки с лампасами. Михей Петрович (так он представился полковнику) заправил в серые сибирские валенки, на которых были натянуты из тонкой резины безразмерные калоши. Уютно и практично. Ногам тепло и сухо. А стряхнуть снег, прежде чем зайти в кабинет-штаб, легко и просто. Раз-два веничком-голиком по носкам валенков на крылечке и снега как не бывало.

Генеральская шинель светло-серого цвета с красными отворотами измызгана до предела. Как будто Михаил Петрович до встречи с полковником ползал между танками на животе по-пластунски часа два-три.

Бесформенная мятая-перемятая папаха всё время сползала то на одну сторону, то на другую, так, что Николаю Николаевичу показалось, будто это мороз заставляет перебрасывать генеральскую шапку с одного уха на другое, чтобы их не отморозить. До конца верхушки ушей имели более темный цвет, чем мочки и шелушились. Видно уже были подморожены. На носу, на самом кончике повисла капля, подвижная, как ртуть, каталась вокруг кончика носа, но упорно не падала вниз на землю.

– Бригада в боевой готовности? – спросил генерала Груздов.

– В боевой, в боевой, – закивал головой Михаил Петрович, да так, что папаха могла и вовсе упасть с головы, в отличие от капельки на носу. – Не стоят на некоторых танках аккумуляторы, так их на

подзарядку поставили.

– Так и было на самом деле? – спросил полковника лейтенант.

– Куда там… – с горечью ответил Юре Николай Николаевич. – Генералу хотелось поскорее спихнуть свое тяжелое бремя на меня, вот он и представлял мне ситуацию в розовом свете. На самом деле аккумуляторов не было на 80% танках. И орудийные затворы тоже в большинстве своем отслужили свой срок, и в любой момент их могло заклинить. Молодых лейтенантов, таких как ты, на пальцах пересчитаешь. А многим капитанам оставалось дослужить до выдачи сертификата на квартиру год-два. Они все только делают вид, что служат. Молодые офицеры имеют выбор: уйти в отставку, прослужив добровольно год в Чечне. Но в Чечню-то их отправляют, а увольнять из армии не спешат.

– Так как же вы и остались полковником? – спросил Юра. – Не стали принимать под свое командование генеральское хозяйство?

– Да, – кивнул полковник, – именно так. Я позвонил отцу, решил посоветоваться с бывалым и опытным человеком, обрисовал сложившуюся ситуацию. Он мне и отсоветовал лезть в пекло поперед батьки: «Ты, Николай, перестань зариться на иллюзорные почести. В такой танковой бригаде ты не только брюки с генеральским лампасами не оденешь, а своей, заслуженной горбом и потом полковничьей папахи, можешь лишиться. Нет генеральской должности в путном хорошем подразделении, уходи на гражданку. Незачем в дерьмо по самые уши окунаться. Будешь отвечать за разворованные кем-то аккумуляторы с танков, за чужие грехи и загремишь под фанфары – под суд попадешь. Это тебе надо? Я отказался.

– А почему вы едете снова туда, от чего когда-то добровольно отказались?

– В Чите в одном из ВУЗов преподает физику мой давний товарищ. Он, так же как и я служил в ракетно-артиллерийском дивизионе, а значит, очень хорошо знает все разделы физики, механику, оптику и электротехнику. Он физику и до Читы преподавал в Питере. Виктор честный и порядочный человек, взяток у студентов не брал, а ставил в зачетку ту оценку, которую они заслуживали. Однажды он поставил одному блатному студенту про которого все говорили, что он сын олигарха, двойку. Очень уж этот папенькин сынок вел себя дерзко и нахально. Не знал примитивную формулу из раздела «Элек-

тричество» для участка цепи. Про расчеты для любой электрической цепи, Виктор это хорошо понимал, и спрашивать студента незачем было. В ответ он услышал бы неразборчивое мычание, а молчание. Но сынок олигарха молчал даже, когда физик задавал ему простейшие вопросы.

– Кто не знает закон Ома, тот должен сидеть не в вузовской аудитории, а дома, – сказал Виктор студенту, взял зачетку и попытался поставить двойку.

– Погодите, не ставьте оценку в зачетку, не портите её, – выкрикнул студент.

– Вы слишком поздно перестали играть в молчанку. Я обязан оценить нашу первую попытку сдать экзамен по физике. Подучите и придете на переэкзаменовку.

– Эх, – вздохнул парень, – когда увидел, как Виктор выводит в зачетке жирную двойку. – Я-то сам больше к вам пересдавать не появлюсь. Сами придете, и переправите двойку, разумеется, не на отлично, а скажем деликатно, на не компромиссную четверку. Я соглашусь.

– Никогда этого не будет, – гордо заявил экзаменатор, добавив, - вы свободны.

– Как знать, как знать, – буркнул недовольно парень. – Я вот думаю, что исправите мне двойку как миленький.

После экзаменом Виктор вышел из института на улицу, к нему подошли двое высоких крепких ребят, как говорится, спортивного телосложения.

– Вы преподаватель по физике? – спросил один из них, а когда «парламентёры» услышали утвердительный ответ, второй, до сих пор молчавший предложил тоном неукоснительного подчинения его требования:

– Пройдемте с нами в машину.

В машине сидел их хозяин – респектабельного вида джентльмен. Он и стал вразумлять Виктора сменить гнев на милость.

– Вы знаете, какая нынче наша молодежь. Совсем не уважают мнения старших. Я прошу у вас прощения за хамство моего сына. Он считает, что если у него есть влиятельный отец, то ему море по колено. Вот и появилась у моего остолопа чувство вседозволенности. Я вас прошу, исправьте ему оценку. А в компенсацию за скверное

поведение моего отпрыска возьмите это скромное вознаграждение.

Джентльмен достал из бокового кармана пиджака несколько стодолларовых купюр.

– Я взяток не беру, – попытался возмутиться Виктор, но джентльмен с ловкостью фокусника уже сумел переправить доллары из своего кармана в карман преподавателя со словами:

– Я же вам пояснил, что это не взятка, а вознаграждение. Понимаю ваше возмущение, так как сам терпеть не могу мздоимцев. Сколько они у меня крови попили и денег вытянули из моего кошелька.

«Солист» из охраны был более бесцеремонным:

– Наш шеф уже опаздывает на встречу. А точность – вежливость королей. Нужно быть взаимовежливыми. Подписывайте и исправляйте в зачетке и не задерживайте… движения.

Виктор не робкого десятка, но не стал испытывать судьбу – поставил другую оценку и лихо расписался в графе переэкзаменовка.

Выйдя из машины, преподаватель пошел не домой, а к декану.

– Вот, всучили мне взятку, - пожаловался своему руководителю Виктор, выложив на столешницу пятьсот долларов.

– Белоножкин? – спросил понимающе декан.

– Да, - кивнул коллега.

– Молодец, что не утаил, – похвалил Виктора декан. Он разложил веером стольники «зелени», забрал три бумажки себе, а две подтолкнул в сторону преподавателя.

– Забирай это себе. Надеюсь, понимаешь, что и берущий и дающий её – оба уголовно наказуемые. Если пожаловаться в милицию, то легче от этого тебе не будет.

– Так меня могли эти бритоголовые за город, да там, и порешить в каком-нибудь перелеске.

– Это ты брось. Нынче другие уже времена, – сказал декан. – Это раньше взятка была нечто экзотическая. А теперь человека дешевле купить, чем убить.

– Чем же эта история закончилась? – спросил Юра Николая Николаевича.

– В следующий раз, когда Виктор отказался поставить оценку сыну полковника милиции, его вызвал декан. Он не стал разбираться во всех деталях экзаменатора и шалопая студента, а заявил:

– Вчера работала аттестационная комиссия и обнаружила, что многие преподаватели в вузе Северной столицы не имеют научной степени. А ты даже не кандидат наук и попадаешь под сокращение первым.

– Понятно, - вздохнул лейтенант Ивкин. – Убрали… Не мыть-ем, так катаньем.

– Да, а в вузах Восточной Сибири острая нехватка преподавательского состава. Вот Виктор и возвратился в Читу, на гражданскую службу. Написал диссертацию и защитил кандидатскую. А я еду получить от него рекомендацию. Тоже собираюсь преподавать физику.

Юра, как только попал в часть, сразу написал рапорт о переводе его в Ленинградский военный округ.

Его непосредственный начальник на глазах лейтенанта порвал не торопясь листочек, исписанный убористым почерком Юры.

– Послужи сначала здесь в Сибири, а потом уж рапорты строчи.

– Я буду жаловаться… – возмутился Ивкин.

– Хоть в Генштаб, хоть в ООН, – невозмутимо ответил подполковник. – Пиши, если тебе пишется. Но помни, чем больше ты будешь писать наверх, тем больше ты получишь пинков снизу.

Но вскоре в армии сделали послабление, рассчитывая на контрактную службу офицерам срочной службы, закончивших военные училища, позволили увольняться в запас досрочно. Написал рапорт об увольнении и через две недели вышел в запас.

Юра не преминул этим правом воспользоваться.

За три дня до дембеля. Друг мой песня…

Летняя дневная жара уползала за горизонт вслед за закатным тускневшим и красневшим от перегретого воздуха солнечным диском. Но теплая минералка уже не утоляла жажду, и Юра Ивкин припарковался к бордюрному камню напротив киоска с прохладительными напитками, чтобы взять водичку прямо из холодильника. Из-за прикрытой дверки «жигуленка» доносилась до прохожих громкая бравурная музыка и голос певца, насквозь пронизанный мужеством: «Чечню и Россию не надо делить – нам выпало вместе родиться и жить. А горе нагрянет с другой стороны – мы станем обоймой великой страны».

Когда Юра сделал несколько глотков прохладной живительной влаги, к нему подошел высокий статный парень лет тридцати, по широким мощным плечам которого и бицепсам, распиравшими рукава майки-футболки, чувствовался человек, серьёзно занимающийся спортом:

– Извини, дружище, – сказал он Юре, – откуда ты выкопал этот шедевр?!

Парень кивнул головой в сторону Мишкиной машинёшки и, протянув руку для знакомства, представился:

– Борис Веткин.

– Ивкин, – тоже представился и ответил. – Записал вчера на фестивале военно-патриотической песни «Афганский ветер».

Борис с кривой ухмылкой отреагировал неадекватно на ответ Юры:

– Ветер афганский, а песня про Чечню…

Котов попытался что-то пробормотать в свою защиту, что песенный фестиваль-то военно-патриотической песни, но, вспомнив одну шокирующую его сцену, замолк. Действительно, фестиваль «Афганский ветер» с каждым годом терял свой первоначальный дух, который создавали когда-то бывшие воины интернационалисты, выполнявшие свой долг перед Родиной, пославшей их за границу, за её пределы защищать интересы другого народа, в Афганистан. В «Афганском ветре» ещё были исполнители «афганцы», но в своем большинстве фестиваль уже превращался в красочное шоу. Песни профессиональными голосами пели об Афганских событиях в большинстве своем мужчины и женщины по возрасту явно не сумевшие повоевать в Афгане. Некоторым исполнителям удавалось затронуть за живое, достучаться до сердца зрителя и слушателя, но всё же, это были обыкновенные концертные номера, хотя и мастерски исполняемые.

А песня «Камнепад», про войну в Чечне исполнялась в самом конце фестиваля. Но поразило на фестивале Котова не это. Перед «Камнепадом» награждали директора школы «Виктория», где проходили обучение школьники-кадеты, которые приучались к азам военной подготовки, зарабатывая себе бесплатную путевку для беспрепятственного поступления в военное училище, как и он когда-то, а после его окончания готовились стать офицерами Россий-

ской армии.

Все присутствующие кадеты на фестивале, а их количество было внушительно: 30-40 человек, и занимали они пятый-шестой ряд кресел зрительного зала, по команде военрука: «Встать», поднялись с кресел и стали скандировать, приветствуя директора, получившую «Почетную грамоту» за военно-патриотическое воспитание питомцев-кадетов, то есть их.

– Поз – драв – ляем!!! Поздравляем! Ура – а – а! Ура! Ура!

Директриса с достоинством, но несколько снисходительно ответила на воинственные крики кивком головы и, спустившись вниз с подиума, покинула зал.

Церемония её награждения и так слишком затянулась, была перенесена на слишком позднее для директрисы время. А она спешила домой, где её собирались поздравлять родные и близкие за праздничным столом. Военрук не был родственником директора школы и, видимо, относился ко второй категории – к близким, молодцевато поднялся с кресла и, шумно проталкиваясь между спинками стульев и коленями сидящих зрителей в одной ряду с ним – «полководцем», выскочил в боковой проход зала и помчался вслед за директрисой.

Кадеты, у которых исчезли в один момент сдерживающие их факторы на фестивале военно-патриотической песни, они такие песни на каждом почти занятии в «Виктории» слушают. Совсем не по-военному, а в разнобой, потянулись, поочередно вставая с кресел, к выходу из зала. Вдогонку им неслись слова, про которые Борис Веткин и спросил Юру Котова: «Где вы откапали такой шедевр?» - «Чечню и Россию не надо делить, нам выпало вместе родиться и жить. А горе нагрянет с другой стороны, мы станем обоймой великой страны».

– За какие же «заслуги» наградили директрису? – мучился Юра. – Это уже даже не невоспитанность, а обыкновенное хамство. Встать из кресла и выйти из зала во время исполнения любого номера, а тем более во время исполнения патриотической песни – это плевок в лицо и артисту и Родине, своему национальному достоинству. А сделали это будущие офицеры, защитники Отчизны. И они не понимают всего трагизма прозвучавшего в песне: «Чечня и Россия – одна страна!». Как можно их разделить. Это всё равно, что оторвать руку или ногу живому человеку.

Борис, молча, следил за гаммой чувств промелькнувших на лице у Ивкина и, слушая его неудачную попытку объяснения своего смятения, сказал:

– Да, не парься ты, пожалуйста, Юра. Я привык уже как относятся у нас к солдатам, воевавшим в Чечне. Ведь я сам воевал там. А ты, дружок, уже и позабыл ребят из нашего двора на Суворовском. Меня в детстве ты дразнил Ветлой.

Призыв

Призывался Борис Веткин в армию из Питера и попал в войска спецназа ГРУ, сам того не подозревая, после тщательного подбора и долговременных бесед с «покупателями» - офицерами приехавшими на призывной пункт военкомата из воинских частей.

– На какие же тесты нужно было тебе ответить, чтобы пройти сквозь сито и попасть в элитные войска? – спросил Веткина Ивкин. – Наверняка же, не спрашивали: «Сколько будет дважды два?».

– Они вели беседу так, что было трудно догадаться: идет отбор кандидатов в спецназ, – ответил Борис, – но я догадывался, что «покупателя» заинтересовали мои спортивные разряды по различным видам спорта. Первый мужской по легкой атлетике, второй по плаванию и третий по боксу. На собеседование приглашали только тех, кто сумел подтянуться не менее тридцати раз. Борис стал прозревать, что ему придется служить в элитных частях, когда в актовом зале школы его посадили за стол и попросили прямо без туманных намеков и без каких-либо разъяснений написать рапорт, что если его направят в зону военных действий, он претензий к командованию войсковой части не будет иметь.

Веткину стало как-то не по себе. Но не из страха попасть на войну. По-мальчишески Боря даже в тайне, в глубине сознания мечтал попасть в зону боевых действий. Кто из нас в детстве не играл в войнушку, не стрелял по мишеням в тире, не желали встать, когда это будет необходимо на защиту Родины и совершить подвиг в священной войне? Ничем не отличался от своих сверстников и Борис.

Но вот об элитных войсках он слышал, что в них царит жесточайшая дисциплина и дедовщина, которая намного сильнее, чем в других частях сегодняшней армии, куда постоянно наведываются представители из комитета «Солдатских матерей» или ярые право-

защитники, которые содержатся на средства международных общественных фондов, находящихся за границей.

– Сейчас у нас не армия, а детский сад, – пояснил свою позицию Веткин Ивкину, – где няни своих воспитанников кормят из ложки манной кашей. В такой армии настоящим мужиком не станешь!

В дальнейшем разговоре Юра узнал от Бори, какую школу мужества нужно пройти, чтобы научиться выживать на войне, но, не прячась за чужие спины, а вступая в бой, как это требует обстановка, быстро начиная крошить «чехов» из пулемета. Веткину пришлось служить в группе спецназа, где он занимал должность пулеметчика разведки.

Бориса на «шишиге» - на военном вездеходе ГАЗ-66, пронырливом и вездесущем, умеющем проехать по любому бездорожью, протиснуться, пролезть в любую дырку между камнями, деревьями, кустами, как, в самом деле шишига – так называют бесенка мелкого и незлобивого в деревне, а ГАЗ-66 еще и за созвучие: цифры «шестьдесят шесть» - шелестят в замерзших губах солдатика: «Ши – ши, в казарму».

Казарма была грандиозным сооружением: четырехэтажным в высоту и в длину, могла посоперничать с беговой дорожкой на стадионе. Потому и называли её старожилы, старослужащие экзотическим именем – «Титаник». Так что, судя по названию, Веткин попал не с корабля на бал, а с бала гражданской жизни на корабль военной службы по прозвищу «Титаник». От зловещего названия корабля веяло холодом и смертью. Настоящий «Титаник», знаменитый своими огромными, прямо скажем, гигантскими размерами и комфортабельными каютами типа «люкс», отправившись в свое первое плавание вместо тихой и уютной гавани назначения, нашел свой покой на дне океана, став плавучей могилой для многих своих пассажиров.

Армейский «Титаник» от океанского лайнера «Титаник» ещё существенно отличался и тем, что «пассажиров» во втором случае обслуживали вежливые официанты, а в первом – злые сержанты.

Но Борис Веткин, призванный в армию в конце ноября чувствовал лютый холод и физически. В Сибири, а в Читинской области особенно, морозы овладевают окружающим пространством не только зимой, а уже к середине осени – с октября. В конце ноября в начале декабря они пронизывают тела людские до мозга костей.

Борису казалось, что в казарме иногда бывает холоднее, чем на улице. Только под тремя-четырьмя солдатскими одеялами, забравшись под них прямо в обмундировании, не снимая и верхнюю одежду – бушлат или шинель, можно как-то, предварительно надышав притом самому внутри кокона, согреться. «Минимум удобства – максимум комфорта», - горько «шутили» салажата.

Сержанты объясняли, что в котельной не хватает топлива, чтобы поднять температуру в казарме. А закупить побольше топлива для котельной у командования части не хватает денег.

Хотя эту нехватку денег призывник Веткин ощутил, ещё болтаясь в кузове «шишиги», подпрыгивающей на выбоинах и ухабах «фронтовой» дорожки. Прапорщики, а прапорщик это не звание, тут же объяснил Боре сержант бурят Самбанаев Баяр, сопровождавший команду новобранцев, а образ жизни, во время остановки ГАЗ-66, объявив посиневшим от холода ребятам, что кончился бензин, и баки обсохли.

– Быстренько скидывайтесь по пятьдесят рублей, – заявил им один из прапорщиков, еле ворочая языком, смотря на неровный строй новобранцев белесыми, с красноватыми прожилками от пьянки глазами. Добавив:

– Если околеть вот прямо здесь на дороге не желаете.

Никто околевать не хотел и по пятьдесят рублей новички сложились. «Шишига» до заправки доехала. Прапорщики заправились на бензоколонке или сделали вид, что заправились. Хотя новобранцы лично убедились, что прапорщики и сами хорошо подзаправились. Притом не горючим, а горячительным. Речи их стали более бессвязными, а глаза ещё больше осоловели. Иногда они заливались беспричинным смехом: «Хи - хи - хи, ха – ха – ха». Не зря же народная мудрость гласит: «смех без причины – признак…». А дальше произносится слово в рифму, но порочащее такого возвышенного звания как прапорщик. Ведь слово «прапорщик» в переводе с украинского означает знаменосец. Поэтому не верил Веткин, что в части нет денег.

Но, чтобы забраться под одеяло в обмундировании, нужно было его получить. Всё тот же сержант Самбанаев, которого его коллеги называли коротко – Самбо, взяв с собой подручными Бориса и его друга, земляка из Кольку Сычева, отправился получать

для группы военную форму. Сокращенная фамилия бурята Самбо – звучала почти как фамилия американского боевика Рембо, роль которого играл Сталлоне. Он применял приемы российского самбо – самообороны, без оружия. Но умел выходить и с оружием и без оружия живым и невредимым из всех схваток с «плохими» парнями.

Самбо распахнул дверь в каптерку вещевого склада:

– Ты и ты, – произнес сержант Самбо, ткнув пальцем в грудь Борису и Коле, тем самым указав на строгую очередность входа в царство власти великого каптенармуса. И тут Борис Веткин познакомился с другим подвигом армейского прапорщика. Веткин взглянул на прапорщика – каптёрщика и удивился, как может внешность обыкновенного прапора измениться, если он страдает манией величия.

Перед КМБ (солдаты, проходящие Курс Молодого Бойца) сидел не прапорщик, а министр России по обеспечению военнослужащих форменным обмундированием. А когда кладовщик надменно, как на букашек взглянул на Борю и Колю, Веткину показалось за столом напротив них Генерал Мира, а может быть даже и Генералиссимус.

Тусклые маленькие две звездочки прапорщика расположенные повдоль погона на гладкой и мутной его поверхности, без просветов и узоров, вдруг стали или это Борису показалось фосфорицировать и светиться как алмазы. А размеры звездочек как в мультипликационном фильме увеличились за какие-то секунды до размера генеральских звезд. А пустые поля погонов вдруг ни с того ни с чего заискрились маршальским зигзагообразным рисунком.

– Руки вперед, – скомандовал Самбо и молодые «курсанты», будущие бойцы, проходящие КМБ, подчинились.

Согнув руки в локтях, прижав локти к поясу, они вытянули руки вперед, как будто ожидали, что им сейчас Самбо положит на них охапку дров. Но сержант вместо поленьев, ухватив тюк с комплектом брюк и гимнастерок на 20-30 солдат, загрузил их протянутые руки невероятной тяжестью. Кинув наверх тюка ещё несколько ремней с бляхами и тренчиками. Концы ремней, бессильно свесившись с тюка, дополнили картину безысходности курсантов.

Коля Сычев попытался возмутиться:

– Мне не донести такую тяжесть. У меня уже руки и ноги тря-

сутся. Давайте унесем это за два раза.

– Кто это что-то вякает, – грозно нахмурив густые черные брови, спросил Самбо тихонечко, а затем рявкнул так, что Колькины перепонки в ушах чуть не полопались. – Молчать салаги. Выполняйте мое распоряжение беспрекословно.

Потом добродушно, будто и не орал злобно, гневно, оглушительно, произнес:

– Преподаю урок номер раз. Главная заповедь сержанта звучит так: чтобы служба медом не казалась, нарочно усложняйте её. Поняли?

– Поняли, поняли, – вразнобой прозвучали голоса Бориса и Николая.

– Кто это создал там неправильный звук? – резко решил уточнить ответ Самбо, будто не расслышав голоса «курсантов», но тут же, скривив рот, передразнил их. - «Поняли, поняли…». Надо отвечать по уставу коротко и понятно, - стал поучать новичков, согнутых под тяжестью тюков, сержант. – Вот так – так точно! – и развернув за плечи стоящего с ним рядом Веткина на сто восемьдесят градусов, пнул его сапогом в зад.

– Вперед с ускорением в казарму!

Такой же пендаль получил и Сычев, а Самбо продолжал наставлять солдат уму разуму.

– Если будете идти шаляй-валяй, то я вам буду сам добавлять ускорения, – и снова пнул отстающего от Бориса Колю, что тому поневоле приходилось распрямлять спину.

Когда груз был доставлен на место, Сычев попытался узнать у Самбо, кто же у них командир роты или взвода. Где находится канцелярия или помещение, в котором можно увидеть офицеров.

– Тебе уже офицеры понадобились? Пожаловаться захотел? – ухмыльнулся Самбо. – Командиры – они для вас в бою будут командирами. А в казарме для КМБ – сержант – Бог, царь и воинский начальник. Понятно? Так вот зарубите себе на носу и эту истину номер два.

На сей раз после вопроса сержанта: «Понятно?» новобранцы ответили, как положено: «Так точно!».

Если от сержанта Веткин и Сычев получали за свою нерасторопность пинки под зад, то от своих же салажат они услышали не

благодарность, а одни упреки. У кого-то китель был мал, а брюки длинны, у другого брюки коротки, а китель болтался на плечах, как на вешалке, рукава же закрывали кисти рук. Пришлось Коле и Боре подыскивать и обменивать более-менее подходящую по росту форму.

Когда у салаг что-то не получалось, разруливать ситуацию брался Самбо. У него всё сразу получалось. Никто на сержанта не жаловался, не обижался.

В санчасти

Но всё это ещё были только цветочки. А ягодки оказались впереди. Вечером Веткин узнал, что выходки Самбо ничто по сравнению с другим сержантом садистом Дунькой. Эта кличка приклеилась к нему от фамилии его – Дуняшов. По сравнению с Дунькой, Самбо потом показался Боре ангелом воплоти, шестикрылым Серафимом.

Дуняшову просто не понравилось выражение лица Веткина. Слишком гордым и независимым выглядел Борис. Дунька решил стереть с лица Веткина эту одухотворенность. Ему больше нравилась на лицах салаг покорность. И он врезал что есть силы кулаком в лицо Борису. Веткин в последний момент, хотя удар и был для него неожиданным, немного уклонился в сторону и устоял на ногах. Это озадачило Дуньку. От его удара ещё никто никогда не мог устоять и падал на пол, как подкошенный. А тут – на тебе – стоит! Дуняшов спокойно замахнулся для второго удара, но нанести его «непослушному» курсанту не успел. Удар прямой правой Бориса был сокрушительным и жаль, что в коридоре казармы не было как на ринге секунданта, который бы отсчитал положенные секунды, определяющие, что поверженный противник получил нокаут.

Зато сварой цепных псов набросились на Веткина остальные сержанты, кроме Самбо. У бурята был свой кодекс чести – биться, так один на один, а не трое на одного. Под тяжестью ударов, тренированных сержантов, Боря свалился на пол, и сержанты оставили его. А поднявшийся с пола Дунька с остервенением стал пинать лежащего на полу Бориса. И нарушил вторую заповедь кодекса чести Самбо: лежачего не бьют. Он схватил Дуньку и оттащил от потерявшего сознание Веткина. Дуняшов своим ботинком-сапожищем успел сломать два ребра Боре.

Чтобы дело не получило огласку, пока Веткин лежал в госпитале, а потом долечивался в санчасти, Дуньку перевели в другую часть. Злость душила Бориса, и он вынашивал поначалу план мести: «Сколько раз встречу Дуньку, столько раз и убью!».

В санчасти, в госпитале было всё нормально. Веткин познакомился с новейшими армейскими нанотехнологиями по применению лекарственных средств. Сначала ему не давали никаких лекарств, для быстрейшего выздоровления. Медбрат пожал плечами на его настырный вопрос или требование дать хоть какую-то таблетку:

- Ну, нет у нас лекарств. Никаких. Скоро завезут. Тогда и дам. Лечись на здоровье. А пока…

Но Веткин проявил настойчивость, и медбрат сменил свой равнодушный гнев на брезгливую милость. Фельдшер порылся в ящике стола и достал таблетку. Вытянув из ножен нож-кинжал, штыком разрезал кружочек лекарственного препарата пополам. Взяв одну дольку таблетки в левую руку, а вторую в правую, проинструктировал Борю:

– Вот эти пол таблетки в моей левой руке от головы, а вот эта – от жопы. Возьми их тоже в разные руки, да смотри не перепутай. А то поплохеет, если перепутаешь-то…

– До чего же медицинская наука шагнула вперед, – съязвил Борис, – два снадобья в одном флаконе. А расщепления молекул на атомы согласно веянию времени по нанотехнологиям, вы штыком значит производите?

Фельдшер, невозмутимо выслушав Борю, небрежно отмахнулся от него, как от назойливой мухи:

– Не умничай! Принимай лекарство по рекомендации врача.

– И этот мнит себя Наполеоном. Видите ли, врачом, – подумал Борис, но пускаться в споры не стал. Не имеет смысла.

Веткин подошел к кровати, положил огрызки таблетки на тумбочку и залез под одеяло. В санчасти было холодно, холоднее, чем в казарме, а может быть даже холоднее, чем в морге.

– Тут не поправишься, а скорее окочуришься, поделился он с соседом по палате. – Могли бы в медсанчасти-то нормальную комнатную температуру поддерживать. Хоть бы калорифер поставили.

– Э, дружок, не научился ты ещё хорошо разбираться в колбасных отрезках. Ты свой парень и я тебе открою по секрету военную

тайну, - понизив голос, почти прошептал сосед. – Они специально из санчасти холодильник устроили, чтобы здесь лежали действительно захворавшие или травмированные больные. Кто хочет закосить и, улизнув от службы, в санчасти поваляться уже на следующий день просят выписать их отсюда. Так что пониженную температуру держат специально – для профилактики от филонов.

Таблетки привезли на следующий день. Веткин зашел в кабинет фельдшера. Привезли таблеток много и разных цветов: красные, желтые, зеленые таблетки и горошины сотрудники медсанчасти сортировали на три кучки – по цветам. Фельдшер наблюдал, как его помощник рассыпает таблетки по банкам и заодно решал какие же таблетки выписать и выдать подошедшему до Бориса пациенту.

– Кузя, – обратился к помощнику фельдшер, - у парня голова болит. Насыпь ему из желтой банки полпригоршни. Ах, у тебя очень сильно болит, тогда насыпь ему, Кузя, полную пригоршню таблеток.

Веткин развернулся и побрел, держась за больной бок в палату.

В роте

После выздоровления в роте он увидел, как муштруют сержанты дневальных. Не дай бог, если дневальный ночью заснет на посту. Сержант Пикшин сам на дежурстве не спал и другим не давал. Подходил из штаба и ротный казармы. Дверь закрыта на замок. Резкий звонок и дневальный должен мухой сорваться с места и за пять секунд добежать до двери и открыть дверь Пикшину. Или другому сержанту. От названия конкретной фамилии сержанта скорость движения дневального от тумбочки до двери не должна зависеть. Ровно пять секунд – и дверь должна открыться перед проверяющим. Все «курсанты» будущие молодые бойцы, прекрасно знают, что Пикшин размеренно отсчитав свои: раз, два, три, четыре, пять, цифру шесть не произносит. Удар его высокого со шнуровкой ботинка с желтыми подковками на подошве, вышибет дверь вместе с замком. Тогда уже берегись и дневальный.

– Чего он так зверствует? – спросил Веткин Самбо.

– А это, чтобы вы поучились выживать на войне, – ответил по-восточному невозмутимо бурят. Нам недавно информация пришла из Чечни. Чехи ночью без звука сняли заснувшего на посту дневального. Замок не вышибали, как Пикшин а тихонько ключом от-

крыли. И вырезали всю роту, а потом спокойно ушли из гарнизона. Позорище и одновременно страшная беда. Поэтому не зря говорят, что любая строчка в уставе написана кровью. Не заставляйте своей кровью увеличивать объем текста воинского устава.

– Так чего же нас в учебке так долго держат? Сколько ещё можно учиться и учиться? – спросил Веткин сержанта. – Уж скоро год, как мы здесь.

– Вот минимум год и нужно, чтобы вас так надрессировать, чтобы вы год смогли без потерь отвоевать, – сказал Самбо. – Немного подумав, добавил, - или хотя бы с минимальными потерями. Я так думаю и года-то мало, чтобы стать подготовленным бойцом и умело действовать в боевой обстановке. Да война-то нам не позволяет увеличивать срок подготовки. Она идет – и это реальность, от которой никуда не денешься.

– Мы здесь и натерпелись и холода и голода, некоторые в боях местного значения, как я, например, не доехав до войны, ранения получили. Зачем же нас тут мариновать.

– Успеешь, навоюешься, - усмехнулся Самбо.

Тебе я слышал звание «младший сержант» присваивают. И если ты шибко гордишься, что всему уже научился, а ученого учить, что мертвого лечить, то как только нацепишь на погоны две сопли, то и принимай для обучения новое пополнение. Правда, оно для нас новое, но это уже послужившие солдаты. А в наш учебный центр их прислали на переподготовку перед отправкой на фронт.

После такой новости Борису не хотелось уже пришивать две новенькие ярко-красные лычки на погоны. Самбо этим же приказом было присвоено звание «старший сержант». Ему требовалось нашить на погоны вместо прежних трех лычек одну широкую полоску. Вот Борис и попросил Самбо не выбрасывать в мусорную урну старые выцветшие от солнца и потемневшие от пыли, лычки.

Пусть старослужащие, прибывшие под его команду на переподготовку, не заметят, что сержантское звание он получил недавно. Опыт Борис приобрел, и выглядеть новоиспеченным младшим сержантиком ему перед старослужащими не хотелось.

Так младший сержант Веткин стал командиром отделения, в котором оказались одни дембеля. Боря с восхищением и тревогой смотрел на пополнение с которым его отделение и его роту пере-

бросили в батальон, ведущий бои. Ребята крепкие, бывалые. У всех наколки: летучие мыши, парашюты, кое у кого надписи: «Войска дяди Васи». И вели они себя непонятно. Вроде бы и подчинялись, не перепирались, но внутри отделения шла не то, чтобы подковерная борьба, а мышиная возня. То у подчиненного Веткину бойца найдут под кроватью гражданскую одежду. То за тумбочкой, прямо за тумбочкой дневального, дежурный по части офицер тычет командира отделения, младшего сержанта Бориса Веткина носом в ворох бычков, валяющихся на полу.

Боря понимал, что его воевавшие уже старослужащие «подставляют» под удар офицеров. Бычки-окурки, хранившиеся за тумбочкой стали последней каплей в позиционной борьбе в проверке Веткина на вшивость.

Боря построил отделение и произнес свою тронную речь:

– Я, учитывая ваш боевой опыт, относился ко всем вашим приколам и фокусам вполне лояльно. Но в дальнейшем один за всех отдуваться не собираюсь. С этого дня мы или станем жить, если и не дружно, то хотя бы нормально, или будем драться до победного: или вы меня, или я вас. Выбирайте сами.

– Ладно, золотой, не болтай лишнего: или я вас, или вы меня, - сказал лобастый солдат с татуировкой мыши на плече. Мы тебя как командира нашего отделения на прочность проверяли. Справишься ты или не справишься, как командир отделения с нашей командой. Считаю, что ты, младший сержант, проверку выдержал. Не закладывать докладывать командирам побежал, а решил с нами сам разобраться. Мир. Вопросы есть?

Бориса покоробило, что ему, командиру отделения задают вопрос, который обычно задает строю отделенный, то есть он. Но заедаться не стал, а, наоборот, ответил не как командир отделения своему подчиненному, а как подчиненный рядовой своему сержанту:

– Есть. Почему мне присвоили такое олимпийское чемпионское звание – золотой?

– Ты не только младший сержант, – усмехнулся лобастый и мышастый. – Ты и по возрасту самый младший. Молодой. Да, говорят, что мал золотник, а дорог. Ещё вопросы есть?

– Нет. Я за мир.

Пошли обыкновенные будни. Прыжки с парашютом, стрельба

из всех видов оружия, в том числе из иностранного. Даже с американской винтовки М-16 пришлось пострелять Борису. Напрямую американцы оружия на Кавказ не поставляли. Но и оружие США переправленного через другие страны было в Чечне предостаточно. А бой есть бой. Если в нем тебе досталось трофейная винтовка, а ты из неё никогда не стрелял и не сможешь быстро приспособить оружие противника, обратив против него же, плохой ты солдат. И погибнешь по своей халатности. Не за понюшку табака…

Первый бой, первые потери…

Перед первым БР (боевым рейсом) куда разведчиков забрасывают в горы, где окопались чехи, так называли противника в Чечне по созвучию с афганским - духи, вертушкой (вертолетом), Коле Сычеву пришло письмо от девушки, что она разлюбила его и выходит замуж. Борис знал всю подноготную Колькиного романа. Сычев читал Веткину письма, присланные девушкой, и Борис по хорошему завидовал другу. «Вот это любовь, - думал Боря, - бывает, бывает на свете чистое возвышенное чувство. Как чиста и прекрасна их любовь».

Но, когда Коля Сычев получил прощальное письмо, то Борис Веткин был разочарован не менее, чем его друг. Весь романтический флер мгновенно улетучился, а на душе остался тяжелый осадок и обида за Николая. Он только и жил ожиданием весточки от невесты и вот… перед самым первым боем такое событие. Коля замкнулся, был угрюм и находился в какой-то прострации.

Борис рассказал об этом эпизоде командиру группы разведчиков старлею Константину Улькину.

– Это очень плохо, – нахмурился Костя, услышав историю о крахе Колькиной любви. – На войне, в бою, нельзя ни о чем думать, о постороннем: ни о больном отце, ни о плохом самочувствии матери. В бою надо думать только о бое, жить в нём, стремиться уничтожить противника и уцелеть самому. Чувствовать, когда прогремит выстрел не после его вспышки, а за доли секунды до неё. Вспышка должна произойти до того, как прозвучит выстрел, в мозгу, а ты среагировать на этот интуитивный импульс, посланный тебе опытом и Богом и броситься на землю за укрытие. Если ты будешь думать о другом, о постороннем для боя, не сносить тебе головы. Пропадешь,

погибнешь. «А ля гер ком алагер – на войне, как на войне», - говорят французы. Если ты не убьешь противника, то противник застрелит тебя. Ты постарайся, Боря, встряхнуть своего друга. Боевой рейс он на то и боевой, что не прощает никакой промашки. Тридцать процентов погибших пацанов, погибли именно по этой причине. Им приходило какое-то неприятное известие, и они жили там, за пределами боевых действий, у себя дома, в гостях у девушки или в компании друзей, но не были своими мыслями в бою, не жили боем. Потому и погибли.

Бой был стремителен и скоротечен. Их группа нарвалась на засаду. Николай был радистом и Борис и так, державший друга под прикрытием, оставил его в укрытии за валуном позади основного контингента группы. Связь в разведке – половина успеха дела. Поэтому безопасности Коли уделялось много внимания.

Чехи шли в открытую на них, увидев малочисленность группы. Борис лежал на земле рядом со старлеем Улькиным и короткими пулеметными очередями заставил чехов уважать себя. Они залегли в укрытие и отвечали редкими одиночными выстрелами, боясь поднять голову, чуть повыше для прицельного огня.

– Борь, проползи до радиста, – приказал ему Костя Улькин. – Пусть вызывает подмогу. Одной группой нам здесь не выстоять.

Борис, извиваясь ужом, оставив пулемет под присмотром старлея, дополз до валуна, за которым схоронился Николай Сычев. Ах, как он выругал себя за это неосторожное слово «схоронился». Да, он уже вынужден теперь схоронить своего друга, вычеркнуть Колю из списка живых. Вместо головы у Сычева колыхался кровавый студень. Разрывной пулей ему снесло пол черепа.

Веткин потянулся к портативной рации, висевшей на груди у Николая, и отдернул в ужасе руку: она разбита вдребезги разрывной пулей, связи нет, запросить подмогу нельзя. Разрывная пуля сначала разбила рацию, а потом, отрикошетив, снесла голову Сычеву. Рация защитила сердце хозяина от пули, но не спасла ему жизнь и сама вышла из строя.

– От судьбы не уйдешь, – подумал Борис. – Не вспыхнул сигнал опасности в мозгу Коли, не залег он вовремя за валун. Ну, зачем, зачем же Колька высунулся из-за него?

Борис разозлился. Но разозлился главным образом на себя,

вспомнив слова Улькина: «В бою нельзя думать, о чем-либо постороннем, только о бое», пополз назад, ещё более тщательнее маскируясь. Но чувство обиды, уже за себя не уходило:

– Вот прихлопнут и меня сейчас в первом бою, и повоевать не придется, как и Кольке. Но чувство обиды, что не придется повоевать, было сильнее, чем страх смерти. Веткин считал себя везунчиком. И хотя мыслишка и шевелилась – «вот прихлопнут», но он ей не верил, а верил, что он выйдет из боя живым.

– Ну, что? – спросил Борю Костик.

– Связи нет, Сычев убит, рация разбита. Если бы была цела, притащил бы тебе. Ты всё умеешь делать.

– Пойду делать то, что никому не удастся сделать, связаться на милицейском КПП со своим командованием и вызвать вертушку второго боевого рейса нам на подмогу.

– Разве менты разрешат тебе воспользоваться своей связью? У нас ни документов, ни пароля. Да они примут тебя за бандита и пристрелят, - засомневался Борис.

– Не каркай, – насупился Костя Улькин.

– Извини, – осекся Веткин. – Давай дуй на КПП с Богом. Авось повезёт. А мы тут будем до последнего патрона отстреливаться. Смотри, ты ещё мою сотку не израсходовал.

Боря ткнул в пулеметную ленту, в которой из ста патронов по норме, оставалась ещё половина, когда тело старлея Улькина скрылось из вида. Борис Веткин погладил по стволу пулемета системы Печенегова – хорошая машина, работает безотказно, охлаждение хорошее, вот правда ручка для переноса пулемёта подкачала. Неправильно отцентрирована и вес пулемета при переноске его всей тяжестью своей заламывает кисть руки. Трудновато нести, зато безотказный «Печенег» в бою.

Сзади и спереди от пулемета Веткина забухали взрывы артиллерийских снарядов.

– Видимо добрался до поста КПП Улькин, – подумал Борис. – Сообщил нашим координаты и Бог войны артиллерия заговорила грозно.

«Бух, бух, бух», – слышались взрывы. Возможно, скоро зашелестят в воздухе и лопасти вертолёта. Веткин заметил впереди себя движение, дал очередь и явно услышал стон. Может быть, стон был

предсмертным, а может быть, он ранил чеха, но больше вперед он всё равно не рыпнется.

А Костю Улькина и в самом деле встретили на КПП неласково, да куда там неласково – невежливо. Пригрозили открыть огонь на поражение. Но Костик умело стал заговаривать постовым ментам зубы, а потом рванулся и всех троих уложил на землю. Что могли противопоставить поджарому и ловкому спецназовцу, хорошо владевшему приемами рукопашного боя, рыхлые и неуклюжие милиционеры, которые вышли все разом на улицу не оставив хотя бы одного в засаде за бетонной стеной? Да они затвор не успели передернуть, как оказались в положении лежа, нюхать землю

Вертушка поспела вовремя.

Сага о штабных генералах и их помощниках

В батальон, где служил Веткин и Улькин приехал с инспекторской проверкой из штаба полка подполковник Делибов. Костя штабных и свадебных генералов их подручных не любил, хотя и понимал, что отличный штабной офицер, хорошо ориентирующийся в боевой обстановке целого полка иной раз стоит. Но, когда штабные генералы по пьянке не смогли разобраться в операции в Пинском ущелье – кто есть кто, и наши погранцы и спецгруппа Барсов трое суток стреляли друг в друга, то, какое может быть к ним штабникам уважение?

– Наши ребята стреляли из-за разгильдяйства и неразберихи штабников в друг друга и убивали свой своего. Что у наших, что у боевиков – форма камуфляжная, выглядит одинаково. «Поди, разберись», – сетовал Улькин, объясняя Веткину, откуда у него такая ненависть к кабинетным генералам.

– А тут ещё этот подпол прикатил…

– Что, что? – переспросил Боря Костю. – Какой такой подпол?

– А разве ты никогда слова такого не слышал? – усмехнулся Улькин. – Подпол – это сокращенное звание подполковника. А я о подполе Делибове толкую. Поменять бы в его фамилии местами буквы «б» и «л» и тогда бы она полностью соответствовала сути владельца этой новой фамилии – Дебилов. Вот это инспектор – подпольщик, подпол Делибов мне жутко не нравится. На огневые позиции ни ногой, сидит себе здесь сиднем, ряшку наедает, не вылазя из

кухни и из столовой день-деньской. А от нас только сведения чуть ли не по каждому часу, проведенному им в нашем батальоне, о боевых действиях собирает. Привыкли черти загребать жар чужими руками. Из нас боевых офицеров писарей хочет сделать.

– Ну, что ты кипятишься, Костя? Попытался осадить своего командира Веткин. – Ты дай ему сводку, а пусть его писари талмуды настрочат.

– Они настрочат, проверять не станут. Такие подполы, как Дебилов, я слышал, в ведомости о своих выходах на боевое задание в феврале месяце себе по 31 февраля табель закрыли. Вот хохма была! В феврале 28 дней, ну в високосный раз в четыре года 29 дней бывает, а они 31 февраля на боевом дежурстве побывать умудрились. От своей ненасытной жадности такое придумали. Ведь за боевые дежурства-то зарплата в несколько раз возрастает. Денег всё хотят побольше получить.

– Я слышал, что скоро его командировка закачивается? – встрял с вопросом Боря, чтобы сбить накал страстей Улькина.

– Вот по этому поводу я к тебе и пришел, – кивнул в знак согласия головой Костя, что Боря прав, – уезжает скоро подпол. «Корова», вертолет МИ-26, которая на борт до 40 человек может взять только что ушла. А другие летчики вылетать в горы побаиваются. Чехи в «зеленке» скрываются. Засели в ней крепко сверху их не выкурить оттуда, поэтому подпол поедет в Уазике в сопровождении нашей группы.

– Почему нашей?

– Да потому, что он выпросил в штабе, чтобы его сопровождали от Шалей до Ханкалы спецназовцы.

Долго ехали в Уазике без приключений. Когда дорогу сжали с обеих сторон горные прижимы сверху, со склона горы стали постреливать.

– От силы пять-шесть человек, – определил по звуку Костя.

Уазик остановился, каждый из ехавших в нём военнослужащих подыскал укрытие. Чехи вскоре поняли – на испуг не возьмешь, а подойти к автомашине ближе обороняющиеся федералы не дадут. Будешь наглеть – пулю в лоб схлопочешь. Выстрелы сверху со склона прекратились. Посланные два спецназовца в разведку нашли в местах засады только стреляные гильзы. Боевики исчезли.

– Борис, – спохватился Улькин, когда группа собралась вместе, – ты не видел, куда делся подпол?

– Я видел, – откликнулся рядовой Васькин. – Подполковник, как только начался обстрел, под днище Уазика заполз и сидел там тихо, как мышь, пока мы вели перестрелку.

– Подпол спрятался под пол Уазика, – скривился Костя как от зубной боли. – Вот это достойный пример офицера солдатам. Хорош гусь. Пойду, погляжу. Не навалил ли он со страху в штаны.

Когда Улькин заглянул под Уазик, сразу же отшатнулся от машины. В нос шибанул резкий запах мочи и кала. Его прогноз оказался правильным.

– А ну вылезай, – громко приказал старший лейтенант Константин Улькин подполковнику Делибову у которого до сих пор от страха тряслись губы. – Иди к ручью, прополощи в нем брюки. А то всё сиденье в Уазике твоим специфическим одеколоном провоняет, пропахнет.

Подпол вылез и его жалкий ничтожный вид трусливого человечишка, пострадавшего от медвежьей болезни и испачкавшего честь мундира в прямом смысле – надо же, в штаны навалил и написал, заставил спецназовца отвернуться. Плечи их тряслись от смеха. А рядовой Васькин давился от хохота:

– Гер – рой! Ге… ге… рой… Век бы таких героев не видел.

Только Улькин опять возмутился, увидев кобуру пистолета подполковника наглухо застегнутой:

– Да ты, охламон, даже отстреливаться не пытался?! Ну и гад же, ты ползучий! Иди быстрее, застирывай свое дерьмо. Прачка… Ехать надо, пока нас тут опять не обстреляли.

Костя обернулся к Борису и удивился его мрачному виду.

– Ты чего такой смурной?

– Мне обидно и стыдно, что я воюю за государство, у которого вот такие командиры, – глухо выдавил из себя Борис. И добавил: – Пили, ели всё нормально, об…сь все буквально.

Ещё больше помрачнел Веткин, когда приехав через полгода в штаб по поручению Улькина, увидел гладко выбритого, в отглаженном чистеньком нарядном мундире полковника Делибова со звездой Героя России на груди.

Его злобный взгляд затравленного, загнанного в угол волка

полковник Делибов перехватил и запомнил. Улькину это события Борис прокомментировал по приезду в подразделение так:

– Когда штабной писарь написал представление о награждении подпола к звезде Героя, он, наверняка, не знал, что будущий Герой России от страха в штаны написал.

– Я этот твой каламбур, Боря, на всю жизнь запомню, – усмехнулся Улькин.

Никого не впускать и не выпускать

По данным разведки боевики в километрах пятидесяти от дислокации части Улькина активизировались. Костя со своей спецгруппой высадился в месте предполагаемого прорыва чехов и оседлал дорогу. Приказ был: никого не пропускать в их зону: ни пешими, ни на автомобильном транспорте. В случае неподчинения открывать огонь на поражение. Комбат сказал, что звонили ему и генералы и полковники. Чехи ожидали приезда иностранного, может быть, заморского гостя весьма высокого ранга. Мышь не должна проскочить через заслон спецназовцев Улькина.

Вскоре все в округе боевики знали - дорога заблокирована. Попытались они бойцов Костика сбросить с перевала. Но обломали зубы. Слишком крепкий орешек оказался, не по зубам. Целый день и две ночи на дороге не было движения.

На рассвете третьего дня часовой из секрета услышал звук мотора. Шел он с правой стороны от основной группы, засевшей на склоне. Это ехал Уазик, как сам потом признавался Боря, ступил, сглупил. По радиосвязи доложил в штаб номер машины, предполагаемое количество пассажиров и о странном поведении сидящих в автомобиле. Они, не обращая на предупредительные выстрелы никакого внимания, не останавливаются, но и сами не отвечают в ответ стрельбой. К тому же одеты не в камуфляжную униформу, а в цивильную одежду.

– Что делать? – спросил Костя у связиста. – Расспроси командира и передай мне его указание. Только быстро. Время не ждет.

– Ты мне скоростные гонки не устраивай, – обиделся связист. – Я тебе не курьерский поезд. У тебя уже есть директивные указания от генерала: никого не впускать и не выпускать. Сам тебе его слова передавал. А если не реагируют на предупредительные сигналы,

открывай огонь на поражение – эту часть приказа тоже слышал. Так чего же ты мне голову морочишь – расспроси? Действуй!

Улькин подал условный знак Веткину: стреляй! Борису это только и надо было. Боевики в предыдущей схватке себе зубы обломали, но и спецназовцам нанесли урон: двух бойцов убили, одного ранили. Костя сам продиктовал радисту: «Сообщи в штаб: «У нас потери – два двухсотых и один – трехсотый». Пулемет мерно заработал, и вся обойма была выпущена в Уазик. Машина вильнула два раза на дороге и ткнулась капотом в придорожный валун. Костя послал Васькина посмотреть тела, есть ли хоть какие-то документы. У одного в кармане рядовой Васькин обнаружил удостоверение:

– Вроде как глава администрации района, – испуганно доложил он Улькину. – Вляпались мы по самое некуда.

– Да я всё по инструкции сделал, – пожал плечами Костя. – Да и приказ генерала по радиосвязи подтвердили.

– Всё-таки давай закопаем тела у дороги, – предложил Улькину Борис. – А Уазик сожжем.

– Нет, - покачал головой Константин, – я уже доложил и указал все данные машины. Смысла не имеет скрывать теперь улики. Только усугубим ситуацию. Будто бы мы в чём-то виноваты. Война есть война. Не сориентировались гражданские, и по своей глупости погибли. А может быть, пьяные были? Комиссия разберется.

Но комиссию группа не дождалась. Поступила новая команда – переместиться в новый квадрат, где могут появиться боевики. Тем более, что возможно они и спровоцировали заезд Уазика с гражданскими лицами в зону обстрела. Хотя и боевики бывает днем в гражданской одежде ходят, а ночью в камуфляж «наряжаются». Пока документы не проверишь, не разберешься. Да и документы чехи очень часто используют поддельные. В любом случае засада спецназовцев рассекречена.

Засекли на другом перевале. Прихватили на этот раз и АГС – автоматический гранатомет станковый. Когда попрут на малочисленную группу чехи, имеющие всегда численное преимущество, то гранатомет может хорошо помочь и отбить атаку боевиков им будет попроще.

Веткину показалось, что он не на войне. Вокруг тихо, спокойно. Заунывное пение сверчков или, как их там – цикад, не в счет.

Их стрекот только подчеркивает тишину. Звездное небо как будто рядом, на вершине горы прилегло, но вдруг… Борис встрепенулся. Он услышал около АГС характерные звуки выстрела из пистолета Макарова: «Тутс… тутс… тутс». Со звуком первого выстрела слился голос Васькина, охранявшего станковый гранатомет: «Напали на меня».

Улькин после первого же выстрела направил на него вспышку винтовки с оптическим прицелом ночного видения и нажал спусковой крючок.

– Алла, – прозвучало в ответ во мгле. Костя понял, что не промазал и хотел выстрелить ещё раз, но, увидев, как мелькнула тень гибкого тела Бориса, бросившегося на помощь Васькину, опустил ствол.

Через минуты две Веткин уже скрутил руки раненого боевика. Он был во всем черном, чтобы ночью было трудно разглядеть. Даже на голову натянул округлую черную маску с узкими щелями, вырезанными для глаз.

– Ниндзя, да и только, – покачал головой Костя и спросил Борю, – куда я его ранил?

– В бедро, - ответил Борис. – Почти в самый пах. Жить будет, но женщину вряд ли захочет.

– Пристрели ты его и дело с концом, – вставил свое слово в общий разговор Васькин. – Он мне плечо прострелил, а если бы Борька не подоспел, то мне хана была. Убил бы чех меня и гранатомет подорвал бы.

– Нельзя. У нас комбат, как сказал бы, будь он жив, самбо, шибко правильный, – покачал головой Улькин. – Я ему доложил, и он приказал - везите пленного в штаб. Вертушка сейчас придет.

А боевик забузил, просил развязать руки и оскорблял всех подряд:

– Шакалы, псы! Привезете вы меня в штаб, а я на другой же день в расположении вашей части появлюсь и буду точно знать, кому же мне горло нужно перерезать. Любой ваш поганый полкаш взятку у меня возьмет и выпустит. Все вы твари продажные. А тебе литёха глотку перережу первому.

В вертушке Улькин разрешил Борису развязать руки «ниндзе». Боевик лежал на полу и подрагивал телом от вибрации вертолетного

корпуса. Неожиданно послышались звуки похожие на плач. Веткину даже стало жаль чеха. В очень уж болезненное место попала пуля. Но боевик не плакал, а смеялся.

Костя и Боря переглянулись.

– Это он укололся или понюхал наркотика. Наркоман, – пояснил Улькин Веткину, а боевику скомандовал отрывисто и чётко: – Молчать, падаль!

– Вы мне рот не затыкайте, а слушайте всё, что я о вас думаю. Вы же ничего не можете со мной сделать. Сами говорили, что комбат приказал меня доставить в штаб. Вот и исполняйте его приказание, трусливые шакалы! – Боевик закашлялся, а потом снова безумно захохотал.

У Улькина всё кипело, бурлило внутри. Это Борис увидел сразу, но поразился выдержке «литёхи». Костя, подавив гнев, с невозмутимым выражением лица спросил:

– Радуешься? Считаешь себя великим воином и думаешь, что тебя твой аллах заберет сразу же после твоей смерти на небеса? Ничего подобного я сейчас разрешу вдоволь повеселиться. Отправлю тебя не на небеса, а на землю. Без парашютика.

Константин рывком отворил люк, в который десантники при случае необходимости могли выпрыгнуть из вертолёта с парашютом, схватил «ниндзя» за шкирку, вытолкнул его наружу, на прощание сказав: «Лети, голубь ты наш сизокрылый, с черным оперением».

– А как же приказ комбата? – тихонько произнес Борис.

– А, что я мог поделать, если боевик решил покончить с собой и выбросился сам в люк? Или ты считаешь, что всё произошло по-другому? – забросал вопросами Веткина Улькин. – Можешь меня по прибытию заложить…

– Да ты что старлей? Если бы нас чехи взяли в плен, всю нашу группу и поставили бы условие: «Мы отрежем голову одному из вас, который согласится на это добровольно, тогда других отпустим живыми». А ты бы приказал мне: «Борис, придется тебе спасти наши жизни. Пусть тебе они отрежут голову», то я ни сколько бы ни колеблясь, пошел бы на заклание. А ты – заложить!

Генерал вызвал к себе полкаша Делибова на разбор «полетов». Хотя полковника и называли за глаза не Делибовым, но не

таким уж он идиотом и был, как все считали. Делибов был хитер, изворотлив, льстив и беспринципен. Благодаря этому неблагородному набору деловых качеств полковник и стал настоящим полковником - на каждом погоне, прочно закрепленных на плечах, было по два просвета и по три крупных звезды, какие бывают только у старших офицеров. Да, три звезды бывают только у самого старшего из старших офицеров – но уголовника и труса. Дальше идут звезды ещё крупнее, но крупные звезды скатываются уже на другую категорию военноначальников. Их зовут генералами.

Вот полковник Делибов, собираясь на прием к генералу и не стал надевать парадную форму со звездой Героя России на груди, а влез в будничную, неброскую камуфляжку, убрал спесивое выражение с лица и, когда оно стало серым и невзрачным, вошел в генеральский кабинет.

Генерал указал сразу место, где должен быть Делибов. Для каждого есть свое место. Полковник на указанный стул и сел. На самый его уголочек, на самый краешек стула, он знал, как сидеть. Развалившись, вальяжно на кресле или стуле в генеральском кабинете – верх неприличия. А хозяин кабинета, грозно сдвинув брови, медленно заговорил, произнося слова в растяжку, как бы размышляя над каждым произнесенным словом, а может быть, и звуком:

– Мне рассказали про историю, происшедшую в группе спецназа старшего лейтенанта Улькина. Очень дурно пахнет…

У Делибова захолонуло сердце, перехватило дух, глаза полезли из орбит, а мурашки, наоборот, по коже побежали, и он лихорадочно думая: « Когда в штаны навалишь, всегда дурно пахнет. Неужели этот негодяй Улькин доложил генералу о моем конфузе». И всё-таки, выдавил из себя невразумительное:

– Это у меня получилось нечаянно, самопроизвольно…

Но генерал даже и не знал о тех трагикомических событиях, которые произошли при перестрелке спецгруппы Константина с боевиками. Генерал опасался, что отдав жесткий приказ, который старлей исполнил беспрекословно и расстрелял машину главы администрации, не подчинившуюся требованию Улькина – остановиться, уложив насмерть всех пассажиров и главу, ему придется отвечать за гибель гражданских лиц. Этот случай дурно пах для самого генерала и он, недовольно поморщившись, что еще больше напугало полков-

ника, сказал:

– Причём тут ты? И эти твои слюнтяйские оправдания: нечаянно, самопроизвольно… Отдал приказ я, а ты его только передал через связистов - не слушаются предупреждения, то вести огонь на поражение. Теперь надо бы с Улькиным поговорить, найти доказательства его невиновности и аргументы объяснения приемлемые для местного населения. Что ты об этом думаешь, полковник?

Полковник, услышав слова сомнения генерала, расцвел, и из его рта полилась речь, бальзамом капавшая на разболевшееся сердце военачальника, из-за ожидания расплаты за свое поспешное или непродуманное решение.

– Ваш приказ я ещё не отправлял наверх, – сказал полковник, пальцем показывая на потолок. – Может быть, это был вообще не приказ, а проект приказа? Но не подписанный вами проект приказа, пусть и устно согласованный без вашей подписи не имеют никакой силы. Улькин же вздорный, самоуверенный человек. Неизвестно, вообще, каким образом он оказался в том самом месте, где по дороге должен был проезжать глава администрации района. Может быть, его разведчики что-то напутали и, получив, ложные сведения о провокации боевиков на этом перевале, старший лейтенант сам проявил ненужную инициативу и, желая заслужить дешевую славу, помчался в тот квадрат, координаты которого, как дезинформацию подкинули разведке спецназа боевики?

– А ты, Делибов… – генерал замялся, он хотел сказать резко – «подлец», но вовремя для себя осекся и вслух произнес, – молодец!

Не солидно как-то называть подлецом человека, который творит ложь тебе же во благо. Притом учесть характеристику Улькина, данную тем Делибовым, что старший лейтенант вздорный и самоуверенный человек.

– Рад стараться! – выдохнул радостно после генеральской похвалы «молодец» полковник. После выдоха сделал вдох, и он готов был выдохнуть очень лестное обращение: «Ваше благородие» или «Высокородие», но засмущался и просто добавил к своему ретивому «Рад стараться!» опять очень деловое предложение:

– Приказ с вашей подписью я уничтожу, а военной прокуратуре дам указание на Улькина завести уголовное дело за самоуправство и превышение своих полномочий.

Теперь генерал коротко выдохнул: «Действуй!».

В группе спецназа неприятную весточку о заведенном на Улькина уголовном деле встретили с пониманием. Борис, почесав лоб, сказал, попав прямо в точку:

– Это псевдо герой невестке в отместку делает пакости.

А Константин в панику не пустился:

– Что же вы хотите ждать от человека, который облажался по самые уши. Там же в верхах всегда стараются обгадить другого, чистенького. Пусть и от других их дерьмом будет пахнуть. А наше дело правое, мы победим. Знаете, что Самбо вернулся. Он не погиб, а его раненого взяли в плен чехи. Самбо – метис, его за своего и приняли. Не стали торопиться с расстрелом или иезуитской казнью. Сержант же наш – парень не промах, улучил момент и сбежал.

– Ну, как тебя чеченцы встретили? – спросил Самбо Борис Веткин.

– А, что чеченцы? Я их уважаю, – ответил старший сержант. – Чеченцы настоящие воины. У них маленькая по территории страна, но они готовы биться за свою малую родину насмерть. Мы ведь и боевиков-то называем не чеченцы, а чехи. И все, что есть негативного в этом слове – чехи, то вносят его наемники: ваххабиты, прибалты, украинские националисты. Вот они-то и проявляют жестокость больше, чем чеченцы. А хуже даже наемников наши подлецы – русские.

– Ну, ты Самбо, и даешь? С каких это пор? Это ты, бурят, и русский?

– А кто же я? – спросил Бориса сержант и сам же, ответил. – Я – русский! Я русским всегда был. Со мной в плену был контрактник, который воевал в Афгане – Паша Селин. Павел удивлялся одному, что «афганцы» не делили на русских, киргизов, чеченцев. Они были все – воинское братство. Так почему же чеченский летчик, генерал, Герой Советского Союза Дудаев, взял и направил чеченский народ на Россию? Этого Пашка никак не мог понять.

– Да потому, что другой генерал Павел Грачев обещал царю Борису за неделю покончить с мятежной Чечней, - объяснил буряту Улькин. – Но фига с два – не тут-то было… Ччеенцы-то не очень, и хотели воевать. Так тейп Дудаева выгнал с гор всех чеченцев с других тейпов и направил против русских казаков, да и обычных

гражданских русских, которые несколько веков жили бок обок с чеченцами. Стали насиловать женщин, убивать и грабить мужчин. Началась гражданская война, а её остановить невозможно. В каждой семье есть погибшие. И в сердцах, оставшихся в живых только одно чувство: месть, месть, месть. Женщин не только насиловали, сами женщины с Литвы, например, были снайперами и убивали офицеров-десантников, сначала хорошо поиздевавшись: стреляли в руки, ноги, в пах, а потом уж убивали насмерть. Я видел, как пойманную снайпершу, так и в Древней Руси это делали, привязали за ноги, не к коням, разумеется, а к БТРам и разорвали её на части.

– Но по Корану нельзя убивать невиновных, а какой же, Аллах Акбар, если льется кровь неповинных людей? – озадачил Константина Самбо.

Но Улькин подумав, всё же, нашелся, что ответить:

– Так кто же теперь из мусульман на войне по Корану живет? Когда ваххабиты извратили его смысл. А каков поп, таков и приход.

Последний бой он трудный самый

– Вот ты сказал царь Борис, – не мог успокоиться Самбо. – Мне Селин рассказывал, что все короли Европы, снаряжая в крестовый поход к гробу Господню, своих ландскнехтов, наемных солдат, выплачивали им жалование за первые два-три месяца похода, а потом наемники должны были содержать самих себя за счет военной добычи – трофеев. Проще говоря, средневековые короли заставляли или, лучше сказать, принуждали своих ландскнехтов мародерствовать. А в конце двадцатого века новейшей современной истории возмущался Павел Селин, рассказывая мне об этом, царь Борис вынуждал, не выплачивая денежное довольствие военнослужащим, превратиться им в мародеров. Павел, когда узнал, что «военные трофеи» ходят собирать солдаты из их подразделения, во вторник второе, в среду третье…, сгоряча чуть ли не пристрелил командира отделения за мародерство. Потом, поняв безысходность ситуации, смотрел на это сквозь пальцы.

– Самбо, ты, чего это грязью-то наших солдат поливаешь? – взорвался Улькин. – Да я бы за подобное ничуть ли, а точно мародера шлепнул. И рука бы не дрогнула.

– Э, как ты разгорячился, Костик, – покачал головой сержант. –

Сейчас не 1996 год, когда почти всей России зарплату по полгода не платили из-за шоковой терапии, а конец 2000-го. Ситуация-то изменилась. А за грязь, скажу я тебе, то грязь тоже разная: одна с навозом перемешена, а другая грязь – лечебная. И рассказываю про грязь случившегося мародерства в прошлом, чтобы она в настоящее время к нам не прилипала. Кто-то из наших, возможно, я ещё повторяю, а не утверждаю – возможно, и подвергся бы соблазну снять с убитого золотое колечко, но зная, что ты за этот поступок точно пристрелишь его, не трогает золото. Да и Бориса Веткина золотым называют, потому что он драгметалл в кубышку не складывает.

Их спор прервал возглас посыльного:

– Старшего лейтенанта Улькина к комбату.

Комбат был озабочен, но виду, что волнуется, не подавал. Вводную задания он сделал за три минуты:

– Офицерский спецназ «Солнышко» разгромил учебно-тренировочный лагерь боевиков в горах. Взорвешь склады с боеприпасами и с оружием. Они двигаются сейчас к другому схрону. Ты Улькин, с двумя группами по двенадцать бойцов в каждой должен выдвинуться вот сюда, - комбат на карте показал квадрат в котором через два, два с половиной часа должны оказаться спецназовцы Кости. – Их по данным воздушной разведки около 160-180 человек. До них около 50 километров. Вертолетов пока нет, на боевом задании, доберетесь своим ходом.

– Мы что марафонцы, что ли? – разозлился Константин на комбата. – за два с половиной часа пешим ходом добраться до места? Добежать пятьдесят километров? И как вы предлагаете нам разгромить около двухсот боевиков, имея в строю 24 спецназовца?

– Не пешком, а на броне доедете. Может быть, тебе за этот «суворовский переход» только не в Альпах, а на Кавказе уголовное дело закроют, учитывая и прошлые и сегодняшние заслуги, - пояснил комбат.

– Да, ладно, я, – отмахнулся Костя от доводов командира. – У меня Борис Веткин послезавтра должен демобилизоваться. А если он за три дня до дембеля погибнет? Я же себе этого никогда не прощу, – гнул свое Костя.

– Ну, нет у меня больше никого, кроме вас, – развел бессильно руками комбат. – У Бориса уже есть одна медаль, поэтому, если вы-

живет, орден мужества получит.

– А если погибнет? На кой ему нужен будет это орден Мужества посмертно-то…

Комбат, опустив голову, долго молчал, а потом тихо сказал:

– С Богом, сынки. Другого решения нет.

Константин затратил времени на разъяснения спецназовцам задачи ещё меньше.

– Через два с половиной часа будем на перевале. Чехов человек сто двадцать, – соврал Улькин. – Будем использовать эффект неожиданности. Одна группа зайдет к боевикам в тыл, а другая встретит с фронта. Применим их же тактику ведения боя. По команде нападаем на них одновременно и будем бить чехов беспощадно и в хвост и в гриву. Другого варианта у нас нет: или грудь в крестах, или голова в кустах. Ввяжемся в бой, а чуть попозже комбат обещал нам десанту подослать на вертушках.

Бой был скоротечным. Боря установил пулемет Печенегова на сошки и его «сотки» «Печенег» выплевывал мгновенно, как будто семечки лузгал гильзы, сплевывал их на каменистую почву горного склона.

Чехи огрызались яростно, и одна их пуля перебили левую сошку пулемета:

– Сантиметров пятнадцать-двадцать выше и моя голова разлетелась бы на части, как арбузные корки по сторонам, – мелькнуло в голове у Бориса.

Из-за того, что нельзя было отступить, с тыла так же рокотали пулеметы, в рядах боевиков появилась суматоха, и смятение не позволяло им более точно отстреливаться.

Десантники довершили разгром банды.

Разные мнения двух друзей детства

– Так чем же закончилась ваша история? – спросил Юрий Борю Веткина.

– Как видишь, я жив остался. Да война-то продолжается.

– Я не об этом. Это само собой, разумеется, и я рад тебя видеть живым и невредимым, – заволновался Юра. – Представили ли вас к награде – ордену Мужества, сняли ли обвинение с Улькина, закрыли ли на него уголовное дело?

– Орден Мужества получил комбат. Так он хоть получил его заслуженно. А вот за что штабиста Дебилова наградили орденом Мужества – ума не приложу? Хотя деньги идут к деньгам, ордена к орденам. Я награжден за эту удачную операцию: поговаривали офицеры, что полевого командира боевиков – Умара мы ухлопали в том бою, медалью «За боевую доблесть» II степени. Улькина судили, назначили условный срок наказания. Но охота на настоящих, а не таких как Дебилов героев продолжается. Слышали, полковника Буданова убили. Не понять кто: то ли кровная месть, то ли, по телику выдвигают версию, что это работа спецслужб, каких именно не называют, а может быть, провокация каких-то третьих сил. Поэтому я и говорю, что война продолжается, а настоящий герой Улькин, отстаивавший целостность России, вынужден носить позорное клеймо убийцы. А настоящие убийцы полковника Буданова ходят на свободе. Вот что написал по этому поводу мой товарищ, он назвал стихотворение «Волкодав».

Шавки нашли волкодава
В городе и на цепи
Этой породе шакалов
Спать не давали клыки.

В честном бою не осилить
Страшен полкана оскал
Помнят, когда за Россию
Он их на фантики рвал.

Но оболгали с позором
Бросили «шкуру» во двор
Жалко скуля у забора:
«Вот он, насильник и вор».

Будка, отсидка, намордник
От либералов отцов
Доблестной службы невольник
И потрошитель волков.

Выла на радостях стая
В узком кругу на луну
На волкодава бросая
Взгляды, глотая слюну.

Но, потеряв все попытки,
Даже возможность склонить
Не открывая калитки
Подло решили убить.

Праведный путь мироздания
Не изменить, не сломать.
Просто имея сознание
Надо его не менять.

Если меня бы спросили
Я отвечаю как есть
Быть волкодавом России
Это особая честь

Оба друга долго молчали. Потом первым заговорил Юрий Ивкин:

– Разные судьбы сложились у нас. Ты участвовал в войсковых операциях и боролся с обюрократившимися, превратившихся в обычных чиновников от министерства обороны офицеров, но защищал всё же, интересы России. Я тоже боролся с бюрократами-офицерами, но за свои права. Меня перевели всё же, из Читинской области в ЛенВО, поближе к дому, к родителям. В тепло и уют. А ты сам рвался попасть в горячую точку.

Ты мог погибнуть за три дня до дембеля, а я через три дня после прибытия в Ленинградский военный округ сразу же подал рапорт для дембеля.

Поэтому я тебе после этой встречи, Боря, зауважал еще больше, но свою голову всё же, не посыпаю пеплом и не скорблю о случившемся. Я не хочу служить в армии, в которой не ценят, а унижают всё человеческое.

Часть III.

В поисках верного курса

Как и все уволенные в запас офицеры, Юрий Ивкин встал на распутье при выборе дальнейшего собственного трудоустройства. А он, выбор этот, был невелик. Производить материальные ценности Юра не мог, так как не имел гражданской профессии. Поэтому перед ним лежала столбовая широкая дорога в какое-нибудь охранное агентство.

Многие бывшие и впрямь уходили в ЧОПы (частные охранные предприятия) и, не имея своей частной собственности, бдительно оберегали чужую частную собственность. Жалованье им платили, не ахти какое, но зато стабильное.

Вторая дорожка сворачивала налево, более скользкая, но зато приносящая за короткое время прибыльное благосостояние, вела в объятия криминалитета.

Её Ивкин отверг сразу же. Он любил скользить только на роликах по аллеям парков и скверов, или же по тротуарам в свободное от основной работы время.

Третья дорожка, как в сказке про витязя на распутье, вела направо в сторону бизнеса, где шелестели листочки вечнозеленых долларов, но требовалось в путь-дорогу собрать воедино предприимчивость, финансовые ресурсы, протеже во властных структурах. Покровители должны были априори если и не помогать, то хотя не мешать.

Юре предприимчивости было не занимать, а вот с финансами было трудновато. В банке взять кредит трудно, а если и дадут, то под такие космические проценты, что считаться при современном среднем возрасте проживания для мужчин в России этого срока явно не хватит. Но Юрию удалось взять беспроцентный кредит. Как? Очень просто: он занял деньги у мамы. Да и с покровителями у Ивкина не заладилось. Выбор среди них был еще скупее, чем при выборе профессиональной деятельности бывшему офицеру. Крышевали начинающих бизнесменов бандиты или менты.

Ни с теми, ни с другими Ивкину связываться не хотелось. И он решил занять нишу в самом чистом, казалось бы, бизнесе – организовать детский досуг в выходные дни.

Взрослые родственники детишек: родители, бабушки и дедушки, тети и дяди, старшие сестренки и братишки выведут гулять дошкольников на природу, а предприимчивый Ивкин предоставит на радость всем и взрослым, и малышам развлекательные аттракционы.

Юра закупил резиновый бассейнчик, американские горки, тоже надувные и т.д. но гулять с детьми и отдыхать, используя оборудование Ивкина, взрослые не торопились. Лето большое. Правда, на первых порах большие аттракционы Ивкина были в новинку, доход Юра получал. А потом будто бабушка нашептала. Выручка предпринимателя неуклонно стала стремиться к нолю. Все свои аттракционы Юрий устанавливал возле естественных водоемов: речек, каналов или на берегу Финского залива и, когда посетителей было маловато или же и вовсе отсутствовали, он не терял свое драгоценное время и закидывал удочки в воду. Ивкин был заядлым рыбаком и без рыбалки места себе не находил.

Домой он приходил усталый, грузить в автомобиль, собирать и разбирать аттракционы занятие не для слабосильных. Зато все кошки из соседних дворов встречали Ивкина радостным мяуканьем и урчанием. Юра щедро угощал котов и кошек своим немаленьким уловом.

Однажды у него даже мелькнула предательская мыслишка: «А не заняться ли продажей рыбы?!». Но своевременно отказался от такого соблазна.

Мать долго, терпеливо ждала возврата денег, но убедившись в тщетности попытки сына побороть разнузданную стихию рынка, предложила сменить курс:

– Сынок, зачем ты пытаешься пробраться в бизнес через окно, когда рядом можно пройти, проникнуть в него сразу через открытую дверь. Твой отец уже давно открыл свою автомастерскую. И у него в автосервисе есть уже постоянные клиенты, которых он обслуживает вне очереди. А от разовых посетителей отбоя нет.

– Наверно, это самый оптимальный выход из создавшегося неудачного положения для моих аттракционов, – тяжело согласился Юра. – Я их продам и верну тебе деньги, которые назанимал, а что не хватит, добавлю из зарплаты, которую буду получать в автомастерской. Только, что же я буду делать у отца?

– Он сказал, что в покрасочном цехе нет маляра, – обрадова-

лась мать. – Не огорчайся, сынок, всякий труд облагораживает человека.

– Если учесть, что я буду придавать автомобилям товарный вид и радовать глаз не только хозяину, но и всем окружающим зрителям, то мой труд действительно станет благородным. Наподобие труда художника, произведениями которого ходят любоваться в музеи миллионы зрителей. А пока у меня одна цель – заработать в автосалоне денег, чтобы погасить долг, отдать тебе деньги.

– Это не такое уж и срочное дело, но мне приятно, что ты обязательный, щепетильный в финансовых вопросах человек, - отозвалась мама и задала вопрос Юре, резанувший его сердце. – Зачем же ты взялся за явно провальный бизнес по детским аттракционам? Ведь не у каждого родителя есть возможность вывезти своего ребенка за город. Они все предпочитают посещать увеселительные заведения в городе, которые уже зарекомендованы и апробированы годами.

Юра, переборов смущение, не стал оправдываться, приводить лукавые доводы, а прямо заявил матери:

– Ты же прекрасно знаешь мою беду. Мне же бывшая жена не позволяет даже видеться с сыном. Я в отчаянии, так хочется поиграть, поговорить с малышом. Вот я и решил позволить играть детям, общаться с ними на своей «работе».

– Да, – кивнула Вероника Антоновна, – свою работу, чтобы добиться на ней успехов надо любить.

Месяц Юра Ивкин работал в автомастерской отца, как проклятый. Надышавшись паров ацетона и других химических растворителей, красок, парень шел одурманенный домой. Вспоминал, как такого состояния он со своими друзьями на китайской границе в армии добивался специально. Водку было трудно достать, а расслабиться после дежурства хотелось. Иногда дефицитную водку запивали полторашкой пива. Пиво должно быть обязательно темным. Все это объяснялось расхожей крылатой фразой: «Водка без пива – деньги на ветер». А иногда приходилось из-за отсутствия водки нюхать пары клея БФ. Солдаты называли его ласково – Борис Федорович.

– А дома мне приходится вдыхать пары бензина не для того, чтобы поймать кайф, а для зарабатывания денег.

Мажет быть, поэтому горькому обстоятельству и перестал Ив-

кин пить. Не бывает, худа без добра.

Через два месяца заработанных денег в автомастерской отца хватило, чтобы рассчитаться с матерью, и он бросил это, как ему показалось никчемное занятие. Не стал даже учитывать горькую обиду отца.

– Я тебе предоставил возможность зарабатывать деньги в моем бизнесе, а ты этого не оценил, – сказал сыну Петр Егорович.

Ответ Юры еще больше огорчил его.

– Я зарабатывал деньги в твоем бизнесе не как партнер или участник его, а как наемный рабочий, – сказал Юра.

Сказал он это без всякой нервозности или раздражительности, тихо и спокойно, но вызвал своими покорными словами гнев Петра Егоровича.

– А ты сначала заслужи совместно работать в бизнесе или создай его сам, - выкрикнул отец.

Но Юра и тогда не стал вступать с ним в спор. Он, только смущенно улыбаясь, сказал Петру Егоровичу: «До свиданья» и оправился домой.

В своей комнате он пролежал на диване еще месяц и читал книги. Отрывался от чтения и мыслей о бизнесе лишь, чтобы сбегать в магазин, закупить продукты. Сначала Юра прочел две книги американских авторов ставшими миллиардерами Дональда Трампа и Роберта Кийосаки. Правда, у одного из писателей отец был миллионером. Но американец японского происхождения стал миллиардером сам.

Ивкин самые интересные советы и высказывания состоятельных и состоявшихся людей тезисно записывал.

Первая фраза, может быть, и была банальной, но для Юры она прозвучала как откровение. «Люди любят победителей, - читал он и перечитывал уже запись, как молитву, многократно. – Чем проще идея, тем легче мыслить шире. Фокусировать нужно внимание на выигрышах, а не на проигрышах. Ведь зарабатывать деньги нужно играючи. Бизнес – это игра. А она должна быть по душе. Ведь жизнь создана для удовольствия».

Юрий прервал чтение собственных тезисов. Ему вспомнились слова матери: «свою работу, чтобы добиться на ней успехов, надо любить».

– Как созвучны слова мамы со словами миллиардеров, – думал Ивкин, - но они кроме любви выделяют еще одно качество необходимое в бизнесе – «упорство, одна из главных черт победителя».

Затем Юре в его временном безделье пришли мысли об огромной цене времени. После чтения книг Трампа и Кийосаки они выкристаллизовались в такую формулу: «Вкладывая свое время в бизнес, я не буду его терять. Но для этого необходимо иметь колоссальное **терпение**».

Вспомнилось Юре, читая произведения американских миллиардеров, и своя осечка в организации детских аттракционов. Один из авторов писал: «если ты не являешься лидером в данной отрасли – не претендуй на неё!».

– Почти как у Козьмы Крючкова: «Хочешь быть счастливым – будь им!», – улыбнулся Ивкин. – Но самое главное в бизнесе утверждают финансовые воротилы, акулы капитализма, необходимо быть смелым. Если начал действовать, то действуй, несмотря на страх ошибиться. Да, игра – это денежный поток и нельзя из-за страха возводить на его пути плотину. Ключевое слово – экономия вездесуща. Ведь экономя, мы экономим и деньги. Это тождество справедливо, в каком бы порядке мы не переставляли оба понятия: деньги и время. Жаль, что на это тождество очень часто влияет непредсказуемый человеческий фактор.

Прочитав философские рассуждения обоих американцев, Юре Ивкину попалась на глаза и третья книга. Её написали два соавтора Мирзакарим Норбеков и Геннадий Волков. Назвали свою книгу они парадоксально – «Успех на вашу голову и как его избежать».

– Если на меня вдруг неожиданно свалился успех, то зачем же мне отталкивать его от себя? Зачем же избегать подвернувшееся счастье? – удивлялся Юра, задавая самому себе вопросы.

Потом Юра понял, что и в самой интересной игре нужны не только страсти и эмоции. В игре тоже необходимо выполнять необходимые правила. А в игре, где главной движущей силой представляет денежный поток, нужно не только соблюдать правила, но и познать эту экономическую игру с научной точки зрения.

У Норбекова и Волкова в книге «Успех на вашу голову…» была сформирована аксиома: «Экономика – это наука о том, как постоянно выигрывать в жизни».

Они же пояснили Юре, что смысл экономики не только в разовом накоплении капитала, а в преумножении его из поколения в поколение. Сдлеали соавторы это оригинально в виде притчи.

«У одного мудреца спросили:

– В вашей семье всегда достаток. Поделитесь, как вы распоряжаетесь своим доходом?

– Всё очень просто, – ответил он. – Сначала я отдаю долги. Потом даю в долг. Что останется на то и живу».

Юре понравился смысл этой притчи. Нужно отдавать долги своим родителям – они воспитали меня и растили, кормили, поили, одевали. Теперь необходимо вкладывать деньги в воспитание ребенка. Они даются ему пока в долг, в надежде, что деньги вернутся назад сторицей. Остальные деньги можно тратить на себя. Ведь жизнь дана человеку, чтобы получать удовольствие. Но какова концовка притчи! Это же шедевр для нравственного воспитания человека. Мудрец говорит: *«Каждый месяц сороковую часть дохода отдаю в руки Господа Бога на умножение. Эти руки не самого творца, а нуждающихся в помощи. А Господь регулярно возвращает мне проценты. У него самые большие процентные ставки на свете».* Новый курс почти определен.

На исходе месяца ничегонеделания у Ивкина возникла идея.

– Я люблю ловить рыбу. Хотел продавать свой улов за деньги. Есть еще одна притча, гласящая «не надо кормить голодных рыбой, выловленной тобою. Научи их самих ловить рыбу, подарив им удочку». Так почему же мне нельзя продавать не наловленную мной рыбу, истребляя природные ресурсы. Не лучше ли разводить мальков, аквариумных рыбок и продавать их любителям красоты аквариумных рыбок. А таких людей много. Да и часть притчи необходимо использовать. Любителям рыбалки не стоит бесплатно отдавать в руки орудия лова. Их нужно продавать. Жизнь создана для получения удовольствия, но за любое удовольствие человеку необходимо платить. Если я буду продавать рыбакам рыболовные снасти, вести консультации буду бесплатно. После рождения идеи, которая ему понравилась, у Ивкина встал вопрос: «Где же взять деньги для реализации этой идеи?».

Но занимать их, ни в банке, ни у отца не тем более у матери Юре не хотелось. И опять месячное чтиво писателей экономистов

дало еще необходимый результат.

Ивкин вспомнил совет американских миллиардеров: «Если не являешься лидером в данной отрасли – не претендуй на неё!». У него был знакомый парень, который содержал зоомагазин, где продавал мальков, аквариумных рыбок, рыболовные снасти, насадки для них, червяков и мормышки.

Дела у Мишки шли так себе – не бей лежачего. Но сказать, что он распух от голода, было нельзя. Это Юрий понял сразу, побывав с Михаилом в кафе, где тот заказал себе жирное свиное барбекю. Аппетит у Мишки был, как всегда отменный и деловая встреча Юрия с его будущим работодателем увенчалась успехом. Ивкин стал в зоомагазине Миши «Ловись рыбка» менеджером-консультантом. Интерес Юры был в том, что хозяин магазинчика посулили ему приличный процент с продаж. Наверняка у Господа Бога процентные ставки были больше Мишкиных, но так высоко забраться для Юры Ивкина было еще рано.

Но дела его сразу пошли в гору. В табеле о рангах финансовых воротил было, как понял Юра, всего три ступеньки: раб (рабочий), предприниматель (прораб – производитель работ) и инвестор (хозяин и финансист).

Ивкин вышел на второй уровень в иерархии табеля о рангах, но как солдат мечтает стать генералом, так и Юрий собирался стать когда-нибудь инвестором.

Но заработать легально, как он уже убедился, почти невозможно. Поэтому Юра вскоре нашел более легкий способ обогащения. Великий комбинатор двадцатого века Остап Бендер знал четыреста способа честного отъема денег у законопослушных граждан. Один из которых назывался – «Дети лейтенанта Шмидта», где самозванец Остап выдавал себя за сына героя революции 1905 года, уже упомянутого выше лейтенанта Шмидта, выпрашивал у партийных функционеров деньги для создания памятника легендарному моряку-одесситу. Теперь в двадцать первом веке дети Остапа Бендера пусть даже и незаконнорожденные преумножили славу своего отца. Над разгадками деталей комбинаций современных Остапчиков бьются до сих пор и не всегда успешно следователи прокуратуры. А повязка на глазах ослепившая Фемиду не позволяет богине правосудия размахнуться коронным мечом и срубить очередному Бендеру башку.

Уповая на беспомощность Фемиды, Юрий Ивкин не стал изобретать велосипед, а прибегнул к старинному, как весь наш мир способу – стал получать откаты за покупаемые для магазина «Ловись рыбка» товары.

Но Юрий всё же, помнил знаменитую фразу Бендера: «Я чту уголовный кодекс и потому тоже никогда его не нарушал». Он не залезал в карман государственных бюджетных организаций. Брал откаты с менеджеров частных торговых фирм или выходил напрямую на частного производителя товаров. Выписывал накладные на дешевую продукцию по более высокой цене, а разницу между ценами – маржу распиливал пополам. А иногда львиная доля от распила доставалась предприимчивому Ивкину.

Это как ему удавалось договориться с производителем. Не забывал Юра про интерес и владельца магазина «Ловись рыбка». У него всегда покупная цена была ниже на пять-семь процентов, чем у конкурентов. Все оказывались от комбинации Ивкина не в накладе. Они в итоге оказывались все в прибыли, но… В природе существует закон сохранения массы. Если в одном месте в данном случае денежная масса, оно убывает, то увеличивается в другом месте.

Поэтому в управлении финансового потока, запущенного Юрой, не было ни иллюзий, ни идиллии. Прибыль небольшого коммерческого синдиката получалась примитивно просто: она выплачивалась из кошельков и карманов покупателей магазина «Ловись рыбка», которые приобретали в нем рыболовные крючки, мормышки, надувные резиновые лодки, сапоги-мокроступы, лески, а иногда и браконьерские сети. Тут уже действовал закон торговли: за все издержки производителя и торговли платит покупатель.

И хорошо, что покупатель для Юрия являлся не конкретным лицом, которому было бы неловко посмотреть прямо в глаза, а абстрактным. Заходит в торговый зал магазина «Ловись рыбка» толпа покупателей, набиваются они в магазинчик, как селедки в бочке, так что яблоку некуда упасть, не то, что в глаза посмотреть кому-то внимательно: «А не чувствуете ли вы, любезнейший покупатель, в нашей «Ловись рыбка» обманутым? Не к вам ли обращаемся мы с вывески нашей торговой точки: «Ловись, рыбка»?».

Только уважаемые читатели, вы совершенно позабыли, что третья книга об экономике, которая стала для Юрия Ивкина настоль-

ной, была «Успех на вашу голову и как его избежать» Норбекова и Волкова. И по ней Юра составлял свой кодекс чести в торговле.

На отдельном белоснежном стандартном листе писчей бумаги Юрий черным фломастером записал заповедь соавторов из этой книги. Она представляла изречение историка купечества России Бурышкина.

- Если бы торговое сословие России было на самом деле сборищем плутов и мошенников, не имеющих ни чести, ни совести, то, как объяснить те огромные успехи, которые сопровождали развитие русского народного хозяйства и поднятие производительных сил страны?

Русская промышленность создавалась не казенными усилиями и, за редким исключением не руками лиц дворянского сословия. Русские фабрики построены и оборудованы купечеством. Промышленность в России вышла из торговли. Потому то, когда Юра заметил своего «хозяина», уже лопающегося от чванства с двенадцати магазинов «Ловись рыбка» навыки в мутной воде свою золотую рыбку – доверчивых покупателей, в плутовстве, то не стал дожидаться, когда тот превратится в отпетого мошенника. Он прервал с ним деловые отношения, сумев выторговать свою долю из заработанного совместно имущества. Один из зоомагазинов на Суворовском проспекте, почти около квартиры, где проживал Ивкин, стал его.

«Хозяин» пытался усовестить Юру:

– Зачем ты хочешь в одиночку, как Архимед перевернуть мир с помощью примитивного рычага – предпринимательства. У тебя не станет надежной точки опоры, которая была благодаря нашей командной «игре». Один в поле не воин, - сказал ему Мишка.

Предприимчивость и мелкое предпринимательство в нашей стране безжалостно уничтожается. Чиновники бесчинствуют и облагают их, предпринимателей, поборами. Ты думаешь, я крысятничал и урвал себе, не поделившись с тобой пару тысяч баксов. Это не так. Эти деньги ушли на взятки чиновникам.

– Не боись, дружок, – парировал Юра. – Как-нибудь сумею пробиться сквозь тернии к звездам. А про предпринимательство – это только твое личное мнение. Владимир Владимирович Путин считает совсем иначе. Он сказал, что самое огромное и драгоценное достояние России так это предприниматели. Я это усвоил, жаль, что

ты этого не понимаешь.

Но, конечно же, работа только одной торговой точки, стала приносить Юрию меньше дохода. У него был достаточный запас прочности, но бурная деятельность, как это было раньше, стала утихать. Появилось больше свободного времени, и он стал чаще на роликах подкатывать к набережной Невы с удочкой. Душа требовала на какое-то время покоя и Ивкин свою необходимую порцию этого покоя получил.

Неожиданное знакомство

Тамара шла по Кирочной к Неве, погуляв по Таврическому саду. Погода была солнечная, яркая, светлая. А вот по жизни у девушки в это время проходила черная полоса безденежья. Подруга Татьяна, которой она советовала не бояться перемен и лететь за своим любимым человеком хоть на край света, приглашала её на Северный Кавказ, в станицу, где-то вблизи Краснодара. Таня уехала, послушавшись совета к парню, год назад, вышла за него замуж и вот уже сын родился. Подруга звала на крестины, а она еле-еле наскребла на билет на самолет. Надолго уехать в гости не могла. Нужно было деньги зарабатывать, нельзя работу бросить.

Мимо неё промчался на роликах парень с удочкой в руке. Тома успела перехватить его взгляд, пока он ехал навстречу. Молодой человек не скрывал своего восхищения, разглядывая её фигуру, лицо. Но поравнявшись с Тамарой, парень устремил свой взгляд в ту неизведанную безбрежную даль, в которую он так стремительно мчался.

– Я ошиблась, – вздохнула Тома, – приняла его восторг от захватывающей дух скорости движения за восторг от моей внешности.

Чтобы убедиться в своей правоте, она, стыдясь своего разочарования, с небольшой грустью в душе обернулась и была награждена сияющей улыбкой парня.

Юра Ивкин, а это был именно он, тоже обернулся. Юрий не понимал, почему же ему вдруг захотелось обернуться.

– Может быть, нужно мне не обернуться, а вернуться, – мелькнуло в голове Ивкина. Но он сразу же, отмахнулся от такого заманчивого поворота событий.

– Неужели она такая прекрасная незнакомка воспримет меня всерьез, облаченного в грубую робу для рыбалки и удочкой в руке,

вместо букета цветов, подумал Юра и уже больше не оглядываясь, помчался в поисках цветочного киоска.

А на Тамару вместо легкой грусти навалилась всей тяжестью своей мрачная тоска.

– Почему вот так бывает? – загрустила Тома, – а еще кто-то разглагольствует про любовь с первого взгляда. Понравился мне этот юноша, а его и Васькой звали. Исчез бесследно.

Тамара подошла к двери своей парадной, еще раз безнадежно оглянувшись вслед вихрем промчавшемуся парню, и исчезла, утонула, окунувшись в омут реки лифтового холма. Ивкину тоже в начале не повезло. Киоск, в котором продавали букеты цветов, был закрыт. Не скрывая своего огорчения, он бросился обратно, надеясь, что прекрасная незнакомка всё еще идет по тротуару вслед за ним. И вот тут ему повезло. Юра уже не успел разглядеть в какой подворотне скрылась девушка, но краем глаза, каким-то боковым зрением он увидел, как захлопнулась дверь в парадную

– Может быть, она зашла сюда, – подумал Юрий и стал досконально изучать дверное полотно: все его трещинки на поверхности и потеки краски, объявления ЖЭКа, мелкие цифры, кнопочки на домофоне и цифры покрупнее на табличке с номерами квартир.

На следующий день Ивкин с раннего утра стоял около хорошо обследованной им входной двери в парадную с огромным букетом хризантем. Он безропотно поджидал, сказывалась привычка рыболова-любителя, когда же распахнет дверь понравившаяся ему девушка. Юра давно не испытывал такого наваждения. Ему хотелось еще раз взглянуть в карие глаза русоволосой девушки. И он готов был ждать у дверей, в которой она скрылась, вечность.

Ждал он долго и его стали одолевать сомнения.

– А может быть, незнакомка живет не в этом доме и квартира её не в этой парадной? – мучил тревожными предположениями себя парень. – Может быть, она заходила в гости к подруге…

Мысли, ранее стройные и ясные, вдруг мгновенно перепутались, а в голове застучали колокольчики, нет, колокола тревоги.

– А что если незнакомка зашла в гости не к подруге, а к своему бой-френду? – отчаяние так охватило Ивкина, что у него лицо перекосилось, как от зубной боли. – А если сейчас они выйдут вдвоем, а я как круглый идиот буду встречать счастливую влюбленную пару с

охапкой цветов.

– А что если… – продолжал нагонять на себя страх Юра, как дверь неожиданно распахнулась и на первую верхнюю ступеньку крылечка грациозно ступила прекрасная незнакомка. «Словно взошла утренняя заря, – подумал Юра, когда девушка радостно улыбнулась. – Вот какая у неё лучезарная улыбка. Словно рассвет наступил не два часа назад, а только сейчас».

Тамара была поражена не менее Ивкина. Она спрятала свое лицо в огромный букет цветов, который сразу же вручил ей парень, чтобы он не увидел её волнение, как только она ступила на улицу.

– Юрий, – коротко представился он девушке. А когда она назвала свое имя, у него вырвалось непроизвольно из груди возвышенные комплименты, – Царица, царица Тамара!

Тома и вовсе потеряла голову. Они прошлись по парковым аллеям Таврического дворца, полюбовавшись белоснежно-мраморным памятником Сергею Есенину.

– Великий русский поэт, – склонил голову на секунду перед Есениным Юрий.

– А мне пришло в голову другая ассоциация, – откликнулась Тамара. – Вспомнились строчки другого поэта – Пушкина. Из его романа в стихах «Евгений Онегин»: «Не докучал моралью строгой, слегка за шалости бранил, учил его всему, шутя, не докучал моралью строгой, слегка за шалости бранил и в Летний сад гулять водил». Только ты повел меня на прогулку не в Летний сад, а Таврический.

– Хорошо, что ты напомнила мне о Летнем саде, – оживился Юрий. – Поедем-ка, если ты, конечно, не возражаешь в центр. Там на каждом шагу кафе. Я угощу тебя мороженым, попьем хорошего кофе.

Возвратилась к дому Тамары влюбленная пара затемно. Она остановилась у входной двери парадной и замялась:

– Извини, Юра, но я, к сожалению, не могу пригласить тебя в гости.

– Почему? – удивился Ивкин. – Не бойся я тебя никогда не обижу. Посидим чаю попьем.

– В этом-то все и дело, – призналась Тома. – Я живу беднее церковной мыши, в доме шаром покати. Мне нечем тебя угостить.

Юрий весело заулыбался.

– Эка беда нечем угостить. Мы с тобой просто побеседуем. Кто из великих сказал, что самая большая роскошь для людей – это человеческое общение. Или встретимся завтра? Я закуплю сласти, пирожных или тортик, кофе и мы устроим с утра пир на весь мир.

– Я не против поговорить с тобой, Юра, - сказала Тамара. – Не возражала бы, и почаевничать вместе завтра, но только я завтра в полдень улетаю самолетом в Краснодар к подруге на крестины сына.

Сообщение Тамары не испортило настроение Ивкину. Он заулыбался еще радостней.

– Великолепно! – воскликнул Юрий. – Иди домой, собирайся в дорогу, отдыхай. Только скажи мне, пожалуйста, время и номер рейса вылета авиалайнера. Я хочу проводить тебя в аэропорт. Мне нужно только сориентироваться перед отъездом по времени, во сколько подойти к тебе завтра.

В условленное время Юра появился в комнате Тамары, минута в минуту.

– Точность – вежливость королей, – отметила педантизм юноши девушка и пошутила, - хотя другого и быть не могло. Раз ты вчера назвал меня царицей, то мой друг не может быть ниже по рангу, чем я. А значит, моя поговорка про точность королей очень даже уместна.

Юра лишь кивнул в знак согласия после её слов без комментариев, и только взяв в обе руки поклажу, произнес:

– Тогда давай поспешим. Не будем терять время на разговоры. Аэрофлот тоже очень любит точность. И кто не успел на рейс ко времени – тот опоздал. Никто опаздывающих пассажиров дожидаться не будет.

В аэропорт «Пулково» Юрий и Тамара приехали, когда уже шла регистрация пассажиров на краснодарский рейс. Подойдя к стойке, девушка подала свой билет и паспорт для проверки и была приятно поражена поступком своего спутника.

Ивкин вытащил из нагрудного внутреннего кармана пиджака тоже свой паспорт, раскрыл его, чтобы ей хорошо было видно фотографию и… билет на самолет краснодарского рейса, лежащий внутри паспорта.

От волнения Тамара чуть ли заикой не стала.

– Ты… ты… тоже летишь этим бортом в Краснодар? – спроси-

ла Юру девушка. Как оказался у тебя билет на этот рейс? Почему ты мне не сказал об этом вчера вечером?

Ивкин молча положил паспорт и билет на стойку. Обаятельная девушка, прекрасная как весь аэрофлот, небрежно просмотрев проездные документы Юрия, с размаху шлепнула на билет штамп – «проверено». Мин нет!

Когда пара вошла в накопитель, Юра стал объяснять свой поступок.

– Когда мы расстались вчера вечером, мне стало как-то не по себе. Такая тоска навалилась – не приведи Господь. Вот я и решил преподнести сюрприз тебе. Поехал в аэропорт, купил билет. Еле уговорил продать мне билет из завтрашней брони. Сказал кассиру, что если вы такие формалисты и в штампе продажи должна стоять только завтрашняя дата, то я дождусь в аэропорту полуночи. И когда большая стрелка сойдется с минутной, после боя курантов, когда минутная стрелка сдвинется на одно деление вправо всё равно куплю билет на краснодарский рейс.

– И она заставила тебя ждать до полуночи? – удивленно покачала головой Тома.

– Нет, - ответил ей Юра, – она перекрутила в штампе число продажи авиабилета, когда я рассказал ей историю нашего знакомства. Посмеялась перед этим радостно и звонко и с удивлением сказала: «Не думала я, что и в двадцать первом веке может быть такая романтическая любовь, как у Ромео и Джульетты».

Шагая к трапу самолета, Тамара взглянула на небо. В день их вылета из Санкт-Петербурга северное свинцово-серое низкое небо вдруг преобразилось. Выглянувшее из-за горизонта солнышко превратило невзрачный цвет небосклона в голубовато-бирюзовый, а перистые облака окрасила в алый цвет.

– Даже природа сопутствует нам и дарит королевские подарки, - подумала Тома. – К Ассоль капитан пришел к морской пристани на корабле с алыми парусами. А мы с Юриком отправляемся в воздушный океан на авиалайнере в небо с алыми облаками.

Самолет взмыл в небо, проткнув белые, как вата, толщу из облаков и оказался в сияющем, ярком заоблачном мире, в котором нет никаких препятствий для движения вперед.

От одного края горизонта до другого свободное пространство.

– Как хорошо быть свободной от земных условностей, – вздохнув полной грудью воздух салона и выдохнув его из себя вместе с произнесенной фразой, Тамара залилась счастливым смехом.

Ей почему-то было так спокойно сидеть рядышком с Юрием в кресле. Он и здесь постарался: уговорил соседа Тамары поменяться с ним местами.

Парень, взглянув на сияющие лица молодой пары, только молча кивнул головой в знак согласия и уныло поплелся в хвост салона, где было уготовлено по авиабилету кресло Ивкина. У парня на душе кошки скребли. Перед вылетом он поссорился с женой и сияющие лица влюбленной парочки не радовали его, а скорее раздражали:

– Везет же людям, – с грустью подумал парень, усаживаясь в кресле, предназначенном вначале для Ивкина.

Любимая подруга

Татьяна Гаврилова была значительно старше Тамары – лет на восемь, десять. Она работала в поликлинике процедурной медсестрой. А Томе, обратившись в поликлинику с сильным стрессом, пришлось посетить процедурный кабинет Гавриловой.

Татьяна, выполнив все процедурные ей мероприятия, посмотрев на хмурое лицо Тамары, дружелюбно, чтобы не обидеть пациентку, заговорила с ней:

– Вы переживаете не лучшее время в своей жизни?

– С чего вы это взяли? – удивилась Тома. – Мне немного нездоровиться и только.

– Спрятать свою неустроенность жизни трудно эмоциональной женщине, очень трудно, – пояснила Таня. – Это удается, если женщина имеет хорошее самообладание или от природы в неё заложен талант актрисы. А ваше настроение я разглядываю как на ладошке, к тому же у вас бледный, словно выгоревшая ткань на солнце цвет лица. У вас статная, хорошо сложенная фигура и понятно, что вы гордитесь этим божьим даром и ходите плавно и пряменько, мягко говоря, поколоться вы пришли, осунувшись, ссутулившись, а если не лукавить, то сгорбившись. Я лет на десять старше вас, а выглядите вы, милочка, как будто старше меня лет на десять.

– Ну, просто Шерлок Холмс в юбке, – подумала Тома, – хотя среди женщин бывают детективы. Агата Кристи, например, по мел-

ким деталям делает правильный вывод.

– Я же поэтому и пришла в поликлинику и выполняю все процедуры, назначенные мне врачом.

– Еще Авиценна или как его еще называют – Ибн Сина сказал: «Три оружия у врага: слово, растение, нож». Для вас применение ножа не требуется. У вас болезнь еще застряла внутри. Вместо ножа лучше всего подойдет лечебный массаж. Вот эти три компонента: слово, растение и массаж в мягком комбинировании активного действия, снабжения организма витаминами благоприятно повлияют на обмен веществ. Для этого цикла лекарственные растения незаменимы.

– Вы хорошо говорите, как по написанному, – вздохнула Тамара, – но на посещение фитнес баров у меня нет денег. А к массажу я отношусь равнодушно не только потому, что и массажисту надо платить приличную сумму, которой у меня нет в наличии, а потому, что не верю, как может мне помочь не горбиться легкое поглаживание спины?

Таня, огорченно покачав головой, предложила:

– Ну что мы тут выкаем. Давай перейдем на «ты». У меня в детстве была хорошая подруга, она очень походила на тебя. Поэтому я сейчас сделаю массаж бесплатно.

– Давай будем на «ты», – согласилась Тома. – Но утруждать тебя массажем не хочется. Не верю я, что он мне поможет.

– Что ты заладила, – возмутилась Таня, – не поможет, не поможет. Хочешь, я подарю тебе брошюрку – «массаж, доступный каждому». Там не только описано, как делать массаж, наглядно показано на рисунках. Массаж освобождает нас от напряжения и головной боли, расслабляет твердые и болезненные мышцы, лечит от бессонницы. Освоишь приемы массажа, и ты сможешь помочь своим близким быть всегда в форме. Хороший массажист знает, а я хорошая массажистка, что его работа основана на внутреннем убеждении: «Я призван и должен помочь пациенту».

– Ладно, – согласилась Тома, – у моей дочери частенько бывают головные боли и засыпает она с трудом. Если мне массаж хоть чуточку поможет, то я Глашеньке буду делать его хоть каждый день. Спасибо тебе за доброе слово.

– Ага, – радостно воскликнула Таня, – видишь как сработал

один из трех факторов о которых говорил Ибн Сина – слово. – Но тут же, утихла и грустно добавила. – Какое счастье, что у тебя есть ребенок.

Массаж сделала Татьяна профессионально мастерски, и он её новой подруге только помог. С того времени Тамара частенько заглядывала в процедурный кабинет, но не делать массаж, а проконсультироваться как лучше его делать своим знакомым и подружкам.

Таня радостно делилась с подругой тайнами мастерства и изливала ей свою душу. Тамара умела слушать, а благодарный слушатель был так необходим Татьяне.

Ей не повезло с детства. Таня родилась с вывихом тазобедренного сустава. Виновата ли была в этом неуклюжая, неловкая акушерка или же это было врожденное, но от этого девочке было не слаще.

В детстве она не замечала своего физического недостатка. Но, когда подросла, стало больно слышать от сверстников, а малолетние дети умеют быть жестокими, обидные прозвища: «хромоножка», «ковыль-нога» или «рупь двадцать». Одна нога была короче другой почти на четыре сантиметра.

У Тани были классические черты лица древнегреческих богинь, но как только мальчишки видели её хромоту. То у них сразу пропадал интерес к красивой девочке.

Таня поступила специально в медучилище по специальности акушерка. Уж она-то не допустит вольности при родах и роженицы могут быть спокойны за своих нарождающихся детишек. Акушерка Гаврилова не причинит новорожденному малышу вреда, у неё не будет увечья, и он не останется на всю жизнь калекой.

Но судьба распорядилась по-своему. У Тани была легкая рука, и она делала так умело уколы, что больные и ахнуть не успевали, как медсестра уже вытаскивала иглу шприца из вены. А пациенты, ошалело вертя головой, спрашивали:

– Как уже всё? А я даже боли не почувствовал. Как вам это удается?

А потом восхищенно добавляли:

– Какая у вас легкая рука.

Вот так Гаврилову и оставили в процедурном кабинете медсестрой. Она, как и весь медперсонал была военнообязанная. В её военном билете значилось: солдат, звание – рядовой.

Маршировать рядовую Гаврилову Татьяну даже в училище не заставляли, а об её таланте и легкой руке ходили легенды. Поэтому за месяц до встречи с Тамарой Татьяну вызвали, как военнообязанную на сборы. Она была в процедурной палатке МЧС, когда поступили сообщения командира:

– Около станции Бологое террористы взорвали железнодорожное полотно. Проходящий пассажирский поезд сошел с рельс. Искореженные вагоны рухнули под откос, полетели вниз с насыпи. Есть много раненых…

Через час Гаврилова и её сослуживцы были на месте катастрофы.

Какие железные нервы нужно было иметь. Хотя бы осмотреть панораму крушения поезда. У Тани на глаза наворачивались слезы но, когда увидела бездыханное тело молодого мужчины, она отбросила в сторону сантименты. Подчиняясь своему профессиональному долгу, Татьяна бросилась к нему и стала прощупывать пульс.

Ей удалось почувствовать пальчиками слабые и очень редкие толчки пульса на запястье руки. Зато всполошилась не почувствовав у него попавшего в катастрофу пассажира дыхания.

– Нужно срочно сделать искусственное дыхание, – приняла решение медсестра. - Массаж грудной клетки опасен, может быть при падении с насыпи мужчина мог травмировать её и поломать ребра. Тогда я только усугублю его положение, а не приведу раненого в чувство. Буду делать искусственное дыхание изо рта в рот.

Старания Тани не пропали даром. Наконец-то пострадавший в аварии с трудом выдохнул воздух и приоткрыл помутневшие от боли глаза.

– Где я? – чуть слышно произнес потерпевший. И уже погромче спросил, – как вас зовут?

– Меня зовут Таня, - отозвалась медсестра.

Она уже посмотрела документы раненого и обратилась к нему по имени:

– Виктор Александрович, ваш поезд сошел с рельсов около станции Бологое. Я оказала вам первую помощь, а сейчас вас госпитализируют.

Татьяна оглядела место, где она откачивала Виктора, увидев эмчэосовцев с носилками, приказала им, хотя и считалась рядовой,

хорошо поставленным командирским голосом:

– Санитары, ко мне! Заберите срочно пострадавшего.

Пока санитары подходили, Виктор попросил медсестру:

– Я вас умоляю, напишите мне ваш номер телефона. Хочу поблагодарить своего ангела-спасителя как только оклемаюсь.

– Ну и мужчины пошли, – засмеялась Таня.

Не успел с того света выкарабкаться, как уже собирается поволочиться за первой встречной юбкой, - пошутила Татьяна, но номер телефона своего всё же записала.

Вскоре её помощь срочно понадобилась хирургу. Прибежал запыхавшийся санитар и, смахивая тыльной стороной ладони, пот со лба спросил медсестру:

– Вы – Гаврилова? Тогда следуйте за мной в операционную. Сам Пал Палыч требует разыскать вас. Он сделал операцию одной миловидной девушке – артистке балета, а наши медсестры уж на что опытные, не могут попасть приме иглой в вену. Ей же срочно нужно поставить капельницу.

– А в чем причина-то? – спросила Таня.

– Ты, что балерину ни разу не видела? – ухмыльнулся санитар. – У неё не знаешь, в чем душа держится – одна кожа да кости. А тут надо в вену попасть.

Когда Татьяна зашла в операционную палату, она сразу обратила на балерину внимание. У неё были тоненькие ручки и пальчики. Тонюсенькие, тонюсенькие, как тростиночки.

– Нет, еще тоньше, воздушные, невесомые, как паутиночка. Там такая тонюсенькая нить, что с плохим зрением и увидеть эту паутинку невозможно. И вот в этой рученьке я должна отыскать вену…

Тихий голосок балерины перебил жалостливые мысли Тани. Она уже собралась задать дежурный вопрос балерине: «Как вы себя чувствуете?», когда услышала:

– Вы знаете, я своих ног почему-то не чувствую. В чем дело?

Гаврилова скользнула по невесомому тельцу балерины сверху вниз и еле сдержалась, чтобы не закричать от ужаса. Обе ноги балерины были ампутированы хирургом Пал Палычем до колена.

Таня сама в детстве пыталась танцевать. Её несбыточной мечтой было закружиться в вихре вальса. Но не позволял это сделать злополучный вывих тазобедренного сустава. Какой трагедией ка-

залась ей рухнувшая мечта. А балерина бедная, бедная девочка, не только танцевать – ходить теперь не сможет.

Татьяна подошла к изголовью хирургического стола и своим телом пыталась загородить от глаз балерины её ампутированные ноги. Гаврилова теребила ручки балерины, тонкие пальчики и с болью в сердце слушала, как прима рассказывала, в каких знаменитых балетных спектаклях она собирается солировать.

Наконец-то её мучения закончились, Татьяна, ощупав основание большого пальца правой руки, отыскала наконец-то пульсирующую вену покрупнее, чем все предыдущие, в которые Гаврилова собиралась ввести иглу.

Уходила Таня из операционной с тяжелым камнем на сердце. Она пришла снова к тому месту, где она вдохнула жизнь в самом прямом смысле этого словосочетания, Виктору Александровичу.

Метров в десяти от того места, где еще недавно лежало бездыханное тело Виктора, а потом произошло чудо – исцеление совсем обыкновенного человека, а не небожителя, сидел кавказец. То ли армянин, то ли азербайджанец.

Он покачивал взад-вперед головой, как китайский болванчик и что-то непонятное бормотал себе под нос.

– Контузило, наверно, - подумала медсестра и спросила парня, - Голова сильно болит?

– С головой у меня всё в порядке, – отозвался армянин. (Таня успела посмотреть его паспорт и знала, что парня зовут Ашот Геворкян), и пожаловался Гавриловой, - а вот сердце сильно щемит.

– Тогда я сейчас сделаю укол, чтобы сердечко ваше не шалило – успокоительный.

– Э – э, девушка, – протяжно, словно эхо, тянул Ашот свое «э-э-э», - укол мне не поможет. Я свои деньги потерял. Мне их жалко, а не себя.

Таня огляделась вокруг и увидела лежащие на земле почти у самых ног Геворкяна денежные купюры: две пятисотки и одна тысячная.

– Так вот они ваши денежки прямо у ваших ног лежат, а вы не видите.

Ашот даже не взглянув на банкноты, но вышел из транса, услышав новость о деньгах, и перестал покачивать головой взад впе-

ред. Он покрутил ею отрицательно слева направо и сообщил обескураженной Тане:

– У меня были в наличии не российские рубли, а американские доллары. А эти деньги, добрая и благородная девушка, возьмите себе за отзывчивость.

– Нам запрещено брать себе чужие вещи и деньги. Я должна переписать номера купюр, записать в блокнот сумму найденных денег и отдать все это старшему по команде. Сейчас я поищу доллары около опрокинувшегося вагона. И если найду, то сразу же принесу их вам.

По сияющему лицу Гавриловой Геворкян понял, что Татьяна разыскала его деньги. Хмурое лицо Ашота преобразилось, и оно засветилось отблеском улыбчивой девушки.

– Так, что же вы их не подняли с земли и не принесли мне? – обеспокоенно спросил армянин русскую девушку. А потом горестно воскликнул, - их у меня было триста…

Закончить ему фразу не удалось. Таня, радостно улыбаясь, протянула вперед зажатые в кулачке зеленые банкноты государственного банка США.

– Смотрите тут как раз триста долларов. Наверняка это ваши.

Улыбка тут же исчезла с лица Ашота и оно стало опять мрачнее ночи.

– Вы опять разбили мою надежду, – сказал Геворкян. – У меня в дипломате было триста… (тут Ашот запнулся, а потом выдохнул слова, в которых звучала неутешное отчаяние) … тысяч. Да-да триста тысяч долларов было.

Теперь шокирована была Татьяна: «Надо же у него было в дипломате целое состояние – триста тысяч долларов. Если бы такое несчастье случилось со мной, у меня у самой голова бы кругом пошла».

Но Ашот видимо был человеком широкой души:

– Не убивайся ты так из-за меня, милая девушка. Моя беда не такая уж страшная беда. Это я деньги вез в пассажирском поезде. Вернусь на Кавказ и отправлю в Питер мандарины в товарняке. Загружу два0три вагона в грузовой поезд. Надеюсь, что террористы грузовыми поездами меньше интересуются. А может быть вообще найму дальнобойщиков. И за неделю, реализовав фрукты на рынке,

я сумею вернуть свой безвозвратный капитал. Триста тысяч – это не триста долларов. И никто как вы, такую сумму денег не отдаст владельцу.

Татьяна кивнула головой, развернулась и побрела восвояси, поняв: «У Ашота с головой все в порядке, моя помощь ему больше не требуется»

Заманчивое предложение

Через неделю после крушения Виктор позвонил Татьяне и предложил приехать ей в гости к нему в Краснодарский край.

Гаврилова не преминула поделиться радостью со своей подругой – Тамарой. Она собиралась побывать в гостях у Виктора. Это желание появилось у Тани сразу же после его звонка. Но потом засомневалась, закомлексовала и решила разобраться в сложившейся ситуации совместно с Томой.

Тамара пришла в первый же свободный для неё день и выслушала исповедь глубоко несчастного человека. В ней боролись два противоречивых чувства, боязнь разочарования Виктора после их встречи.

– Ты знаешь, Тома, причину, – объясняла она свои сомнения подруге, – чтобы избавиться от любви с первого взгляда, нужно взглянуть на предмет любви второй раз… Если Виктор отвернется от меня, то я не переживу одиночества. Ведь мне хочется, как любой женщине, стать матерью? Ты вот счастливая – уже родила доченьку. А я одна и одна. Целую жизнь одна.

– Ну что же ты, Таня, так замучила саму себя, – посочувствовала подруге Тома. – Ты же мужчине жизнь спасла. А это дорого стоит. И у него в жизни не все гладко сложилось. Если приглашает тебя к себе в гости домой, значит, строит для себя далеко идущие планы. Что тебя беспокоит?

– Я так долго живу в одиночестве, – ответила Гаврилова, – что уже ничего не хочу: ни вечеринок, ни праздников, ни любви, а её у меня никогда и не было, ни даже хотя бы секса. А если я ничего не хочу, значит, я уже умираю как личность! Я скоро, наверно, умру и физически.

Таня так расчувствовалась, что даже всхлипнула после слов: «значит, я умираю». Стало ей жалко умирать, не достигнув, сорока

лет. Она об этом и стала рассказывать подруге.

– Мне уже тридцать восемь лет. После сорока уже не каждая женщина отважится родить ребенка, – с надрывом в голосе продолжала делиться самым сокровенным с подружкой Гаврилова. – Я же хочу, чтобы у меня был маленький ребеночек. Неважно будет это дочь или сын, но мне хочется прижаться своей головой к крохотному тельцу малыша, кормить его грудью и носить малютку на руках.

– Так, что же ты мучаешься? – осторожно встряла в монолог подружки Тома. – Плюнь на всякие условности и поезжай в Краснодар. Если не поженитесь, то хотя бы забеременеешь и родишь себе ребеночка. Желанного тебе.

Но слова Тамары не успокоили Гаврилову. Она опять выдавила сквозь слезы свои опасения:

– Этого-то я и боюсь – «если не поженитесь». Ведь мне хочется иметь хоть позднего, но ребенка. Хоть позднего, но мужа. Чтобы я не возвращалась домой, зная, меня с нетерпением ждут любимые люди: муж и дитя!

– Так кто тебе мешает осуществить свои мечты? Сама себе? – попыталась хоть иронией сбить депрессию подруги Тамара.

Но Гаврилова уже сама взяла себя в руки:

– Я часто уповаю на Бога, и в молитвах спрашивая Его: «Почему меня обидел, не дал мне детей?». И не нахожу в своей мятущейся душе ответа. Приезжаю в деревню к своей матери, и мне становится хорошо. И сердце просится в полет. Мне хочется попасть в другую страну.

– Ты хочешь уехать за границу? – спросила Гаврилову Тома.

– Да кому там за границей нужна я простодыра, – усмехнулась Татьяна. – Я хочу уйти в ту страну, в которой жили моя мать, отец, дед. Хожу я по избе мамы и вижу – на этой кровати умер мой отец, а вот этот шкаф сделал своими руками мой дед. А потом ушел на войну и погиб подо Ржевом. Вот в какую страну я хочу уехать, в страну Детства.

– Эх, Таня, вздохнула Тамара, – когда ты почувствуешь тяжесть в животе от вновь зарождающейся жизни, куда только подевается твоя хандра.

Как ни странно, но именно этот не прагматичный, а скорее эмоциональный аргумент убедил Таню принять, как оказалось поз-

же самое верное решение.

Гаврилова уехала в Краснодар, а Тамара летит в самолете со своим новым знакомым парнем на крестины сына Татьяны и Виктора.

Сколько радости испытала Тамара от встречи с недавно созданной семьей своей подруги. Её благодарила Таня, её благодарил Виктор и что-то весело урчал малыш, пуская пузыри губами.

– Да ты, Танечка, помолодела лет на десять, – удивилась Тома, едва увидев такую необыкновенно жизнерадостную подругу.

– Куда подевалась твоя брюзга, и появился оптимизм? Виктор, да вы вдохнули в свою жену столько сил и столько радости, что я по-хорошему вам завидую.

Виктор хотел что-то ответить на комплимент, но Татьяна не дала ему даже рот открыть:

– Я так благодарю тебя, Тома, что ты наставила меня на путь истинный. Думала, умру от одиночества, а оказалась самым счастливым человеком, благодаря твоей житейской мудрости. А цвет кожи прекрасный, светлый у меня от того, что на свет появился мальчик. Еще Гиппократ заметил, сто если плод в утробе матери развивается в мальчика, то у нас хороший цвет лица.

– Нет, это я тебе так благодарна как никто в мире. Ты научила меня делать массаж, и теперь я никогда не буду сидеть без куска хлеба. А ты, как и прежде любишь цитировать своих легендарных учителей-предшественников: Ибн Сину, Гиппократа.

Татьяна расцвела, когда её подруга упомянула имена древнейших знаменитостей и сказала:

– Как же я не буду помнить их, если я приносила клятву врача Гиппократа, когда меня посвящали после окончания медицинского заведения. И я не только давала клятву Гиппократа, а еще и присягу медицинского работника Советского Союза. Некоторые слова этой присяги помню до сих пор: «Клянусь беречь и развивать благородные традиции отечественной медицины».

Наконец-то и Виктор решил вмешаться в диалог подружек и произнес:

– Ваше благородие, госпожа Удача, не позабыла ли ты, что соловья баснями не кормят? Можно мне, как главе семьи пригласить тебя и наших дорогих гостей за стол.

На следующий день гости стали собираться в дорогу. Никакие просьбы и уговоры семейной пары на них не воздействовали. Положение спас Юрий, предложив ему одному съездить за билетами.

– А вы пока поговорите перед дорожкой, – посоветовал он Тамаре.

Когда она протянул паспорт и деньги, то Ивкин паспорт взял, а деньги, сложив купюры пополам, вложил снова в Томину ладошку, а чтобы она не попыталась опять всучить ему банкноты, сложил пальчики девушки в кулачок. И, наклонившись к ней, на ушко прошептал:

– Не спорь со мной, пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты, возвратившись в Питер, осталась без куска хлеба. Зная, какие дивиденды приносит твой бизнес: на его доходы можно перебиваться с хлеба на квас, а иногда и на воду.

Тамара не стала сопротивляться, а в глубине души отметила благородство своего нового знакомого: «Всё знает, всё понимает, а вслух ничего не говорит. Ни дать, ни взять – студент на экзамене».

Но еще более удивил Юрий её, когда они приземлились в аэропорту «Пулково».

– Ты знаешь, Томочка, – сказал ей Ивкин. – Я заинтересовался твоим увлечением – лечебным массажем. Ты сделала из него вещь в себе. Помнишь, я рассказывал об отношении к своей производственной деятельности, которая приносит доходы, двух американских миллиардеров и их табель о ранге: рабочий, предприниматель и инвестор. Так вот ты, занимаясь лечебным массажем, выступаешь сразу во всех этих трех ипостасях. Сама делаешь массаж, ты рабочая, сама находишь клиентов, то есть становишься предпринимательницей и пускаешь заработанные деньги на расширение дальнейшей деятельности - сама себя инвестируешь. Но ты нисколько не жалеешь свое здоровье. Массаж делаешь в свободное от основной работы время. Этот круговорот вертишь ты одна, а значит мое утверждение про «вещь в себе» верно.

– Я не совсем тебя понимаю, Юрик, – пожала плечами Тамара. – В твоих верных суждениях звучит только критика в мой адрес. А знаменитый философ как-то сказал: «Критикуя – предлагай!».

– А я, делая такую длинную преамбулу, и собирался сделать тебе предложение.

При этих словах у Томы сердце затрепетало: «Неужели не только я влюбилась с первого взгляда, а и Юрий».

Но Ивкин продолжил разговор, и радость сменилась в душе девушки разочарованием. Хотя, если бы не вспыхнувшая в её сердце долгожданная надежда, Тома, выслушав до конца заманчивое предложение Юры, поняла, что молодой человек делает шикарный жест для дальнейшего продолжения их знакомства.

– Я давно собирался найти компаньона в бизнесе и распределить с партнером в сфере деятельности обязанности по ролям. Я стану инвестором, а ты будешь заниматься предпринимательством. В итоге мы оба поднимемся на одну ступеньку иерархической лестницы.

– Я же ничего не понимаю в твоих аквариумных рыбках, а тем более в рыбацком снаряжении и снастях, хотя и родилась под знаком «Рыбы».

– Вот как здорово! – с восхищением воскликнул Ивкин. – Значит, я встретился со сказочной «Золотой рыбкой». Но тебе не придется и вникать во все тонкости моего бизнеса. Я собираюсь развивать твой.

– Мой! – в голосе Тамары смешивались два противоречивых чувства: радость и недоумение. – А не боишься, что я тебя съем.

– Ты же всего на всего только рыбка, хотя и золотая, – засмеялся Юра. – А рыбка не сможет съесть Льва. Я же по гороскопу «Лев». Хотя в аквариумах некоторых журналов водятся рыбки петушки. Они сродни пираньям в речных водоемах. Пожирают других особей рыб, набрасываются и на млекопитающихся, которые посмели искупаться в воде, где рядом проплывает косяк пираний. От бедных рыб и животных после нападения на них хищников остаются только скелеты. Но мне чутье подсказывает, что ты не хищница, а волшебная золотая рыбка.

– Так ты хочешь поймать золотую рыбку, чтобы я тебе служила на посылках? – не сдавалась в словесной перепалке Тома и задала этот каверзный вопрос.

– Нет, я всегда брался за те дела, думая, а в чем же заключается моя миссия. Что же они дают людям, какая польза будет от моей работы человеку, – ответил он.

– И какова же моя польза?

– Я вижу, что очень большая. Массаж – это здоровье, красота, психологический комфорт, – пояснил Юра. – Но в твоем увлечении есть побочные отвлечения, побеги, на которые ты не обращаешь внимания. А если использовать их для увеличения доходов с пользой для твоих клиентов – продажа лечебных кремов, смягчающих кожу, фитнес-процедуры. Вспомни, как Татьяна говорила о трех оружиях врача – слове, растениях и ноже хирурга. Нож нам применять не придется, а первыми двумя средствами в оздоровлении человека мы вооружились.

– Но если я порву отношения на основной работе и отправлюсь в свободной плавание, то я же, не смогу получать пенсию. У меня не будет отчислений в Пенсионный фонд, – вдруг всполошилась Тома.

Юрий засмеялся:

– Пенсионерочка ты моя, пионерского возраста. Не слишком ли рано забеспокоилась о пенсии? Но ты послушай меня, пойми и измени свою иждивенческую психологию. Нужно не пахать всю жизнь лишь для того, чтобы в старости получать жалкие подачки от государства, а нужно заработать в зрелом возрасте столько денег, чтобы в пожилом не влачить жалкое прозябание, а продолжать наслаждаться жизнью: путешествовать по миру, знакомится с шедеврами мировой культуры, с новыми людьми. А ты: «Я же не смогу получать пенсию». Минимальную-то пенсию получает в нашей стране любой гражданин, если он сколько-то проработал на ее благо. Но лучше надеяться только на самого себя, а не на доброго дяденьку и обеспечивать в будущем достойную жизнь.

– Но в своей жилой комнате мне будет очень трудно принимать очень много клиентов. Да и физических моих возможностей не хватит. После массажа пяти человек сил моих дамских больше ни на что не остается. Я падаю в изнеможении на диванчик и не могу пошевелить ни ногой, ни рукой. И только благодарность посетителей удерживает меня не бросить тут же от отчаяния мое безнадежное предприятие.

– Тома, ты должна, если принимаешь мое деловое предложение в первую очередь сделать две вещи: уволиться с основной работы и уважать саму себя. С твоего импровизированного массажного салона стать предпринимательницей.

Тамара не осмелилась задавать мелких вопросов Юре. Положилась на интуицию и деловую хватку его. Но увлеклась чтением книг, которые Ивкин зачитал до дыр.

Что день грядущий нам готовит,
когда ж наступит Новый год?..

Американцы слишком описывали академично и глобально свои финансовые успехи и достижения.

– Для меня, подготовленной работой в банке и при учебе в институте о ней еще более менее понятные вещи. Но для среднего ума, обычных людей их грандиозные планы и масштабные действия будут трудно восприниматься, – сказала своему инвестору девушка.

- А ты что же успела прочитать книги Трампа и Кийосаки, – удивленно спросил её Юра. – Когда же ты успеваешь закупать товары для массажного салона и читать беллетристику?

– Я читаю книги в пробках, – ответила Тома. – Чем сидеть и нервничать в машине, которую ты выделяешь мне для деловых поездок, я с упоением читаю рекомендованную тобой литературу.

– А как тебе понравилась книга Норбекова и Волкова?

– Мне нравится их ирония и юмор в книге «Успех на вашу голову и как его избежать». Особенно меня заинтриговала глава «Успех и женщина – а – а!». особенно эпиграф. Эпиграфов к этой главе у соавторов два. Видимо каждый из них постарался внести свою лепту в общее дело. Первый льстит моему женскому самолюбию: *«В корне всех великих достижений и величайших глупостей, сотворенных мужчиной, находится желание понравиться женщине!»*. Второй эпиграф сначала шокировал меня, а потом поняла, что в нем суть желанья мужчины. Ведь он не только собирается понравиться женщине, но и овладеть ею. После того, как поняла, для чего приведен второй эпиграф, то поняла, что в нем звучит не пошлость, а озорство с определенной долей хулиганства.

«Все для вас.
Все из-за вас,
Все ради вас.
Чтобы вас!..». Что ты скажешь на это?

Юра потер сгибом указательного пальца лоб, потом потеребил ухо, явно собираясь с мыслями, а потом ответил так витиевато и за-

мысловато, что Тома и не поняла, что же парень имел в виду:

– У одного моего приятеля было много знакомых женщин и одна настолько красива, что сражала всех мужчин наповал. Моего друга постоянно спрашивали любопытные и видимо, сексуально озабоченные мужчины: «Ты с ней в близких отношениях?». А он им уклончиво отвечал: «Мужчина, если он настоящий мужчина, в таких случаях только скромно улыбается». Но улыбался он не скромно, а нахально, самодовольно, весело и его широкая улыбка говорила вместо него: «А вы-то как думаете?».

Тамара всё же нашлась, как дипломатично выйти из неловкого положения.

– Неуклонно приближается встреча Нового года. Где мы будем встречать его – у тебя или у меня?

– Мои родители не хотят ни к кому из своих родственников или знакомых. Поэтому у меня нет другого выбора, как просить тебя пригласить мою скромную персону к себе на такой замечательный праздник. Предлагаю так, разделить наши обязанности по подготовке к торжеству: я беру на себя закупку всего, что потребуется для праздничного стола, а ты накрыть, сервировать его и зажечь в подсвечниках свечи.

Никогда раньше у Тамары не было перед Новым годом такого приподнятого настроения. Она несколько раз репетировала церемонию начала застолья. Ставила подсвечник на стол и аккуратно, чиркнув спичкой о коробок, подносила огонек её к фитильку свечи.

Она не хотела, чтобы этот огонек погас в самый неподходящий момент перед самым боем кремлевских курантов. Пусть свечи загорятся, и им с Юрой станет комфортно от колышущегося, словно на ветру огонька свечей, от его мерцания, подчеркивающего краску отбрасываемых теней, силуэтов двух фигур – её и Юры.

Пусть Юрий откупорит бутылку шампанского с оглушительным шумом хлопка, а пробка, вырвавшись на свободу, взлетит, как снаряд под самый потолок. И если Юрий, наливая шампанское в высокие фужеры, не рассчитает, и оно вслед за высокой пенистой шапкой выплеснется немного на скатерть стола, она нисколько не огорчится. Где пьют там и льют. И пусть их жизнь будет переполняться эмоциями, и литься через край, как шампанское в наступающем новом году. Неужели они не заслужили этого, не выстрадали за

свою не сложившуюся в самом начале жизнь.

Так думала Тамара, пробуя зажигать свечи. Она очень хотела научиться это делать без промаха, без осечки. Есть примета – как встретишь Новый год, так и проживешь его. А Тома надеялась в новом году начать жизнь по-новому. Вспоминала неожиданный поворот в судьбе Татьяны. А ведь это она сумела убедить подругу сделать решительный шаг, напророчила ей счастье.

Таня говорила ей перед отъездом в Питер, выспрашивая о планах:

– Ты намерена связать свою судьбу с этим парнем?

– Не знаю, – ответила Тамара. – Мы знакомы один день.

Но тебе хочется выйти за него замуж?

– Я боюсь даже намекнуть ему об этом. Мужчина сам должен решить делать свой выбор.

– Ой, Томочка, а не ты ли мне говорила, сватая меня за Виктора, что браки заключаются на небесах?

– Да, поэтому я и не собираюсь предвосхищать событие. Что будет, то и будет.

– Тогда позволь мне предсказать, что всё будет у вас как надо. Как тебе хочется. Да сбудутся твои мечты и грезы.

Последний день уходящего старого года был романтичным. В этот чудный предновогодний вечер всё шло как по заказу. Горели свечи, звучала тихая музыка. Потом они включили за десять минут до поздравления президента России телевизор.

Тамара ожидала, что Юрий будет хлопотать за столом, расставлять фужеры, срывать серебристую фольгу с горлышка шампанского, готовиться откупоривать его, но Ивкин сидел на стуле. Лицо его было напряжено, а на скулах ходили, прокатывались желваки.

– Что-то случилось, Юрик? – спросила она его.

– Да, кивнул Ивкин. – Я хочу, старомодно выражаясь предложить тебе свою руку и сердце.

Он и в самом деле сделал движение рукой вперед. Мол, вот, дорогая, моя крепкая мужская рука – держи её.

У Томы сердце так забилось, что ему стало тесно в грудной клетке, так забарабанило, вырываясь из темницы, по ребрам решетки этой темницы, что она хотела помочь ему выскочить наружу своею собственной рукой. Потом осторожно взяв пальчиками другой

руки и положить на ладошку Юрия. Но вместо этого Тамара приложила указательный палец к губам – знак обозначал – тихо, не надо лишних слов. А затем указала им же на экран телевизора, где уже появилось изображение Президента Путина, предупреждая Юру, почему нужно помолчать, первое лицо страны станет поздравлять народ и их в том числе.

Юрий принялся подготавливаться к ежегодному ритуалу. Установил поближе к себе на столешнице фужеры и стал медленно раскачивать пластмассовую пробку шампанского.

Всё случилось, как и мечтала Тамара и даже сверх её грез. Они обнялись, поцеловались и, даже успели дружно крикнуть: «Ура!».

Присев за стол, помолчали, так кА закусили игристое шампанское бутербродиками с красной икрой. Когда жуешь такую вкуснятину, много не поговоришь. И вдруг в этой паузе, переполненной доверху тишиной, Юрий услышал, как негромко произнесла Тамара одно жизнеутверждающее короткое слово: «Да!». Но она прозвучала громче совместного троекратного «Ура!».

Опять были объятия и поцелуи, новые тосты и восторженные восклицания.

Когда после согласия Томы принять предложение Юры, установилась относительное спокойствие, пришла очередь удивлять свою избранницу Ивкину:

– Ты даже не представляешь, моя милая, каким я буду терпеливым мужем.

– И каким же ты мужем будешь? – решили тут же уточнить Тома.

– Я буду не таким торопливым, как ты, дорогая, – ответил Юра. – Не успел я даже фразу договорить до конца, а ты уже мне, как истинная женщина задаешь вопросы. А ведь я ждал твоего ответа на мое предложение вступить в законный брак целый год. В прошлом году я предложил тебе выйти за меня замуж, а только в этом году ты согласилась.

Тамара по достоинству оценила шутку Юры и хотела что-то сказать или снова молча поцеловать, но теперь Ивкин приложил указательный палец к губам: «Внимание, моя дорогая, внимание! Не торопись и я тебя уже просил об этом. Выслушай, пожалуйста, меня до конца.

После этой довольно продолжительной паузы Юра сказала:

– Но у меня есть небольшое условие. Я хочу, чтобы мы не просто расписались в ЗАГСе или во Дворце бракосочетания, а обвенчались в церкви. Штамп в паспорте – обыкновенная бюрократическая государственная процедура, но он не дает никакой гарантии на неразрывную семейную жизнь. Ведь браки заключаются не в ЗАГСах, а на небесах.

– Я на все согласна, Юрчик, – улыбнулась Тома. – Но и у меня есть одно небольшое условие. Если мы будем венчаться, то давай обвенчаемся в Никольском соборе. Там меня мама крестила, так я считаю, что и обвенчаться с тобой я должна буду в нем. Я думаю, не только моя мама будет довольна, но и твоя.

– Для меня самое главное, что ты согласна обвенчаться.

Когда Юра и Тома нарядные и радостные появились возле Никольского собора, они застыли в благоговении. Стояли, долго подняв головы вверх, устремив свои взоры на купола, увенчанные крестами. Они молили Бога, просили, чтобы он благословил их.

И к ним словно услышав их молитвы, спустился с небес ангел в обличии доброжелательной женщины. Опустив головы, перестав любоваться куполами и крестами, их взгляды встретились с взглядом доброжелательницы.

– Какая же вы красивая пара, – сказала женщина. Она не скрывая восхищения, посоветовала им, – какие вы молодцы, что рушили обвенчаться в нашем соборе. Я прихожанка его и знаю, что многие молодые люди и девушки решившие вступить в союз брачный здесь становятся счастливой супружеской четой. Любовь вам и совет.

Напутствие ангела во плоти вдохновило их, а общение с батюшкой немного огорчило. Оказывается, их не смогут обвенчать в соборе, если они официально не зарегистрируют свой брак. Хотя церковь и отделена от государства, но его законы прихожане должны выполнять. Тем более что церковный собор в широком смысле этого слова – собрание людей, неотъемлемая часть всего общества – людей страны, государства, которые это общество и составляют.

Во дворце бракосочетания была установлена очередь, а и в церкви обвенчаться желающих было немало. Пришлось венчаться Юрию и Тамаре весной.

Она захотела сшить желанное для невесты белоснежное пла-

тье и из белой вуали фату. А он не стал наряжаться в традиционно черный костюм. Сшил его себе из материала сталистого цвета. Как будто не на свадьбу женихом Юрий собирался одеваться в блестящий в буквальном смысле свой костюм, а выступать в роли ведущего на каком-нибудь сногсшибательном шоу эстрадный звезд и звездочек – артистов шоу-бизнеса.

Тамара белый палантин захотела украсить рюшечками, но закупила их, не замеряя свой наряд, а на глазок. И рюшечек не хватило.

Юрий бросился в магазин, чтобы докупить рюшечки, на ходу одеваясь и успокаивая:

– Не переживай ты так, милая. Я сейчас улажу это досадное недоразумение, принесу тебе рюшечки. Как только у тебя будет платье готово, сразу же пойдем на фотосессию. Зафиксируем на фото это знаменательное событие. Помнишь совсем белую, седую женщину с ангельским выражением лица? Она же восхищалась нами – какая красивая пара. Нельзя разочаровывать ангела. Пусть она порадуется опять за нас.

В церковь вошли всё же в сильном волнении. Ярко горели свечи, на образах вышитые рушники. И пока помогавшие батюшке держали над головами молодоженов короны, сам батюшка благословил их иконой божьей матери и крестом, обвел молодую пару вокруг алтаря.

Потом долго давал им наставления и молил Бога дать им детей. Батюшка после молитвы взглянул внимательно на Юрия и сказал ему:

– Ты всегда оберегал деток любой твари Божьей. И вам Господь воздаст по заслугам. Будет и у вас собственное дитё.

Тамара чуть не ахнула от удивления. Какой же этот на вид добродушный и простодушный батюшка удивительный провидец. Ведь Юрий столько много лет разводил в аквариумах мальков рыбок. А когда он рыбачил, и попадалась мелкая рыбешка, он частенько выпускал малявок в открытый водоем, на волю.

Да еще приговаривал:

– Долой уху, да здравствует рыбья свобода!

Тамара удивлялась характеру своего мужа, он прошел трудную армейскую школу. С детства его муштровали в кадетском корпусе, а потом под обломками разваливающейся или разваливаемой

армии и в суровых разно континентальных психологических условиях Юрию удалось выжить и остаться человеком.

И это не её только мнение. Чистоту души мужа увидел каким-то образом батюшка, обвенчавший их.

Тома робко спросила Юрия:

– Откуда у тебя такая проникновенность в смысл православия?

И была еще более огорошена его моментальным ответом. Как будто Юра ожидал этого вопроса и заранее заготовил ответ:

– Появление Христианства – это духовный бунт людей в древности против обыденной мерзости. Для меня неприемлем лозунг современных нуворишей: «Работаем за деньги. Они сильнее страха и дороже совести».

Чтобы изменить жизнь, нужно измениться самим

Юрий стал не только инвестором Тамары, а и наставником. Начали они с самого простейшего решения – разместили свой первый массажный салон в бывшем помещении зоомагазины, который остался в собственности Ивкина. Потребовалась совсем незначительная перепланировка. Сняли еще два помещения.

Тома продолжала работать массажистской сама, но пригласила еще двух девушек. Те попросили аванс.

– Не давай, – посоветовал ей муж. – Они просят денег, хотя ничего еще не сделали. Нам не нужны иждивенцы. От каждого работающего нужна отдача. Ты хоть узнала об их опыте, о квалификации.

– Я хочу своими глазами увидеть, как они будут работать. Если что подстрахую.

- Лучше, чтобы этого «если что» никогда ни случилось, на первых порах я помогу тебе подбирать кадры, но нужно тебе изначально при приеме на работу уяснять, на что претенденты способны. При тотально-демократической диктатуре и истерически-либеральной демократии очень важно знать, кто они люди способные работать в одной команде или же они индивидуальности до мозга костей. Теперь тебе, Томочка, придется не только соглашаться с твоими подчиненными, но и отказывать им в просьбах. А научиться, человеку сказать: «Нет!», задача не из легких… Ты же привыкла жить тремя символами, как наш российский трехцветный триколор: красный, сине-голубой, белый.

– Я не поняла, причем мой менталитет и наш российский флаг, – удивилась Тамара. Расшифруй мне, пожалуйста, свою мудрую мысль.

– Для меня, – пояснил Юрий, – цвета флага созвучны с другой моей философией: красный означает борьбу, сине-голубой – мечту, а белый – нашу светлую чистую жизнь.

– Зря я тебе нагрубила, – покаялась Тамара. – Вставила шпильку про мудреные мысли, а они на самом деле у тебя мудрые. Ты смотришь вперед не на три цвета, а на три шага, заглядывая в будущее время.

– Ладно, – махнул рукой Ивкин. – Я же не сержусь на твои колкости. У прекрасной розы всегда на всякий случай, существуют острые шипы, обыкновенная диалектика. Просто мы начинаем понемногу скатываться в обыденность работа – дом, дом – работа. Оглянешься, а нас уже засосало по уши обывательское болото. Не зря говорят, что в театры Питера больше ходят приезжие, а не городские жители. А как давно мы были в театре? То-то. Давно. Не пора ли людям Ивкина, нам выбраться в высший свет?

Почти во всех театрах шли классические пьесы. Но хотелось посетить театр не для галочки. Лермонтовский «Маскарад» замечательная, великолепная постановка. Но смысла посмотреть её …надцатый раз Тома не видела.

– Юрочка, я тебя прошу, выбери что-нибудь современное.

Ивкин был легок на ногу. Добежал до ближайшего метро – в нем всегда есть театральная касса, посмотрел репертуар, отметил заинтересовавшие спектакли, записав себе в блокнот, примчался домой.

– Я еще чашку чая не успела допить, – усмехнулась Тамара, а ты уже тут как тут.

– А ты сомневалась. Раз сказал одна нога тут другая там, так и получилось. В «Балтийском доме» гастролирует какой-то театр «Синтез». Они начинают свою гастроль премьерой спектакля «Финал», а он поставлен из двух одноактных пьес Н.Садур «Чудная баба» и «Охота на крыс» П. Туррини. Ты знаешь, литературные произведения Садур долго пылились на полках. А теперь родной театра не включает в свой репертуар её пьесу. «Синтез», видимо, не исключение.

– Юрик, я так и не поняла: будет премьера «Финала» или финал премьеры. Я знаю, что сложны, а кому-то и непонятны образы-символы Нины Садур. Будем надеться, что Туррини написал нечто необычное, парадоксальное.

Юрий расстарался и купил билеты в партер, очень близко к сцене. Тамара и обратила на неё всё своё внимание. А Юрий, он любовался своей женой, наблюдал, как Тома реагирует на реплики действия пьесы или изредка бросал взгляд на актеров.

Начался спектакль, как сообщалось в программке «Чудной бабой». И сюжет показался Ивкину банальным. Приехали шефы в деревню на картошку, и одна городская женщина заблудилась и осталась в чистом поле один на один с Чудной бабой…. Хотя кто его знает. А, может быть, это баба чудная?

Юре почудилось, что если бы Маврикиевна показалась сейчас на сцене в резиновых сапогах на босу ногу и в заношенной до хромового блеску полинялой душегрейке, то портретное сходство было бы необыкновенное. Только эта Маврикиевна не придуривалась, а как бы была не в себе.

Играл характерную «Чудную бабу» Михаил Пнев. Но пьеса не фарс, а ярко выраженный гротеск.

Когда по сцене проходила чудная баба старческой шаркающей походкой, «на полусогнутых», сгорбившись не по годам (ведь она почти ровесница молодой городской женщине), Ивкину показалось, что актер копирует книжный образ послевоенной деревенской колхозницы, придавленной тяжелым физическим трудом.

Он уже ожидал, что эта мужеподобная баба вот-вот завернет «модную» по тем временам частушку: «Я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик». Но, видимо, не до песен было чудной бабе, боль за родную землю, которую смыло в океан, лишает её житейских радостей и жива она лишь одной верой, что не кувыркнется земля где-то в безвоздушном пространстве космоса, а крепко держится на трех китах.

– Разве баба, как она сама заявляет, – думал Юра, – представляет собой «всё зло мира»? да это всё зло мира навалилось на неё. Но в начале, когда она сталкивает Лиду в яму и, освобождая, истерически хохочет над бедой, то действительно начинаешь верить и в ведьму и в бабу-ягу.

Тома затаив дыхание, смотрит спектакль.

– Нравится? – тихонько спрашивает, наклонившись к жене Ивкин.

– Очень, – кивает она. – Особенно бесподобно играет актер роль Чудной бабы.

– А доходит до тебя смысл пьесы?

– Не совсем, – пожимает плечами Тамара, – но актеры так выразительно играют, что мурашки бегут по коже.

Опустела сцена и будто земля наша опустела. Осталась в самом её центре одна-одинёшенька белокурая девочка с распущенными волосами в длинной до пят белой рубашке. Ходит она по сцене с фонариком и кого-то или чего-то ищет. Потому нет-нет да посветит девочка фонариком в зал.

Юре тоже один раз свет попал в глаза. И ему показалось:

– Уж не моя ли душа блуждает в потемках в жизненной сумятице и неразберихе?! Может быть, это главный символ Нины Садур? Символ ангела-спасителя и хранителя? Кто как не наши дети смогут спасти нас и самих себя.

Тамара будто прочитала его мысли, и теперь она, наклонившись к ушку, мужа прошептала:

– Это я, я блуждала в потемках и искала нужного мне человека. И я разыскала тебя. Ты видишь, как девочка похожа на мою дочку, а она же – мое второе я.

Когда открылся занавес для второй одноактной пьесы Туррини, то Юрий глазам своим не поверил, как преобразился Михаил Пнет, игравший только что «Чудную бабу». Он в «охоте на крыс» теперь играл главного героя.

Изящный суперменистый ловелас привез за город на собственной автомашине шикарную, но слегка утомленную праздной жизнью женщину.

И так Он и Она. Главный герой пытается предстать перед ней этаким развязным ироничным Бельмондо. А Тамару шокирует колорит и местность, куда приехала молодая пара, это городская мусорная свалка. Для прогулки с дамой можно было бы выбрать более приличное место. Но для него свалка всё равно, что для индейца или ковбоя прерии. Он и Она ищут острых ощущений.

– Охотясь на крыс, – говорит Он, – я ощущаю себя мужчиной.

Как я ненавижу этих мерзких, гадких тварей! Они же выживут даже после атомного взрыва и будут пожирать наши тела.

– Трах, тара-рах, – звучат выстрелы возбужденного мужчины, и визг испуганной женщины отзывается на них как эхо.

– Скоро здесь построят дома, – говорит Он, успокоившись. – Прекрасно – дома корнями в этом дерьме.

А женщина, как и все женщины на свете пытается убедить его, что жизнь не помойка. Ведь есть такое понятие как любовь.

Пьеса написана в современном стиле жестокой прозы. Тамара же помнила, что попросила мужа выбрать из репертуара что-нибудь современное. Произносятся со сцены слова и выражения, которые совсем недавно если и произносили, то с большой опаской, да и не со сцены.

– Неужели наша жизнь так безрадостна? – думает красотка на сцене.

Но постепенно, освобождаясь от ненужных вещей и понятий молодые люди, начинают понимать друг друга. Порыв двух сердец заканчивается поцелуем.

Но занавес не опускается, а только гаснет свет. Наступает темнота, и только Он и Она высвечены нежным золотистым цветом. Зрителям кажется, что смотришь не на реальный мир, а на яркий слайд.

Грязь и темнота раздвинулись, ушли в стороны, а губы влюбленных тянутся друг к другу. Но это не пасхальная открытка, целующихся голубков. На сцене силой искусства показана хрупкая робость влюбленных и безграничная нежность.

Уже не сомневаешься, что они предназначены друг для друга.

Исчезает куда-то жестокость прозы и, кажется, вот-вот зазвучит возвышенная симфония любви. Но…

Только почему же падает наземь девушка после сухого треска пистолетного выстрела?

– Откуда донесся он? – недоумевает парень, но сам падает сраженный пулей второго выстрела новых любителей охоты на крыс. Но теперь и смерть не может разлучить влюбленных в объятиях, и заставляют трусливо пятиться от них в темноту убийц.

И вновь на сцене одна-одинёшенька белокурая девочка с распущенными волосами в длинной до пят белой ночной рубашке…

Тамара вытирала украдкой платочком слёзы. Стоило только порадоваться за чистую любовь главных героев пьесы, как за пару секунд после лирического финала происходит драма. У писателей жестокой прозы не бывает хэппи-энда – счастливого конца.

На следующий день супруги Ивкины стали обсуждать план совместных действий и создания общей фирмы.

– Как корабль назовешь, так он и поплывет, – сказала Тамара. – Я предлагаю назвать нашу фирму «Неаполь».

– Почему? – удивился муж. – В нашей исконно русской местности и вдруг такое вычурное иностранное название?

– Я поэтому и предлагаю такое загадочное не для каждого ясное название фирмы – «Неаполь», – стала пояснять Тома, – потому что моя мама родилась на земле Великого Новгорода. «Неаполь» в переводе на русский язык означает Новый город, то есть – Новгород.

– Слишком мудрено, Томочка, – покачал головой Юра. – Неаполь – город итальянский, а слава об итальянской мафии разнеслась по всему миру. Я понимаю, какие вопросы посыплются на меня при заключении договоров, назови я своим партнерам это, в принципе-то, прекрасное слово – «Неаполь». И мне придется объяснять, что мы с тобой, дорогая, продажей оружия и наркотиков не занимаемся. Представляю их лицемерные вежливые улыбки: понимаем вас коллега, понимаем. И тотчас жесткий откат: «В ваших услугах, к сожалению, мы не нуждаемся».

– Весомо, – только и вздохнула Тамара. – А кстати, какие договора нам сразу же придется заключить. У нас уже есть в салоне две массажистки, работающих по найму. Им-то и то не всегда хватает клиентов, а ты решил развивать фирму вширь и вглубь. Я не представляю, как это сделать.

– Нужно дать рекламу, самим пойти в школы, молодежные клубы, в общественные организации, в которых числятся пожилые люди, и предложить им свои услуги. Здоровыми хотят быть все, и старые и молодые. В детских учреждениях, как и в благотворительных, для пожилых людей мы предложим первую группу детей, у которых малообеспеченные родители, обслужить бесплатно. Придут в школу пацан или девочка, которым ты сделаешь отличный массаж, что они станут более энергичными и веселыми, так их друзья и подруги быстренько попросят своих состоятельных родителей вы-

делить им деньги на посещение нашего «Юпитера».

– Чего-чего? – удивилась Тамара, - какого еще «Юпитера»? ничего не знаю о таком. Объясни мне, пожалуйста.

– Очень просто, – ответил Юра. – Мои Ф.И.О. – ЮПИ, то есть Юрий Петрович Ивкин. Присоединяем твою аббревиатуру из Ф.И.О. – ТЕР – Тамара Евгеньевна Р. – получится из девичьей фамилии и получается кодовое слово – название нашей фирмы – Ю П И Т Е Р.

– Здорово, – восторженно произнесла Тамара. – Только я вижу так мне и не стать предпринимательницей. А ты хотя и стал инвестором, но носишься со мной как с неразумным ребенком. Сам и боцман и лоцман, и капитан. Ты же не допускаешь меня никуда, не даешь никакой самостоятельности. А ведь я тоже читала Норбекова и Волкова. Они же требуют инициативы, решительности и самостоятельности. А говорил, что я истинная женщина.

– Абсолютно правильно, моя дорогая, – вроде бы согласился Юра. – Но ты, наверно, не тщательно, а весьма поверхностно читала книгу «Успех на вашу голову…». Вот глянь, где-то на сто первой или сто третьей странице что написано у них: «Ни в коем случае нельзя отдавать женщинам все пространство своей жизни и позволять вмешиваться в дело, которым вы занимаетесь!

Вот один из мужиков устроился на работу руководителем Советского Союза и, не зная женской сути, начал допускать супругу к себе на работу.

Вот один из мужиков устроился на работу руководителем Советского Союза и, не зная женской сути, начал допускать супругу к себе на работу.

И она сначала появлялась там редко, но потом, постепенно, стала себя трудоустраивать — на одну должность, на другую, третью. Куда бы ни смотрел супруг, где бы он ни находился, она всегда рядом..

Но было ей все мало и мало… В конце концов она собой полностью заменила целое государство. Не только у своего мужа все отобрала, но и у нас с вами оттяпала Родину!

Все это она делала не от злого умысла, просто-напросто была Истинной Женщиной!

Вы считаете, что я злобствую? Да не-е-т – просто констатирую

факт!». Но, мой дорогой Юрочка, ты всегда вроде бы прав. Но и название «Юпитер» – тоже итальянское. Так называли в Древнем Риме главного бога.

– Так да не так, – возразил Юра. – От Италии и Древнейшего Рима – дистанция огромного размера. Древний Рим настолько велик перед Италией, как и его Главный бог перед вассалами римской империи. Так пусть же нам яркое название Юпитер станет путеводной звездой.

На малую родину

Но вернемся, уважаемые читатели, немного назад. После встречи Нового года, когда Юрий предложил Тамаре руку и сердце, и любовь до гробовой доски у влюбленных впереди были новогодние и рождественские каникулы.

– Юра, что нам делать больше недели в шумном суетливом городе? А на малой родине моей мамочки всё так просто и ясно. Давай съездим туда. У меня перед глазами стоит картина: в избе тихо, мать закрыла ставни, занавески задернула. Прогорают в печи дрова. Мама скажет: «Подкинь! И я бегу к поленнице. Надо подкинуть. Иначе за ночь ветер всё тепло выдует. Тихо не только в мамином, папином доме, притихла и вся деревня. При лунном свете на снегу искрятся снежинки. Вьюга-то отбушевала и полозья саней, на которых нас повезет до дому отец, скрипят, будто небу жалуются.

Пробившаяся через метель лошадка парит, тяжело дышит, через закуржавившиеся ноздри.

Но отец любит погонять конягу:

– Но – о – о – о, пошла быстрей, шалавая! А полозья всё скрипят и скрипят, поют и поют.

– Ехать долго на санях, Юрочка, холодно. Продрогнешь и будешь трястись с лихорадке, как цуцик. Придется нам соскакивать с саней и делать пробежку по санному следу. А как только устанешь – прыг снова в сани. Катите нас дальше сани. Посидим, посидим немного и снова пробежка, чтобы не закоченеть вовсе.

– Ты так здорово эту зимнюю картинку рисуешь, что и впрямь мне хочется ощутить эти прелести зимней поездки к твоим родителям в деревню. А может быть, ты мне нарисуешь летнюю картинку.

– Да, Юра, сидя в санях на морозе, так хочется тепла. Закро-

ешь глаза, и кажется – вот оно лето, зелень. Но чуда не произойдет. А закрывать глаза на морозе нельзя. Заснешь и больше не откроешь их никогда – закоченеешь насмерть. Кто засыпает на морозе, тот уже не жилец на этом свете.

– Так может и не стоит ехать в деревню в рождественские морозы? А сейчас у нас дел по горло, – спросил Юра. – Летом и съездим.

– Юрик, я тебя умоляю, съездим в деревню, хотя бы на один денек. У меня внутри всё пылает и трепещет, что если я не поделюсь с матерью и отцом своей радостью, то перегорю и рассыплюсь в пепел. Не дай мне погибнуть такой молодой. Съездим в деревню.

Они съездили на денек к родителям Тамары, и Юрий увидел, как светятся от счастья их глаза. А, приехав в Питер, Тамара поняла, что в бизнесе не бывает длительных выходных. Пожилая женщина, которую еще было трудно называть старухой из-за её жизнерадостного блеска в глазах, приехала в салон «Юпитер», чтобы заказать кремы и мази для массажа. И не только себе, а еще своим деревенским подругам. Да еще напросилась поучиться у Томы, делать массаж.

– Так вы же купили у меня брошюрку «Массаж, доступный каждому».

– Э, милая, - всплеснула руками женщина. – Одно дело книжка с картинками и другое дело, когда вы вживую профессионально массажируете человека, страдающего каким-то недугом. А потом он или она вскакивают с кушетки как молоденькие.

– А вы случайно, Мария Ивановна, не современная сказочница. Или у вас в роду в древности были целители и сказители. У меня же нет, к сожалению, молодильных яблок и пожилая женщина за один сеанс лечебного массажа не сможет, как легкокрылая бабочка, вспорхнуть с кушетки.

– Не знаю, милая, не знаю, но я же собственными глазами вижу результаты вашей работы. А что касается вспорхнувшей бабочки, так это не я придумала, а вы. А вот вашу бабушку-знахарку я знавала. Травница была от Бога. Всё знала, и как настои из трав делать, и когда собирать и как сушить, чтобы целебные соки сохранили свою силу. И даже от сглаза заговаривала.

Марию Ивановну с интересом слушала вошедшая в салон

Ивкиных пенсионерка разодетая, расфуфыренная женщина. Она дождалась, когда деревенская жительница договорилась обо всем с Тамарой и вышла из массажного кабинета и только тогда обратилась к Томе:

– Тамара Евгеньевна, оказывается у вас в роду, были издревле целители. Я-то пришла договариваться о массаже моего младшего сынишки, не хочу, чтобы сколиозом он испортил свою осанку. Но об этом чуть позже. У меня есть подруга высокопоставленная чиновница, и её, наверно, сглазили. Не смогли бы вы выслушать её и помочь снять с неё порчу. Она человек состоятельный и о цене торговаться не станет. Если вы согласитесь, то машину за вами пришлют к назначенному вами времени.

Об этом происшествии Тома рассказала вечером своему мужу.

– Видишь, как благосклонно подействовала на успех в нашем бизнесе обыкновенная поездка в село на малую родину. Дела-то идут неплохо, будто и впрямь моя давно умершая бабушка нашептала, успех напророчила. А ты еще не хотел съездить в деревню, холодно, давай летом. Не поехали и ждали бы выгодную клиентуру до морковкиных заговен.

– Томочка, что хорошо тебе так мне вдвойне радостней, – засмеялся Юрий.

– А я-то как довольна, что Мария Ивановна мне глаза на прошлое открыла. А я-то как переживала раньше: получится у меня самостоятельная работа или не получится. А теперь, когда глаза открылись, мне стало так радостно. Здорово, когда видишь сам окружающий мир.

– Том, не переживай, что не знала прошлое. Его иногда бывает даже забыть стоит, – сказал Юрий. – Зато я подарю тебе будущее. А это самое главное в нашей судьбе. У нас есть будущее. Сказать, что у нас будет будущее – это уже тавтология.

После свидания с малой родиной Тамара проснулась рано утром. В деревне все жители встают до рассвета и не смыкают глаз до заката. Зимой солнышко всходит поздно, да и будить спящую сладким сном дочку и мирно посапывающего во сне мужа не хотелось. Она лежала и вспоминала с какой-то светлой грустью как говорила её подруга Татьяна, что какая-то неведомая сила тянет в страну детства её.

Вот и сама теперь, побывав у мамы в селе, чувствует так хорошо и уютно, когда рядом находятся два любимых человека: муж и дочь.

– А много ли для счастья надо, – захотелось закричать Тамаре от наплыва чувств, от восторга, когда первый лучик, выкатившегося из-за горизонта солнышка, осветил такие милые и родные лица Юрия и Глашеньки.

Спустя несколько месяцев Тамара почувствовала, что у неё под сердцем зарождается новая жизнь. Ей и так комфортно жилось в Юриной семье, а после сообщения о беременности, муж готов был носить её на руках. Другие домочадцы относились так бережно, словно она была не обыкновенной женщиной, а хрустальной вазой.

– Вот оно наше будущее, – с восторгом думала Тома. – И Юрчик, как всегда, оказался прав. Он подарил мне наше совместное будущее. А я ему… я уже была на УЗИ. Врачи определили – будет мальчик. А для отца рождение мальчика – это продолжение его родословной. Мальчик будет носить фамилию Ивкин, и этот род продолжит свое шествие по России.

Тамара была счастлива и никогда не думала, что она волевая и собранная, а вот от счастья будет плакать. Ей вспомнились стихи, она не помнит, кто их автор, но вот засели как-то накрепко эти стихи у неё в душе. Она мечтала, когда укачав ребенка, будет опять любоваться самому бесценному подарку Юрия Ивкина и обязательно шепотом, чтобы мальчик не проснулся, прочитает стихотворные строчки:

Уснул сынок в своей кроватке.
Такая лапушка лежит.
Он дышит трепетно и сладко:
Весь мир ему принадлежит.

Остается только и нам воскликнуть:
– Мир входящему!

УЧЕНИК ПЕТРАРКИ

Вступление

С творчеством русского поэта Евгения Раевского мне удалось познакомиться почти лет на десять раньше, чем с самим автором. В 2003 году мне попала в руки его книга «Ученик Петрарки». Я повертел в руках массивный толстенный том страниц на четыреста с лишним почти средневекового фолианта эпохи Западного Ренессанса.

На лицевой стороне привлекал внимание портрет молодого темноволосого человека с пышной шевелюрой курчавых волос, спадающими с обеих сторон головы на плечи, с тоненькими черными усиками над плотно сжатыми по волевому губами. Ни дать, ни взять светский лев. Такие портреты были нередкостью во времена Возрождения, но необыкновенно выразительными были у покорителя дамских сердец глаза. Этакий пронзительный, проникающий прямо в душу взгляд. Про такие глаза очень точно написал Василий Макарович Шукшин в рассказе «Верую». На Алтай в безбожные времена хрущевского гонения на церковь прилетел на самолете священник к земляку-охотнику Шукшина поесть барсучьего сала, чтобы вылечить затемнение легких. Поп на самолете – необыкновенное, из ряда вон по тем временам событие. Вот дружок охотника и задумался: а взаправду ли верит в Бога батюшка или только притворяется. Взглянул парень в глаза попу и ошалел: они у него веселые, может быть даже нахальные с такими бы глазами от алиментов скрываться, а не кадилом махать…

Вот такие же изменчиво-переменчивым сиянием сияли и глаза на портрете «Ученика Петрарки», который, как известно, был одним из родоначальников сонетов о любви. Всю свою жизнь посвятил поэт Возрождения Петрарка написанию изящных стихов, посвященных только одной женщине – прекрасной Лауре, в которую поэт был безнадежно влюблен. В отличие от ловеласа, изображенного на портрете на лицевой стороне обложки. А потом оказалось, что это… вовсе не ученик самого Петрарки, а сам Раевский в молодости. А название книги «Ученик Петрарки» поэт взял не для эпатажа, а скорее из-за своего озорного характера. Назвал же Евгений Павлович свой первый поэтический сборник иронически – «Вся власть сонетам!».

Да, да Раевский, изменив одну всего букву в слове, лозунге «Вся власть революционным Советам!», букву «в» на букву «н», перевернул весь философский смысл первоначального лозунга. Не стоит совершать непрерывно революции и проливать кровь в гражданских войнах, когда идут грудью брат на брата, сын на отца. Не лучше ли отдаться власти сонетам, воспевающих самое прекрасное чувство человечества – Любовь. В подтексте названия первого сборника Раевского «Вся власть сонетам!» камертоном звучит издавняя мечта людей, не желающих великих потрясений, а надеющихся увидеть Великую Россию: вся власть не Советам, а сонетам, с гражданской позицией, а не политиканам, спекулирующих на самых низменных чувствах народа.

Только творческие натуры смогут повести за собой народ высоконравственным идеалам. Только промелькнула эта мысль у меня в голове и я, повернув книгу поэта вокруг её оси на 180º, увидел квинтэссенцию этой благородной мысли. На задней стороне обложки снизу было изображено на фоне чистого голубого неба два предмета: православный крест и Ангела, взмахнувшего крылом и указывающего на белый сгусток солнечной энергии, из-за которого даже не видно традиционно золотистого круглого диска Солнечного светила, но во все стороны расходятся светлые лучи.

Один белый луч или упирается в верхний конец креста или же исходит из него, символизируя, что Православие несет свет верующим. А над всем этим благодатным свечением и светом крупными буквами написано изречение русского поэта Раевского о творчестве: «О, творчество – ты счастье. Без тебя Мир превратиться в хаос и бессилие».

Тут хочется опять отметить философскую суть изречения Евгения Павловича – Творчество и Творец - однокоренные слова. И превращения творцом из космического хаоса в счастливую гармонию нас окружающего Мира. Очевидно, как и филигранно обточенная фраза поэта, превращается в тот сгусток солнечного света, который и светится на обложке.

Умопомрачительное видение не позволило мне вернуть книгу «Ученик Петрарки» в исходное положение. Но хотелось впиться в творчество Раевского, которое для него стало синонимом Счастья. И я стал листать страницы, начиная с конца и двигаться к началу кни-

ги, утопая в красоте сонетов. Так иногда делает нерадивый школьник двоечник, заглядывает в конец учебника, чтобы посмотреть на правильный ответ к задачке и подогнать свое неверное решение к предполагаемому результату.

Если двоечнику претит математика, и они не могут проверить гармонию алгебры, то я упивался изяществом сонетов, афоризмов, переводов иностранного языка Раевского и сам находил правильный ответ к задачке, которую замаскировал русский поэт в названии книги «Ученик Петрарки». Ведь что греха таить, когда-то мэтр поэзии Серебряного века Василий Жуковский написал набирающему силу своему талантливому ученику Александру Пушкину одобрительные слова мужественного человека: «Победителю-ученику от побежденного учителя». Чтобы достойно признать свое поражение и поздравить своего «противника», действительно надо обладать мужеством. Но это у Жуковского было не самоунижение своего собственного Я, а радость, которая присуща любому тренеру в спорте – он доволен, если ученики превзошли по результатам его, заслуженного мастера спорта.

Читая книгу «Ученик Петрарки» Раевского видишь, что увидел в самом себе Жуковский. По крайней мере, даже читая в разделе «Биография» названия сборников, создается впечатление, что не оглавление читаешь, а лирическое нерифмованное стихотворение-верлибр: «Власть Сонетам!», «Я видел нечто светлое» (и я тоже видел, смотри выше про сгусток солнечной энергии), «Любовь моя – волшебное дитя» (еще светлее и прекраснее), «Тем, кто меня не любил» (интригующе), «Увидимся во сне» (потрясающе неразгаданный сон, как нераспечатанное письмо. Пока не увидишь текста, не понимаешь взаимоотношения между двумя любящими людьми), «Благодарю» (а, что еще можно сказать любимой). И совсем блестяще название предпоследнего – «Сколько стоит собачья верность».

Смысл этого названия и искать далеко не надо. Заканчивается библиография сборников стихов Евгения Павловича, а в них тихо звучит музыка автобиографии автора и начинается на следующей странице афоризмы. И в первом же афоризме отгадка про верность: «Не истину ищите, ищите Любовь».

Мудрый, многоопытный критик тут мог бы и осерчать на меня, ну, что же ты друг любезный все талдычишь об одном и том же – все

про Любовь и про Любовь. Ведь есть на свете и порочные мысли и страсти. Есть невежды, клеветники, трусы, коверные интриганы и завистники. Отнюдь. Раевский любовно восхищается, а пороки-то язвительно и хлестко бичует. Привожу афоризмы поэта в том порядке, в каком были перечислены существительные, обозначающие пороки: «Невежество – враг будущего», «Клеветник всегда бездарен», «Те, кто может преодолеть страх, вознаграждается», «Коварство – свойство слабых», «Зависть – это слабость».

Последний афоризм, кроме краткости еще несет и сарказм. Славу всегда сопровождает зависть. И именно в литературных кругах родилось крылатое выражение «Против кого будем дружить?». А из зависти, смотри выше, вырастают: коварство, клевета, страх за свое подленькое благополучие невежды перед блистательным талантом. На ярком фоне серость становится еще ничтожнее и отвратительнее.

В одном из разговоров Раевский признался своему другу, что у него много недоброжелателей, а в ответ услышал:

- Евгений, ты же порядочный человек, а у каждого порядочного человека есть не только друзья, но и враги. В этой субстанции, как и во всем мире должен существовать баланс поддерживающий равновесие. Сколько есть друзей, столько же должно быть и врагов. Однажды в своем стихотворении Евгений предположил примерно то же самое, что сказал ему друг, если есть правда, то наверно имеет право на существование и ложь.

Реакция критиков я уже и не помню, кто именно это сказал, была жесткая. Все сводилось к одной стезе: как может человек, боровшийся за светлые идеалы равнодушно взирать на лжецов? Но прочитав довольно серьезные обвинения в адрес Раевского про ложь и правду, мне вспомнилась притча про Ивана-царевича, а скорее возможно про Ивана-дурака, который всё Правду-матку искал.

Много испытаний и лишений перенес Иван. Сносил до дыр на пятках каблуки семимильных сапог, порвал в нескольких местах, растирая на острых камнях скатерть-самобранку, в ночной мгле, пробираясь по лесу, потерял шапку-невидимку. Зацепилась за сучок какой-то осины шапчонка-то, да вместе с деревом и сама стала невидимой. Можно было шапочку на ощупь поискать, как Правду, да в лесу осин видимо-невидимо. Где уж нам с суконным рылом-то да

в калашный ряд. И без шапки-невидимки Иван обошелся. Забрел в пещеру, а там, у костерчика сидит дряхлая старуха, беззубая, горбатая, хромая, косая.

Подсел Ванька к огоньку поближе и спрашивает бабку:

– Скажи мне, бабулечка, где мне Правду найти?

А она ему и отвечает:

– Чего же тебе её искать. Ведь, Правда – это я!

Отшатнулся от костра Иван, как будто он об языки пламени обжегся. Закручинился и чуть не плача, сказал:

– Как же я народу-то скажу, что его любимица такая некрасивая?

А мудрая старуха Правда Ване советует:

– Не печалься, Иванушка. Ты возьми народу-то, да про меня и соври!

Притча до правдивости жесткая, можно сказать даже беспощадная.

Та Правда, которую он столько лет искал, вдруг советует: «Ты не печалься, Иван, а возьми и соври народу».

Вот эту притчу, думается мне и имел Евгений Раевский, когда говорил, что раз имеется правда, то, наверно, имеет право на существование и ложь.

Начало

Но как бы не хотелось мне отрываться от миниатюр, двустиший, у которых каждое слово похоже на огромную Вселенную, которые замерли до времени в конце книги «Ученик Петрарки», всё-таки усилием воли я открыл страницу, с которой и начинается книга стихотворением «Великий Некто». И вдруг обнаружил, что все, о чем я писал на страницах первой главы, Евгений сумел уместить в двух четверостишиях:

Стереть улыбкой взгляды всех врагов,
Любовью петь, презреть непониманье,
Предугадать жестокости долгов,
Чтоб не блуждать в позоре и обмане.

И так блестеть талантом и душой,
И так световеленно яркословить,

Чтобы лететь кометою большой,
Которая дополнит в людях совесть…

Нет, не зря я написал выше, что в каждом слове поэта иногда скрывается вся Вселенная. Раевский живет в другом измерении и ему мало пространства земного шара – душа рвется в космос. В нем и только в нем можно летать огромной кометой и светло великолепно яркословить, - заметьте, какие неологизмы родились!

Но для Евгения сам полет не самоцель. Он нужен для главного предназначения русского поэта – дополнять в людях совесть. Именно совесть отличает человека от животного, от скота. И я уже по-другому взглянул на портрет молодого человека на глянцевой обложке. И вовсе не ловелас, не дон Жуан и этот парень. И в глазах не похоть, а мудрость и доброта, а взгляд не только проникает в душу, а устремлен вдаль, в будущее. А пока Раевскому приходится применять в борьбе с завистью, корыстью, подлостью свое самое сильное в мире оружие, которое наповал сражает врагов: тихую, слегка заметную, блуждающую на лице снисходительную улыбку. Как бы говорящую: «Ну, что вы жилитесь-то и лезете из кожи, господа хорошие? Выше головы не прыгнешь. Совершить полет, в котором человек может блистать талантом и душой не каждый сможет, а только отмеченные божественным поцелуем. Вот те и устремляются в будущее, чтобы в настоящем дополнять людям совесть.

Но тайну взгляда провидца, который пришел к нам из Ренессанса в сегодняшний день и запечатлен на портрете поэта я отыскал не в настоящем, а в прошлом Евгения Раевского. В его фамилии.

Как только на обложке «Ученик Петрарки» я прочел имя автора – Евгений Раевский, то сразу же в висках застучали молоточки: ужель тот самый Раевский, потомок героя Отечественной войны 1812 года? В голове возникали различные ассоциации, выстраиваясь в логическую цепочку умозаключений. Из глубины памяти всплывали события и Толстовской «Войны и мир»: ночной военный совет в Филях, который проводил фельдмаршал Кутузов. Про него, сменившего на посту главнокомандующего российской армии Барклая де Толли, солдаты уже шутили: «Приехал Кутузов, который будет бить французов». Армия эта пока только отступала, а позади остался последний святой для сердца каждого русского рубеж – Москва. Поэтому и стоял ребром вопрос: дать бой наполеоновской армии под

Бородино или же безропотно отступать и дальше.

Но историческое решение было принято: бою под Бородино быть! Не стану соревноваться с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым – лучше его о Бородино никто до сих пор не написал, я думаю, никому и не удастся написать об этом переломном событии того времени лучше Лермонтова. Вернусь лучше к Толстому. К его знаменитым флешам Багратиона и к батарее Раевского, да еще к беспримерному мужеству русских солдат, которые снискали славу в том бою. И как сказал поэт, что пусть помнит вся Россия про день Бородина. В том числе и про генерала от кавалерии Николае Раевском, знаменитом предке поэты Евгения Раевского.

А когда стал изучать родословную Раевских, то удивился тому, как судьба одной фамилии перемежается с судьбами известными историческими личностями. По родословной Раевских можно, не залезая в дебри архивных документов проследить многовековую истории. Патриархальной Руси и имперской Россини.

Взять хотя бы года перелома Николая Николаевича Раевского, героя Отечественной войны 1812 года. Он, прежде чем стать Героем, участвовал и до Отечественной войны и после почти во всех освободительных войнах, которые вела Российская империя, начиная от Золотого века Екатерины Великой под руководством светлейшего полководца и фаворита императрицы Григория Потемкина в войнах с Турцией, Польшей, Ираном. С Польшей, которая присоединилась к России, став Княжеством в составе империи, а посодействовал этому генералиссимус Суворов, имевший небольшое дворянское поместье в Новгородской области в селе теперь Кончанское-Суворовское возле Боровичей. А в том же Великом Новгороде, столице малой родины Суворова служил и митрополит Павел Васильевич Раевский, дед поэта.

Это в веке осьмнадцатом, а в девятнадцатом веке генерал Раевский в составе союзнических войск России и Европы участвовал на её полях в баталиях с Францией, возглавляемой тогда императором Наполеоном. Пришлось повоевать генералу Раевскому и со Швецией в 1808-1809 гадах. Это была последняя война в истории Швеции. Насытилась эта маленькая, но когда-то слишком агрессивная страна захватническими войнами, что даже в Великую Отечественную войну с фашистской Германией занимала нейтральную миролюбивую

позицию. Не участвовала в мировой бойне.

Про Бородинский бой, в котором участвовал Николай Николаевич, я уже рассказывал. И курганская батарея, важнейший оборонительный пункт русской армии, а которой и обломал зубы Наполеон, осталась навсегда в истории, как батарея Раевского, своими мужественными поступками вдохновлял не только подчиненных ему солдат. Он прививал патриотизм и воинскую доблесть, когда надо было сражаться, не жалея живота своего, своей жизни и своим сыновьям. А в бою под Дашковкой повел в атаку не только войско, два его сына, не отставая от отца генерала Раевского, ринулись вперед на врага. Отвагу генерала и его сынов воспел поэт Василий Жуковский, написав, что он первый подставил грудь против вражеских мечей, вместе с отважными сынами.

А ученик Жуковского – Пушкин, дружил с сыном генерала Раевского, Николаем Николаевичем-младшим. А про Николая Николаевича-старшего Пушкин написал: «Я не видел в нем героя, славу русского войска. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасною душою, снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина».

От Раевского-старшего Пушкин узнал подробности времен царствования Екатерина, про нравы XVIII века. Кто знает, не увлекись историями, рассказанными генералом Раевским, было ли бы написана гениальным поэтом прозой повесть «Капитанская дочка».

Николай Раевский-старший у которого в окружении общались будущие декабристы, члены тайного Южного общества, но он не примкнул к ним. Декабристами стали другие Раевские.

Зато младшая дочь Николая Раевского-старшего Мария вышла замуж за представителя другой известной дворянской фамилии Сергея Волконского. Именно её подвиг самоотверженность и верность стал символом для всех жен декабристов, которые последовали за своими мужьями в ссылку в Сибирь. А сами декабристы принесли России столько пользы в сибирской ссылке своей просветительской, подвижнической деятельностью, которую и экспертным умом не понять и ни каким глазом не окинуть. Разве что, пролетев ярко вспыхнувшей кометой над землей, только и понять и увидеть огромность содеянного в ссылке декабристами. Мария Раевская-Волконская читает в ссылке «Британское обозрение», некоторые русские журналы,

интересуется поэзией Гюго и Мицкевича.

Была знакома Мария Николаевна и с Пушкиным. Когда она еще была девочкой Машенькой, Александр Сергеевич увидел её на море. Маша на пляже бегала за волной, а когда волна накатывалась на берег, изящно отскакивала от неё, чтобы не замочить туфельки. Но уберечься от шаловливой волны не удалось и, сбросив обувь, Мария бегала босиком по промоине, по кромке моря и песка.

Поэт так запечатлел эту красоту в своем творчестве:

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

Уважаемые читатели наверняка помнят, что эта строфа из романа в стихах Пушкина «Евгений Онегин». В романе считается, что поэт взял прообразом Онегина - Николая Раевского-младшего. А в Марию Николаевну, видимо Пушкин втайне был влюблен. Ведь именно эта тайная любовь и побудила Александра Сергеевича написать «Бахчисарайский фонтан». А без путешествия по Кавказу с генералом Раевским не было бы написано его блистательная вещь, как «Путешествие в Арзрум».

Впоследствии литературный портрет восхитительной женщины был создан и поэтом Некрасовым. Николай Павлович Раевский служил в Тенгизском полку и часто разговаривал с автором «Мцыри» Лермонтовым. А Святослав Раевский участвовал в работе над «Княгиней Лиговской», хлопотал над выходом в свет драмы «Маскарад», отбиваясь от придирок въедливых цензоров. Лермонтов, по присловью6 если человек талантлив, то талантлив во всем, был не только великим поэтом, но и прекрасным живописцем. Вот Михаил Юрьевич, выступая в роли художника, и запечатлел своего товарища Святослав Раевского на картине, написав портрет акварелью.

Уже третий Николай Николаевич Раевский сын Н.Н. Раевского-младшего в чине полковника поехал добровольцем в Сербию сражаться с турками и в одном бою погиб в 1876 году. род Раевских занесен в энциклопедию «Дворянские роды, прославившие Отечество». Есть сведения и о первом представителе Раевских – Иване

Степановиче. Он появился на Руси в 1526 году, приехав из Польши. И славный род Раевских с тех пор получил широкое разветвление.

Второе крыло и другие подробности

И так, уважаемый читатель, состоялось ваше представление об одном крыле рода Раевских – о военных. Ни одна птица, а тем более вольная и сильная, как древний род Раевских, не может совершать свой полет, махая одним крылом. У Раевских кроме военного крыла – силы и воли, должно быть непременно второе крыло – духа и веры. И оно у Раевских было. Как есть и было у нашей страны России. Кроме могущества воли и силы развиваться невозможно. Требуется вторая подъемная сила второго крыла: духовность, вера.

По данным церковных ведомостей Новгородской епархии во время царствования Екатерины II пономарь деревенской церкви Иоанн Раевский. Он собирался сделать своих сыновей священниками и с успехом добился своего. Уже его сын Адриан окончил Новгородскую духовную семинарию, рукоположен и служил священником в церкви Вознесения Христа. За добросовестную службу пожалован бронзовым крестом на Владимирской ленте. А его сын Василий так же обучался в Новгородской духовной семинарии, но по окончании её был назначен в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, став профессором, написал книги «Учебник истории философии», «Записки по психологии». Ранняя смерть не позволила завершить третий научный труд – «Начальные основания философии».

Сын Василия Раевского и дед современного поэта Евгения, прежде чем стать митрополитом, повторил путь отца Василия Адриановича и получил степень кандидата богословия за написанный трактат «Главные течения в православной церкви за время царствования Екатерины I и Петра II». Еще обучаясь в академии, Павлу Раевскому было поручено возглавить делегацию на чествование Иоанна Кронштадтского в Андреевском соборе. А став настоятелем храма Иоанна Предтечи, был и руководителем «Братства Трезвости». На своем посту у Павла Васильевича установились тесные отношения с писателями и мыслителями С. Булгаковым, Н. Бердяевым, В. Розановым, А. Кони, Д. Мережковским и З. Гиппиус. Отец Павел не только общался с писателями, писал и сам. Им были написаны следующие вещи: «Божий улей», «Истинный пастырь Христова стада»,

«Какой нужен пастырь». Избран постоянным членом Синода, назначен ректором высшего Богословского института. На свои деньги построил церковь Иоанна Богослова.

Его сын, отец Евгения Раевского, Павел Павлович родился в 1921 году и избрал другой путь на ниве просвещения. Окончив Ленинградский университет, преподавал русский язык, литературу и историю. Когда началась война, Павел Павлович одним из первых ушел добровольцем на фронт и воевал в рядах народного ополчения Октябрьской дивизии. Когда говорят пушки, музы молчат. И не удалось из-за войны избежать Павлу Раевскому участи первых представителей рода Раевских, нести военную службу, защищая Отечество в тяжелую годину для него. Но сделал это Павел Павлович с блеском, выполнив свой долг перед Родиной с честью и достоинством. А страна вознаградила его по заслугам, у Павла Раевского пятнадцать правительственных наград, в том числе орден Славы – советский Георгиевский крест и орден Отечественной войны I степени. Но, защищая Ленинград, сам еле выжил. Получив серьезные ранения и увечья, стал инвалидом I степени. Но сдаваться и поддаваться унынию не собирался. Стал автором повествования о графах Стенбок-Ферморах, видных сподвижниках Петра Великого. Война унесла его здоровье, но не могла помешать Павлу Раевскому, работать на ниве просвещения.

Фамилия Раевских связана с другими фамилиями известных лиц России. Взять того же Николая Николаевича Раевского-старшего. Он был женат на внучке великого ученого Михаила Васильевича Ломоносова – Софье Алексеевне Константиновой. Она была единственная из внуков Ломоносова, оставивших потомство. Вот так потомки великого русского полководца стали одновременно и потомками великого русского ученого. Династия профессиональных военных рода Раевских была связана родственными узами не только с Михаилом Ломоносовым, но и с императором Петром Великим.

Не подкачали Раевские и в смутное для страны время, когда после смерти Бориса Годунова Русь заполонили самозванцы – Лжедмитрии, которых использовала Польша со своей великодержавной амбицией стать империей от можа до можа: от балтийского моря до Черного, а может быть и до Средиземного. И вот выходцы этой самой Польши стали грудью на защиту приобретенного Отечества

– Руси. В «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи» фамилия Раевских вписана, «многие российскому престолу служили стольниками и в иных чинах и жалованы были от государей в 1614 году и других годах поместьями».

Но если вернуться к образу вольной сильной птицы рода Раевских, то напрашивается еще один образ, созданный еще одним великим русским писателем Николаем Васильевичем Гоголем. Как вы уже наверно догадались, речь пойдет о сказочной Гоголевской птице тройке, символизирующую саму Русь, которая несется вперед, не зная преград. Так вот эта птица-тройка и не совсем птица, а только лирический образ Руси.

А представляет, в самом деле, птица-тройка обыкновенную русскую тройку, запряженную в сани трех коней. Так вот что роднит обыкновенную птицу и Гоголевскую птицу-тройку, у каждой есть два крыла. У птицы они позволяют ей летать. А две пристяжные лошади помогают птице-тройке мчаться, стремглав по снежной бескрайней равнине. А различие в том, что у птицы-тройки есть «окромя крыл» еще и центральный конь, которого называют испокон – коренником. Так вот этим коренником, объединяющим два крыла и стал коренной петербуржец, русский поэт Евгений Раевский.

Так, например, он в стихотворении «У Никольского собора в Петербурге» в двух поэтических строфах изобразил оба крыла, которые помогают подниматься птице рода Раевских вверх и «Власть куполов смотрящих вверх» и «Ветров потеха в стиле битв». Вот эти два четверостишия:

Удары… Звон… Колокола…
Непревзойдённость восприятья.
Меня здесь музыка нашла,
Чтоб одарить теплом объятья.

Святая солнечность молитв,
Крестосплетенья с блеском неба,
Ветров потеха в стиле битв
И птиц подоблачная нега…

Разве можно позабыть такую манеру, тот светлый образ, который подарил Евгений Раевский любителям изящной словесности: «Святая солнечность молитв, Крестосплетенья с блеском неба…»?

Нет, такое не забудешь. Кроме того у меня возникло ощущение, что я эту фразу, которую только что процитировал, что я где-то видел эту прелесть. Да-да не слышал, а именно видел. И тут же, хлопнув себя по лбу, вспомнил. Эта фраза объемлюще отражается в видовом ряде на обратной стороне обложки книги «Ученик Петрарки», которой сам же восхищался. Сгусток солнечной энергии на фоне чистого голубого неба и луч связующий православный крест с небесным Покровителем. Отсюда и благословение и «святая солнечность молитв».

Раевский не только коренной петербуржец. Он проживает в самом экзотическим месте Санкт-Петербурга – на Васильевском острове. Когда-то Петр Первый мечтал сделать из Васькиного острова так иногда называют его острословы, вторую Венецию, прорыв каналы вместо улиц. Но проекту Петра не суждено было осуществиться – улицы не превратились в каналы, но зато стали называться линиями: по одной цифре на одной и другой стороне улиц, например, 14-15. и не Васильевский остров, а весь Санкт-Петербург стали иногда именовать Северной Венецией. Хватает в нем и без «каналов» Васильевского острова речек и настоящих каналов, чтобы название Северная Венеция звучало органично. Жил на Васильевском острове и Нобелевский лауреат поэт Иосиф Бродский, который эмигрировала в Америку. Но за океаном не мог позабыть про свой сказочный остров детства. Его ностальгия отображена как завещание и в стихах: «На Васильевский остров я приду умирать». Но судьба распорядилась по своему, Бродского похоронили не в Северной Венеции, а просто в Венеции, небольшой провинции Италии. Не сумел вернуться Бродский на Родину. А Раевский, как и все его предки, никогда не помышлял ее покидать, а служил и продолжает служить Родине верой и правдой. У Евгения есть стихотворение «Воспоминания о малом проспекте», которое он посвятил милому сердцу уголку, где проживал в юности. У юного лицеиста Пушкина есть стихотворение, название которого очень созвучно с Раевским «Воспоминания о Царском селе». В нем Саша Пушкин воскликнул: «Отечество нам Царское Село».

Отечество для русского поэта Раевского – малый проспект Васильевского острова. Приведу одно четверостишие из «Воспоминания о Малом проспекте».

Я ныне вспоминаю, как вздыхал,
Под небо новой улицы входя,
А Малый больно в сердце громыхал
Трамваями по рельсам средь дождя

В стихотворении «Воспоминания…» есть еще одна деталь в строфе, которая связывает Раевского с Пушкиным.

Бессонницей обкрадывая ночь,
Ждал я, а не боялся наводнений,
Себя мне и теперь не превозмочь,
Красавице ль отказывать в свиданье?
Я полнюсь ею, радуюсь ей втайне…
Да Питер ли без этаких явлений?

В поэме Александра Сергеевича «Медный всадник» лирический герой с именем, как у поэта Раевского – Евгений, мечется в страхе по Петербургу, не зная, где спрятаться, спастись от наводнения. А лирический герой Евгения Раевского он сам, поскольку стихотворение называется «Воспоминания о Малом проспекте». Наводнения и мрака ночи не боится он, его спокойно поджидает своей «бессонницей обкрадывая ночь…».

Наводнение – явление в Петербурге частое, а значит привычное и не страх оно вызывает, а раздражение или сожаление, что вышедшая из берега Нева может подмочить… нет, не репутацию русского поэта, жившего в полуподвальном помещении на малом проспекте. Евгений восклицает же: «Да Питер ли без этаких явлений?». И невозможно представить Питер без его одноименной питерской погоды, о которой Евгений Раевский пишет ниже строчкой:

Туманы, ветры, морось, холода,
Недолгое кокетство белой ночи,
Без голубого невская вода,
Скупое солнце как закономерность,
Птиц перелётных прелесть и неверность –
Всё только вдохновенье мне пророчит…

Непредсказуемость питерской погоды поэт показывает, не только перечисляя существительные с названиями её невзрачного проявления: «туманы, ветры, морось, холода», а и яркой метафорой

о непредсказуемости климата в предсказуемости ежегодной разлукой с перелетными птицами осенью: «Скупое солнце, как закономерность, птиц перелетных прелесть и неверность». Но не уныния приносят эти питерские особенности природы, а пророчат вдохновение поэту.

И он часто пишет не про белые ночи, про этот шикарный питерский бренд, а про бессонные ночи, проводимые в муках творчества:

Шорох кричит, мешает
Мукою мысли заняться…
Нервы, но ночь большая –
Даст мне в сонет собраться.

Небольшое стихотворение, состоящее всего из четверостишья, наверно, стало для Раевского отправной точкой, чтобы выдохнуть из себя такое о творчестве:

О, Творчество, ты – Счастье, без тебя
Мир погрузится в хаос и бессилье.

А фраза из этого четверостишья поэта «Нервы, но ночь большая – даст мне в сонет собраться» показывает отношение его к поэзии. Она его суть, сущность и он не пером, а душой пишет стихи. Его любимый сонет он не сочиняет, а вбирает его красоту и эмоцию полностью в себя, собираясь своими душой и телом в прекрасный сонет, выплескивая потом родившееся в бессонной ночи на бумагу ожившие строчки. Поэтому слова «творчество» и «счастье» для Раевского синонимы.

Для поэта поклонения:

Склоняясь над иконою листа пустой бумаги,
Я не прошу ни тем, ни вдохновенья...
Лишь слов прошу и сил,
Терпенья как отваги...

Какие разные взгляды очень близких по духу поэтов Сергея Есенина и Евгения Раевского на одни и те же атрибуты творчества. Есенин как-то сказал: «Для меня и Ленин не икона», хотя в поэме анна Снегина высоко оценил влияние Ленина на народ, на истори-

ческие события:

Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он – вы».

А Раевский на пустой листок бумаги смотрит как на икону. Но он-то знает, что на нем скоро появятся мудрые священные письмена и волнующие лирические строки. Выше личных благ ценит Евгений Павлович поэзию, литературу, культуру и считает, что если перестанет существовать великая русская литература, как значительная часть мировой культуры, то не будет и великой России и успехов в экономическом развитии страны.

Я много раз употреблял в исследовании личностей конкретных персонажей славного рода Раевских слово «подвижник». Несомненно, и Евгений Раевский, мыслящий так глобально, относится к плеяде подвижников.

Антон Павлович Чехов очень точно сказал о важной роли в общественной жизни подвижников: «…Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих спор об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба… есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и осознанной цели».

Вот и поэт Евгений Раевский ярко выраженный подвижник. Он человек другого порядка, их тех благородных людей, на плечах которых стоит мир. А благородство – это готовность действовать наперекор собственным интересам. Если бы Раевский молчал бы тихонько в тряпочку и не действовал наперекор собственным интересам, то не было бы у него, о чем я писал выше столько много врагов…и сторонников.

Сторонников он приобретает благодаря своей обширной общественной деятельности. Он создал межрегиональный Союз писателей России и стал его председателем, введен в состав исполкома Международного сообщества писательских союзов, которым руководит великий русский писатель Юрий Бондарев, возродил Академию русской словесности и изящных искусств. Евгений Раевский входит в состав Общественного совета Санкт-Петербурга. И на заседании совета его кресло по соседству с прижизненно признанным литературным классиком писателем Даниилом Граниным.

О сонетах

Фраза и образ «Ночь большая – даст мне в сонет собраться» у Евгения Раевского звучит рефреном в книге поэта «Ученик Петрарки». Сонет представляет собой четырнадцать строк: три четверостишия завершают две строки, вынося вердикт всему сказанному ранее. Но для Евгения сонет не только смысловое значение, музыкальное, поэтическое звучание, а и яркая вспышка белого света после преломления его в капельках, еще висящих в воздухе после дождя и превратившегося из белого в семь полосок цвета двух радуг. Это реминисценция, этот фейерверк цвета с помощью поэзии Раевского и превращаются в великолепный сонет. Две семицветные радуги, сливаясь воедино, и дают те четырнадцать строк сонета. Об этом и говорит Евгений в первом четверостишии:

Две радуги слетаются в сонет,
Окрашивая строки умным цветом,
Четырнадцать мазков душой согреты,
Живут себе и манят сотни лет.

А заканчивает этот сонет Раевский динамично, желая всем людям, живущим на свете соприкоснуться с нежными, поэтическими строчками.

Пусть, озарённый радугой сонета,
Любой из нас коснётся мысли света!

Динамика звучит и в первых строках. У поэта радуги не сплетаются в сонет, а слетаются. Зажглись на небе две семицветные радуги и слетелись вместе, став одной огромной аркой под далеким,

всегда манящим к себе горизонтом.

Эти слетающиеся радуги в один сонет сразу увлекают нас в страну детства, когда школьный учитель рассказывал, как легче запомнить порядок цветов в радуге. Нужно было всего-навсего знать ключевую фразу: «Каждый Охотник желает Знать, Где Сидит Фазан». Каждой первой букве слова соответствует цвет радуги: Красный, Оранжевый, Желтый, Зеленый, Голубой, Синий, Фиолетовый.

Это озарение приходит от прикосновения к немыслимой по красоте мысли светлого сонета поэта.

Сонеты становятся и талисманом для Евгения Раевского и для тех, для кого он пишет свои сонеты: своей Музе, Прекрасной Даме, возлюбленной.

Ты – мой соавтор, муза и душа,
Царица строк, рождающих напевность,
Вновь не хватило мне карандаша,
Чтоб написать тебе Любовь и Верность!

Тебя пою, восторгов не тая,
Пусть защитит тебя поэзия моя!

В другом сонете лирический герой Раевского мечтает о чистоте взаимоотношений с возлюбленной:

Пленителен твой запах чистоты,
И я плещусь, влекомый чистотою
По телу твоему одной мечтою,
Что всплеском ласк сейчас ответишь ты.

Но герой понимает, что у него и у нее в жизни бывали и другие влюбленности. Но, как говорится, мужчина ценится своим будущим, а женщина своим прошлым, которое всяческими способами старается скрыть его при встрече с понравившимся ей мужчиной. И в сонете Евгения о чистоте, как раз тот самый случай, когда оба влюбленных не хотят вспоминать о прошлом. Более того, лирический герой умоляет женщину не упоминать, не вспоминать о прошлом:

Не вспоминай о нежности былой,
О прелестях былого совершенства –
И наслажденье вовсе не блаженство,
Где как сравненье помнится другой…

Я несравним, как несравненна ты,
Нет для меня желанней чистоты…

Посвятил сонет Евгений Раевский и своему любимому поэту Сергею Есенину. Когда я впервые сообщил Евгению, что мне нравится поэт Сергей Есенин, то Раевский удивился такой сентенции:

– А кому же не нравится Сергей Есенин? – произнес он. – Есенин всем нравится…

Читая сонет «Сергею Есенину» Раевский признается, что остался слезой на есенинских строчках. Одно слово «слезой» и у читателя воспроизводится эмоциональная картина восприятия стихов Есенина четырнадцатилетним юношей. Лирический герой приходит в такое сильное волнение, что слезы катятся из глаз и капают на страницы сборника стихов Есенина. В четырнадцать лет, столько сколько строк в сонете, было Раевскому, когда он занял первое место на городской олимпиаде по истории. А Сергей Есенин в пятнадцать лет написал свое первое стихотворение о любви:

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется - на душе светло.

И в зрелом возрасте Евгений Раевский упоен есенинской лирикой:

Ты пил вино, а я под песнь мечты
Тобою до мальчишества напился…

Потому-то я и написал, что Евгений был упоен стихами Сергея. Он пьянел и превращался в беззаботного мальчишку, читая нежную любовную лирику Есенина.

У Раевского на книгу стихов Есенина падала слеза от умиления, а мне хотелось заплакать от обиды. Но вспомнил какой мощный эпиграф из стихов Гете взял Евгений для своего осеннего цикла, где сама природа проливает слезы-дождинки. И удержался от слабинки не стал распускать нервы. Автор «Фауста» был хорошим психологом, раз смог написать такое гениальное произведение. Он был сильным человеком и постеснялся слез. Поэтому Раевский и

прельстился его высказываниям, которые взял для эпиграфа: «… Слёзы лишают привлекательности слабых, но придают много прекрасного людям сильным и твердым».

В слезах осени Евгений видит привлекательную, прекрасную, хотя с небольшой грустинкой картину:

Осень. Птицы щедро льют
беспокойство песен в душу.
Жаль, что краток наш приют
на святом уделе суши.
Впереди аллея Керн,
две скамьи для размышленья.
Мне б такой счастливый плен –
помнить чудные мгновенья!

Поэт Раевский мечтает, как и Пушкин вспоминать о том, что его когда-то поразило в Анне Керн:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Но Евгений, отдавая должное гению Пушкина, забывает свои строчки из стихотворения «Черемуховая доброта», не менее трогательные. В них слышны не только звуки, а даже запахи ощущаются.

Рассыпан день на тысячи чудес:
Черемух белокурая душистость
Мечтою околдовывает лес
Под скрипку соловья, сквозь воздух чистый.

Разве не восхитителен образ и техника письма: одна изящная фраза разложена в одной строфе, в одном четверостишии. Сколько стихов написано про белую черемуху. А ведь она-то на самом деле не белая. Лепестки соцветий черемухи белые, а в серединке каждого цветка золотистые пестики, тычинки. И вся черемуха от этого кажется не белой, а белокурой. Словно белокурая девушка с золотым отливом косой.

Я никогда ни одного самого великого поэта не слышал тако-

го сравнения. И вот благодаря Евгению Раевскому сподобился. Но дальше больше – черемуха не просто белокурая, она одна из тысячи чудес, которые рассыпает щедро весенний лес: «Черемух белокурая душистость». Эти чудеса осязаешь и видишь их не только зрением, а привлекаешь и обоняние. Чтобы насладиться черемуховым одурманивающим запахом.

В этом стихотворении исполнен гимн не только природе, а и девушке лирического героя.

Тобою очарованы цветы,
Цвета цветов забылись в подражанье
Твоей красе, в их блеске обожанье.
Здесь в каждом новом чуде только ты.

Вот эти чудные мгновенья и будет когда-нибудь вспоминать Евгений, попав в плен своей памяти.

А в другом стихотворении Раевского «Памятник Сергею Есенину» звучат и тревога за безалаберность и бездуховности нынешнего поколения, которое, не уважая заслуги великого русского поэта Сергея Есенина, его чистоту и нежность гадят около памятника поэту в Таврическом саду. Привожу два четверостишия из этого стихотворения, прочитав которые, лучше понимается трагизм ситуации.

Есть памятник в Таврическом саду,
Волшебный, откровенный, белоснежный.
Во всей Руси я лучше не найду,
Есенин здесь таинственный и нежный.

Есенин здесь таинственный и нежный, высеченный из белоснежного мрамора, а внизу черт знает что творится:

Ни света, ни дорожек, ни цветов,
Окурки и разбитые бутылки…
Сам Бог помочь Есенину готов,
А мы четыре года трем затылки!

Однажды и я попал в подобную ситуацию. Гулял по нижнему парку дворца-резиденции опального сына Екатерины II, Павла, ставшего после её кончины императором. Пруд или озерцо поблескивал серебром, но в прибрежной осоке плавал бытовой мусор:

пластиковые бутылки, клочки газетной бумаги, увядшие лохмотья старых цветочных букетов.

Ко мне подошел мужчина лет пятидесяти, невысокого роста, курносый и круглолицый, очень походивший на трагически погибшего императора Павла I. Он спросил меня:

– Не нравится испорченный пейзаж? – с огорченной миной на лице кивнул, – не нравится. Находятся такие свиньи…

Человек, похожий на Павла I, еще больше нахмурился, но уточнил:

– Это свинство учинили потомки некоторых крестьян моим прапрадедом. А ведь при нем на водной глади плавали не пластиковые бутылки, а красивые гордые птицы-лебеди.

А мне от этого уточнения еще больше поплохело. Неужели нас требуется пороть, как сидорову козу из века в век, чтобы мы могли вести себя цивилизованно.

Я долго не понимал, откуда у поэта Раевского возникают такие сногсшибательные образы. Вроде бы он и не скрывает своих учителей. Вот и книгу назвал «Ученик Петрарки». Но вдруг наткнулся на одно обстоятельство, которое повергло меня в шок… Он учился у самых лучших во всем мире лингвистов – детей. Корней Чуковский об этом не только написал научный труд, но и создал литературный шедевр. Его книга «От двух до пяти» известна всему человечеству. Дети не испорчены рамками правил и правописания и они творцы новых слов.

После школы Женя Раевский поступил ночной няней в детсад, чтобы воспитывать детей. А сам получил от них такие великолепные уроки раскованного свободного творчества, что помнит их до сих пор, тогда-то он и стал писать забавные детские стихи, которыми мог бы гордиться любой маститый писатель. Вот одно из них – «Старенькая Катя»:

В садике гуляла маленькая Катя,
Вдруг сказала грустно, что гулять ей хватит,
Что уже устали маленькие ножки,
Целый час таскают теплые сапожки.

Возразила Кате девочка другая:
«Разве ты устала, ты же молодая?»

Объяснила Катя: «Нет, я не устала,
Просто от хожденья старенькою стала».

После такой идиллии трудно возвращаться в такой жестокий бытовой мир, где ругаются матом, звучат пошлые фразы, оскорбления. Да и поступки совершаются вульгарные, неприглядные, не стыдясь окружающих. Но поэту Раевскому хоть и претит бессовестное поведение юнцов после нескольких выпитых стаканов бормотухи, он не опускается до ханжеского морализма. Евгений с легкой иронией высмеивая их, спрессовав три катрена сонета в один, не тронув двустишия:

Трется ночь о шершавые вязы,
Комары благодушеством заняты,
Слышу мата отборные фразы –
Кавалер изъясняется даме.

Пьют портвейн они из граненого,
Но не стану мешать: вдруг влюбленные!

Всё может быть. После портвейна, выпитого из граненого стакана, и дама становится кавалеру милее, а сама уже не замечает в лексиконе кавалера похабели.

Вот потому и рождаются у Раевского два стихотворения «Языческое» и «О брани». Услышав «мата отборные фразы» поэт, скорбя, что наш великий и могучий засоряется, воскликнул: «Язык наш – часть души!». Сел за письменный стол и написал «О брани». Остается только удивляться мастерству Евгения, что и о брани, гневаясь и возмущаясь можно написать изящно, прекрасно, филигранно. Для иллюстрации моего тезиса привожу два четверостишия из «О брани».

Язык наш дик, когда испачкан бранью,
Унижен он в разнузданных речах,
Испуган злом, растерян от отчаянья,
Ведь не таким он создан изначально,
Его мы опошляем сгоряча.

В конце стихотворения, без назидательности, без менторского тона он просит говорящих на русском языке беречь свое сокровище.

И прежде чем ляпнуть сгоряча что-то непотребное мысленно, порыться в памяти и поискать чистые светлые слова:

Средь множества звучащих сочетаний
Найдите в мыслях чистые слова;
Язык наш – часть души и зодчий знаний,
Не мучайте себя бездушьем брани,
Брань – речи враг, стара сия молва.

Читателю может показаться, что я немного лукавил, говоря, будто Раевский не скатывается до морализма – мол, почему же поэт поучает: «Брань – речи враг, старя сия молва». Нет, дорогие мои друзья, никого Евгений не поучает. Он просто разъясняет свою точку зрения.

А стихотворение «Языческое» с таким же успехом могло бы называться «Языковым». Потому что Раевский, вспомнив об почерпнутых знаниях в университетах детского сада, где каждый ребенок творец русского языка, радуясь солнечному утру, так и сыплет неологизмами: «златоокий лучепад комареет и пчелеет», игра «солнцесловья, ясновстречья», которое рифмуется с красноречьем, с каким «все птицы замелодили опять» в заберезнишься рощах, над которыми заперламутрововалось небо. Это языковая, языковедческая часть стихотворения. А языческая-то, откуда взялась? Из далекого прошлого. Сразу отвечаю: на заре человеческой цивилизации наши славянские предки, пращуры поклонялись силам природы, обожествляя природные явления. У них не было понимания, что эти явления природы создал единый Бог – Творец. А поэты, вспоминая озорство его подопечных в коротких штанишках, сам забавляется, восхваляя прелесть утра. Ведь оно тоже явление природы. А название богов и божков помнятся, хотя уже ушли они в далекое прошлое, но остались в культурном наследии русского народа: яркое солнце называлось солнцепоклонником – Ярило, дождь – Даждь-бог, ветер – Стри-бог. А главный божественный идол назывался Перуном. Но забавы забавами, а поэзия поэзией. Привожу окончательные строчки стихотворения «Языческое», в котором Евгений создал потрясающий образ: « Я готов о солнце биться…». Вот поэт как шаловливый молодой теленок-бычок и готов бодаться с кем попало. Даже с играющим на перламутровом небе солнышком.

Сослепу я сначала неправильно прочитал этот динамичный глагол: «биться». Произнес его как «бриться». Спохватился и исправил свою ошибку. А потом даже немного загордился: «надо же какая сильная и мягкая поэзия Раевского». Балуется и меня потянуло поиграть, пожонглировать, словами: биться-бриться. Ведь побриться о солнце, тоже неплохой образ. Не слабо сказано. И все это с подачи Раевского. Но достаточно разглагольствовать! Ваше слово, Евгений Павлович:

Я готов о солнце биться, но, пожалуй, на словах.
Фантазирую. Ребенок, да и только, я сейчас.
Ой, чего ж тебе спросонок не напишешь в ранний час!

От ностальгии по детству родилось и стихотворение, посвященное… коту Пушику.

Милейший зверь, ты стар, но как красив!
Что главное в тебе – не понимаю.
Ты ласков, откровенен, не спесив,
Ласкаю я тебя и засыпаю.

Струисто-черный блеск с дразнящей белизной
О щедрости хозяйки восклицает.
В глазах твоих умерен юный зной,
Но в жизнь они пронзительно мерцают.

Все тайны мной изведаны твои,
Как не гордись, меня ты нежно любишь,
Характер твой воспитан на любви,
А значит, ты поэта приголубишь.

Пушистый принц, усатый чародей,
Прильнувший к голове моей кудрявой,
Средь летних монотонностей дождей
Скажи свое торжественное «Мяу!».

Раньше я восторгался разговору Сергея Есенина с псом в стихотворении, посвященном собаке Качалова – Джиму. Кто не помнит незабываемые есенинский строки:

Дай ,Джим, на память лапу мне.
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.

Раевский, подарив мне на память книгу «Ученик Петрарки», подарил мне вместе с ней и стихи, посвященные коту Пушику с его торжественным «Мяу!». У дворянина Раевского даже домашний кот голубых кровей – это принц. А четверостишие мне сразу же запало в душу. Такая же образность как у Есенина, который вместе с Джимом из любви к псу готов полаять на луну.

Не могу удержаться, чтобы не повторить последнее четверостишие поэта Раевского:

Пушистый принц, усатый чародей,
Прильнувший к голове моей кудрявой,
Средь летних монотонностей дождей
Скажи свое торжественное «Мяу!».

Зима имеет разные обличья

Классик как-то воскликнул, чтобы показать удалой, бесшабашный характер россиян: «А какой русский не любит быстрой езды!». Наши предки всегда были экстремалями. Но Россия за границей ассоциируется не только с лихой тройкой, хмельной водкой, но и холодной зимой. Скажешь заморскому гостю: «Россия», а в ответ: «Бр-р-р, какие холода, морозы, снега. Зима, Сибирь, тайга!».

А русские поэты иноземцам в ответ: «Зима!.. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь; его лошадка, снег почуя, плетется рысью как-нибудь…». В этой фразе звучат сразу два понятия, о которых я упоминал только что: зима и быстрая езда. Но только русский крестьянин не говорит, не бурчит: «Бр-р-р», а торжествует и восторженно восклицает: «Зима наступила - ура!». А про быструю езду тут же читается между строк. Лошадка мчится рысью, а поэт губы кривит и морщится от тихоходности конного экипажа. Он считает, что конь плетется. Вот если бы он, запряженный в дровеньки, галопом скакал, то это была бы быстрая езда. Или же другая зимняя картина: «Однажды, в студеную зимнюю пору, я из лесу вышел; был сильный мороз. Гляжу, поднимается медленно в гору, лошадка, везу-

щая хворосту воз». С такой поклажей и грузом о быстрой езде и помышлять не стоит, а вот студеная зима заставляет пошевеливаться и ездока и коня.

Но поэт Раевский-то живет в Питере, а в морском городе очень трудно увидеть картины настоящей зимы. Особенно если в январе идет не снег, а дождь. Вот небольшая зарисовка русского поэта, в которой сам Январь жалуется на непредсказуемость питерской погоды. Она неласково обошлась с первым зимним месяцем нового года – январем. Стихотворенье Евгения так и называется «Питерский январь»:

Дождь растворяет снег, зима, как анекдот,
Изменчива, обманчива, шутлива.
Январь клянет судьбу за жизнь наоборот:
«Каким я мокрым стал и некрасивым».

Евгений пожалел Январь, первый месяц нового года должен нести радость людям, укрыв мерзлую землю пушистым белоснежным покрывалом, а на улице вместо такой прекрасной картины петербуржцы видят грязь и слякоть. Ведь «дождь растворяет снег» и получается снежная каша, грязно-серое месиво.

А людям так хочется увидеть зимнюю новогоднюю сказку. И Раевский уезжает далеко загород. Углубившись в лес, находит там Берендеево царство, зимнюю сказку. В русской народной сказке падчерице, которую сумасбродная мачеха отправила в январский лес собирать подснежники, расцветающие в апреле. То у поэта Раевского стояла другая, тоже почти не выполнимая задача – уехать и от дождливого бесснежного января и отыскать заснеженный январский лес. Ему это удалось. И он пишет про эту идиллию, назвав ее «Маленькая сказка»:

Ели-королевы красят лес хрустальный,
Засыпают в чащах голубые тайны,
Дивно, осторожно, с веток не слетая,
Снег застыл в движенье мехом горностая.

На березах ветер сплел из снега вазы –
В них горят на солнце снежные алмазы.
Лебедей фигуры на ветвях рябины,

В жемчуг облачились сосны-исполины.

Меж кустов в засаде снежные драконы:
Носороги, тигры – всякие персоны.
Чудеса и только! Красотою греюсь.
Милая, мы вместе вспомним эту прелесть.

Чувством мы сияем вслед за чудесами,
В эту сказку чудом мы явились сами…

Лирический герой Раевского попадает чудом в маленькую сказку, притом не один, с милой дамой. А может быть, он отыскал в январском лесу заблудившуюся несчастную падчерицу, так и не нашедшую поляну, где расцвели в январе подснежники. Герой греется сказочной красотой, а милой нежной девушке показывает эту необыкновенную прелесть зимнего леса.

Разве стройная красавица лесная ель не похожа на королеву в своей расклешенной к концу темно зеленой бархатной шубке, с воротником из горностая? Для неё лес – хрустальный замок. И в этом замке сокрыты тайны мадридского двора, а голубые тайны отброшенных теней от сосенок, исполинов в жемчужных ожерельях.

Надо иметь острый глаз и необыкновенное фантастическое воображение, чтобы в устремившихся ввысь березках увидеть изящные вазы, украшенные драгоценными алмазами, а в ветвях рябины белоснежных лебедей.

И не пугают, а оберегают случайно повстречавшуюся в лесу парочку, воспылавшую любовью, снежные драконы, носороги и тигры, притаившиеся в кустарнике до поры до времени. Пока их помощь влюбленным не понадобится.

Но быстро сказка сказывается и с такой же быстротой исчезает. Влюбленная пара возвращается в Питерскую оттепель, снова в слякоть и морось. И возникает стихотворение у Раевского «Оттепель в Ленинграде». Его написал Евгений еще молодым, когда Санкт-Петербург назывался еще Ленинградом, но Питером город был всегда. А что касается моих неожиданных перемещений во времени и пространстве, то ведь и «Маленькая сказка», всё равно – сказка:

В хард-роке бьет ветер
Волну о причал.
Природа в сюжете,
В начале начал.

Минута, другая…
Рассвет-лиходей
Зиму обругает
Проклятьем дождей.

Густой простоквашей
На улицах снег
Как будто раскрашен,
Но цвет его пег.

Как в теплом компрессе,
Вспотели дома,
Но верилось прессе,
Что это зима.

Это раннее стихотворение Раевского написана в ином стиле в другой манере, нежели его сонеты. «Оттепель…» писал Евгений в юности и это чувствуется в стиле: он резок, порывист, как характер самого паренька-максималиста… И одновременно чувствуется мастерство поэта. Да, манера письма у поэта резка и порывиста, но это идет от размера стихотворения, который выбрал Евгений. В каждой строчке всего два слова, изредка три. Уложить ритм, рифму, смысл, образ в такую коротенькую строчку из двух слов необходим талант и опыт.

Если бы стихотворение не называлось «Оттепель в Ленинграде», я бы ни за что не поверил бы, что его написал юный поэт. Хотя талант он или есть или его нет. От возраста он не зависит.

Я недавно удивлялся необыкновенному по красоте образу Раевского – «черемух белокурая душистость». А в этом стихотворении опять приятный сюрприз. Снег в городе на тротуарах с чем только не сравнивают – с кашей, грязным месивом, со смерзшейся глыбой льда. А Раевский сравнивает снег на улицах не с кашей, а с простоквашей. Опять чувствую каламбурную игру слов: просто каша, просто-кваша. Во втором слове только лишняя буква «в». про-

стокваша по консистенции похожа на жидкую манную кашу или на загустевшую с комочками плавающими внутри жидкости сметану. Но простокваша немного темнее и манной каши и начинающей прокисать сметаны. И поэтому у Раевского раскраска у снега в оттепель пегая, а рифма получается сама собой. Не менее сильно сказано – снег – пег. Про рассвет – лиходей, который ругает зиму посылает ей проклятья дождей. Дожди и туманы «съедают» снег с большой скоростью, нежели самое яркое солнце.

И ветер порывист и резок, как сами стихи юного автора. Он в ритме хард-рока бьет волну Невы о причал. А капли дождя или брызги от разбившейся вдребезги волны, попадающие на стены домов у набережной, представляются Евгению каплями пота на спине человека возникающие после теплого компресса. А какая ирония звучит в последних двух строчках: «Но верилось прессе, что это зима».

Я как-то увидел в сатирическом журнале карикатуру: на жилых домах квартала установлены флаги и их полотнища направлены в ту сторону, куда дует ветер. И только на одном доме с вывеской «Метеослужба» полотнище флага развернуто в другую сторону. Против ветра полощется.

Теперь о таланте. Мне, работая над исследованием творчества поэта Евгения Раевского, удалось прочитать отзывы композитора Бориса Гробовского о Евгении Павловиче.

– Поэт Евгений Раевский, – сказал Гробовский, – добрый, отзывчивый, талантливый человек. Он объединяет творческих людей, возглавляя Российский Межрегиональный союз писателей. Авторы в Союзе писателей могут прекрасно самовыражаться в разных жанрах и формах творческого поиска. Какие там интересные, содержательные поэтические собрания, какие увлекательные занятия на секции прозы и публицистики, какие замечательные дискуссионные чтения! В этом Союзе писателей на зависть всем врагам, издаются газеты «Русь» и «Собеседник», «Романс о романсе», журнал «Золотое слово», которые являются зеркалом души настоящих литераторов. После долгой мучительной исторической паузы поэт Раевский возродил академию русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина.

Но главным было сказано в интервью Борисом Гробовским так это его отношение к творческим людям. Композитор разделил их

на две неровные части.

– Каждый творческий человек, будь то поэт, писатель, композитор, режиссер, ученый, все они талантливы в разной степени. И только гениальные не зависят от политических переустройств в стране. Именно они формируют народную любовь к Отечеству, их невозможно подкупить, продать, убить – они бессмертны. Для них деньги – это пустота времени.

Ко второй малочисленной, но вместительной группе творческих людей относится и поэт Евгений Раевский. Есть два мудрых высказывания про гражданскую миссию русского поэта, которые относятся и к Евгению Павловичу: «Поэт в России больше чем поэт» и «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Раевский был всегда и поэтом и гражданином. Без настоящей гражданской позиции нельзя стать крупным значительным для общества поэтом. Но поэтическими опытами занимаются или когда-то в юности занимались многие. А только великие поэты снискали себе славу великих граждан России. Поэтому хочу познакомить читателей с Гражданином Евгением Раевским.

Гражданская тема в стихах поэта

Стихи у Раевского никогда не были политизированы, но гражданственность в них отражена. Даже в любовной лирике Евгения на первый план выступает духовность, нравственность, чистая любовь. Поэзия Раевского не аполитична. В них всегда проглядывается гражданская позиция поэта.

Если Лермонтов написал стихотворения гражданского звучания на смерть великого поэта на все времена Александра Пушкина, то у Раевского был перед глазами пример гражданской поэзии его современника Игоря Талькова. Памяти его и посвящено одно из стихотворений Евгения:

Неистовством героя и поэта
И удалью российского творца
Достал бы ты любого подлеца…
Тебя ж достала пуля пистолета.

Злость бездарей страшнее звездных войн,
Невежество продажно и подкупно,

Талант незащищен, тем паче крупный,
За праведность он платит головой.

В стихотворении «Памяти Игоря Талькова» поэт называет Игоря даже не гражданином, а героем за его неистовую удаль в разоблачении подлецов. Грибоедов, сказав в «Горе от ума»: «Ах, злые языки страшнее пистолета», превратил эту фразу своим талантом в крылатую. Она витает и сейчас над нами и около нас. А разве не высшая степень гражданственности звучит во фразе Раевского в реквиеме о Талькове: «Злость бездарей страшнее звездных войн». Современнее и глобальнее изречение русского поэта Раевского.

Но это не единственная фраза Евгения в этом стихотворении, которая звучит, как афоризм. Они встречаются на каждом шагу – «невежество продажно и подкупно», «талант незащищен, тем паче крупный», «за праведность он платит головой». У этих слов сразу появились крылья, да вот невежество не позволяет им осуществлять полеты. Иногда талант если не убивают, то замалчивают. Это невежество не может даже назвать имя убийцы Игоря Талькова и Раевскому остается только помолиться за своего погибшего собрата по перу. Об этом он говорит в последнем четверостишии:

Опять осиротела Жизнь. И Русь,
Привыкшая к болезненным утратам,
Не знает, кто стал новым Геростратом,
О чьём разоблаченье я молюсь.

Но какая же, сила поддерживает невежество? Об этом рассказал поэт Раевский в стихотворении «О царствующем рабе». Персонаж прототипа антигероя стихов узнаваем и в тоже время универсален. Сколько таких царствующих на троне рабов побывало и у нас в России, и в других странах мира. Им несть числа, а имя им легион.

Стихотворение «О царствующем рабе» настолько уникально и емко, что его придется привести целиком, чтобы вы его могли прочитать на одном дыхании. Иначе этот сонет Евгения не окинуть оком, не воспринять душой и не оценить его по достоинству. А сонет «О царствующем рабе» заслуживает оценки.

Раб, получивший власть по глупости рабов,
Зло царствует, боясь, в чужом приткнувшись троне.

Он крупный вор, но, к счастью, не «в законе»,
Дворец его – тюрьма, пристанище воров.

Глоток воды он пьет не первым, а вторым,
Питье его несут испробовать собаке…
Не угодил – и слуги с ним же в драке,
Им ряженый собрат пригоден до поры.

Подкупленный холуй ночами точит нож,
А днем клинок блеснет над немощным владыкой,
Царь молвит: «Пощади!», а раб хохочет дико…
Недальновидный царь в делах с рабами схож.

Раб, скипетр ты принял второпях!
Пригрел рабов, оставив их в цепях…

Этот сонет сразу же растащат на цитаты: «Раб, получивший власть по глупости рабов», что можно придумать глупее, чем посадить раба на трон, чтобы управлять людьми? У Константина Симонова есть интересный эпизод в романе «Живые и мертвые». Сталин произвел сталинского сокола старшего лейтенанта-летчика сразу в полковники за его проявленное мужество. Летчик пошел в небе над Халхин-Голом, в боях с японским милитаризмом на таран и заслуженно получил награду – золотую Звезду Героя Советского Союза. Стал летчик и генералом. В начале Великой Отечественной войны герой-генерал, растерявшись от гитлеровской мощи, когда армада фашистских самолетов господствовала в воздухе и беспрепятственно сбивала самолеты наших «соколов». Опять совершил мужественный, но нелепый по своей сути поступок. Вместо того, чтобы собрать свою авиационную дивизию в единый кулак и наносить им хоть и точечные, но мощные удары, сам сел в кабину истребителя и вступил в первый бой с немецкими воздушными ассами. Он был сбит, выпрыгнул из горящей в воздухе боевой машины на парашюте, но приняв советских солдат, спешивших ему на помощь, застрелился, чтобы не попасть в плен.

Подвиг летчика никто не собирается умолять. Но сам Симонов с сожалением оценивает действия Героя Советского Союза: «Он, став генералом в душе остался старшим лейтенантом».

Потому я и утверждаю, что персонаж сонета «О царствую-

щем рабе» не только узнаваем, но и универсален. Ведь в нашей жизни властвуют не только глупые, самонадеянные цари, но и царьки разных мастей и окрасок. И поэтому сонет Раевского написан не только про какую-то конкретную особу с царствующей осанкой, но с пустой головой и рабской психологией – он всеобъемлющ. Сонет Евгения не семиминутное произведение, не роскошная бабочка-однонедневка, он написан на века и будет звучать вечно.

Взять хотя бы увлечение поэта переводить умелых поэтов иностранцев на русский язык. Раевский перевел в древнеримского поэта Марка Саллюстина Лукана, его произведения «Римские оргии». И здесь Евгений Раевский остался верен гражданской теме. Оргии по своей сути отвратительны не менее воровства и глупости царя севшего на трон, сняв рабские цепи, но так и не превратившегося в свободного человека. В оргиях никакого намека на любовь, которую воспевает в своих сонетах Раевский, одна похоть и разврат. Но оргии не только отвратительны, хотя сейчас из них сотворили культ эстрадные звезды и звездочки, они губительны и разрушительны. Гибнет не только нравственность, страны и империи, даже такая мощная, как Древний Рим, рушатся.

Своими переводами с древнеримского «Римских оргий» Евгений Раевский делает тонкий намек, который рефреном звучит в русском народном творчестве: «Сказка ложь, да в ней намек: добрым молодцам урок». И есть еще старая добрая мудрость, которая гласит: «У народа забывшего про свое прошлое, нет будущего». Вот потому-то и обратился он к переводу Марка Лукана. В назидание своим и не своим потомкам писал древнеримский поэт. Как впрочем, и Раевский переводил Лукана не для смакования постельных сцен в оргиях, а чтобы преподнести урок нравственности. Потеряв любовь, никто не становится счастливым.

Для иллюстрации этой мысли я приведу только четыре примера: два женских мнения и два мужских, чтобы вы поняли целостность «… оргий» Лукана в переводе Раевского.

Итак, женское восприятие «Римских оргий»
Ах, ах, зачем так много мне мужчин?
Все только лгут и грезят о победах.
Мне б одного, чтоб не было причин
Остаться в блудных помыслах и бедах.

...В бесстыдных оргиях никто и не заметит,
Что я вообще жила на этом свете...

Так задумалась о своей пропавшей растраченной молодости одна из героинь «Римских оргий». «Никто и не заметит, что я вообще жила» на белом «свете». А другую показывает Марк Лукан – богатую, но разочаровавшуюся в жизни из-за разврата.

Там женский не ведом стыд,
Там все до смешного просто:
Матрон обнаженный вид
И крик удалого тоста.

Природой хмельны тела,
Плеск плоти сильней морали,
Невинность во мне была,
Но в роще ее украли.

А теперь о мужских впечатлениях в «Римских оргиях» в переводе Раевского. Один из мужчин также сожалеет, что растратил молодость напрасно:

У ног бесчувственных красоток
Хмельную юность расточал,
А говорят, что был я кроток
В начале всех своих начал.
Теперь, гонимый, ненавистный,
Считаю, сколько задолжал,
Как виноград, гнию и кисну
И на судьбу точу кинжал.

А что поделаешь? Если б старость могла, а молодость умела… подумать о своей старости. Если первый мужчина винит во всех бедах только самого себя, то второй если и не винит, то осуждает не себя из-за разврата, потерявшего любовь, а женщину, которая тоже не может найти покоя. Молодость ушла безвозвратно, но и любовь не может поселиться в её воспоминаниях. У неё продажной и ищущей только плотских наслаждений женщины и любви-то не было вовсе.

Ласкаясь о свое воображенье,
Не думай о покинутом герое.
Что, холодно? Не греет в сердце жженье?
Не в радость платья модного покроя?
Слывешь для всех невестою богатой,
А по ночам не спишь и плачешь горько…
Любовь не измеряется в каратах,
Не думает, чем ей платить и сколько.

Из древности я собирался мгновенно переместиться в наше время, но споткнувшись, остановился в 1963 году. Это знаковое явление произошло, что шестнадцатилетний Евгений Раевский впервые признавался в своих стихах в любви не как мужчина женщине, как юноше девушке, а как гордый гражданин своей великой Родины – России. Вот какие дальние истоки у гражданской темы поэта Раевского. Какой звонкий, светлый и прекрасный голос у юного поэта:

Я бесконечно горд, что был рожден в России,
И признаюсь ей в том, что преданно влюблен
В ее лесов таинственные сини,
Поля ее и рек извечный марафон.
Я пил росу с испачканных ладоней
Смолой янтарных сосен вековых,
Дышал зарей, валяясь на соломе,
И хлеб жевал с кобылой на двоих.

В стихотворении чувствуется влияние на Евгения есенинского творчества и самобытность его так же ощущается. Она сквозит в метафоричности стихов Раевского. Он не прибегает к привычным клише, штампам. Не вспоминает про разливы широких рек, про стремительный бег вод, бурлящую на порогах и величаво катящих волны по раздольным среднерусским и сибирским равнинам. Он говорит ярко, кротко, но очень емко и глобально: «и рек извечный марафон». Прочитав это, сразу представляешь ту картину, которую я написал ранее. В сочетании «извечный марафон» слышится голос, несгибаемая воля России. Ведь слово «марафонец» произошло от древнегреческого воина совершившего подвиг. Пробежав от города марафон до Афин 42 с лишним километра, гонец принес радостную весть в столицу и, воскликнув: «Мы победили!», замертво рухнул

на землю. И над нашей страной проносились войны, одна орда катилась за другой и с Востока и с запада, а «рек извечный марафон» продолжается. Поскольку они неиссякаемы, то и Россию никому не победить. Она непобедима пока есть у неё свои «марафонцы», готовые положить свою жизнь на алтарь Отечества, как это делали офицеры и рядовые Раевские. Они воевали не только за царя а и за Веру и Отечество. И именно гражданская тема звучит в сонете Раевского «О поруганной вере»:

Распят Христос на спиленных крестах –
Пьета из пьет… Нас отняли у Веры,
А ныне к ней взываем, лицемеры,
Бессильные пред вечностью Христа.

Жар пламени невежества остыл –
Прозрение постигло палача,
Слепым он был рожден из кумача,
Но меч его Господь не освятил…

Причастие приняв из рук Судьбы,
Наш разум тронут совестью души:
Чей мозг от Веры сердце отрешит,
Тому не крест в надгробие, – столбы…

Лишь подлостью богатые глупцы
Жгут храмы, где молились их отцы.

Но Раевский осуждает не только революционеров, заслонивших путь верующим в храм, надругавшись над ним и верой, оставив церкви без крестов и куполов. Он-то считает, что и в разрушенном храме можно помолиться истинно верующему. Плохо, что революционеры закрыли, захлопнули перед самым носом дверь в веру своим потомкам в стихотворении «У разрушенного храма». Прочитав его, невольно вздрагиваешь. Как актуальны для сегодняшнего дня, а даже не временно, хотя написано почти полвека назад. Разве сегодня «дебильные юнцы» в Храме Христа спасителя (правда в нем были девицы, а не юнцы) сквернословили и затевали бесноватые пляски, бросая вызов обществу, оскорбляли этим чувства православных верующих. Такое кощунство не допустимо. Это все равно, что плюнуть в лицо своей матери:

Разрушенная церковь – тот же храм,
Святые не уходят из Надежды…
Я с горечью священной пополам
Молюсь, где истязали храм невежды.

Отмучилось церковное чело –
Крестов и куполов здесь нет в помине,
Дебильные юнцы, продолжив Зло,
Блаженно сквернословят у святыни…

Но, читая поэтические произведения густо насыщенные гражданственностью Евгения Раевского чувствуешь не только горечь и щемящую боль в сердце, а и какую-то магическую силу оптимизма. Только добром и можно победить Зло, которое творят «дебильные юнцы».

Я искал, в чем черпает оптимизм поэт Евгений Раевский, когда его окружают плотным кольцом завистники, клеветники, враги. Но гражданская тема в стихах Раевского не заключается в призывах к борьбе интеллекта с невежеством. Бессмысленное и бесполезное это само по себе занятие для таланта. Поэт борется с пошлостью чистотой помыслов.

О магии гармонии и красоты в стихах Евгения Раевского хорошо сказал психолог поэт Сергей Новиков:

– Писать как течет сознание… Возможность вхождения в этот поток определяется прежде всего чувством свободы духа, его возвышением над обыденностью (материальностью) жизни и стремления постичь первопричину всего сущего в самом себе. И когда этот поток соприкасается с поэтическим талантом, с божественным даром проявлять словом откровения красоты и гармонии в окружающей нас жизни, в нашем повседневном мире, он предпринимает нас и влечет в неведомые сферы духовного наслаждения. Вот почему стихи талантливые, наполненные гармонией, становятся сильным, позитивным духовным наркотиком, заставляющим нас забывать боль и страдание – эти вечные спутники повседневности.

Поэт Эдуард Кузнецов хоть и не психолог, но тоже неплохо, а даже очень хорошо сказал о поэте и гражданине Евгении Раевском:

Тернист твой путь, но праведен и свят,
Во всеоружии твои святые строки,

Но бьют они не просто наугад,
А в души всех, в ком нет и есть пороки!

В своем посвящении Раевскому Эдуард Кузнецов не сомневается, что поэзия Евгения её «святые строки» затрагивают сердца и души всех читателей и святых и грешных. Хотя сам Раевский не разделяет людей на два контрастных цвета: на черный и белый. Да и мы сами не пребываем только в святости или в постоянном грехе: всего в нас понемногу и плохого и хорошего. Но солнечная поэзия Раевского отодвигает в сторону тьму, попадает точно в цель – в наши души, выдавливая из них силой лирического слова все злое и грешное. И они, души, становятся светлее и чище. Ведь поэт пишет о возвышенной любви, а Бог – это и есть любовь. Вот и получается, что великие дела вершат избранные Богом. А в стихах Евгения любовь прекрасна, возвышенна и бесценна. Её не купишь. Об этом у Раевского есть два великолепных афористических двустишья:

Любовь – достоинство великих,
А похоть – свойство остальных.

И второе:

Любовь купить не суждено –
Любви никто не знает цену.

А в переводах с японского у Евгения есть миниатюра, которая посвящена «Любимой женщине». В нем, как в венке сонетов, которые обожает поэт, понятия – любовь и поэзия закольцованы и неразрывны. Наверно, так происходит и в жизни. Критик порою может воскликнуть: «Позвольте, не каждый может писать стихи, а любить женщину всякий мужчина». Отвечаю на этот выпад уверенно: стихи действительно, не может каждый писать. Но поэзия звучит в душе у всех. Да и первым поэтом был не кто придумал рифму: галка-палка, а кто сравнил свою любимую женщину с прекрасным цветком.

Прекрасное время года – весна

Поэту, который пишет о любви, непременно напишет и о весне. С весны начинается пробуждение природы от зимнего сна. Надеясь на «Маленькую сказку» про заснеженный зимний лес Евгения Раевского читатели уже запомнили навсегда и никогда теперь не позабудут. Да и сам образ любви ассоциируются в славянской поэзии с Весной, юностью. В этом возрасте особенно восприимчивом к любви она захватывает в плен юные сердца, жаждущие познать это необыкновенное чувство.

В двух четверостишиях без названия Раевский и связал эти два понятия – Весна и Любовь воедино.

Весна капелит юной влагой,
Рожденной солнечною лаской,
В лесах руины зимней сказки
Грустят с последнею отвагой…

Но решено самой весною:
Придет немного нежных дней,
И в теплый лес лихой четою
Приду я с милою своей.

Двумя эпитетами нежной и милой Раевский сразу завязывает узелком два прекрасных явления: любовь и весну. У весны «придет немного нежных дней», а у любви – «приду я с милою своей».

А наступление весны на зиму у Раевского показано необычно. Он пишет не о набухших почках на деревьях, не о бутонах, где флагами выкинутых вверх, к весеннему солнцу зеленых миниатюрных листочков, а о руинах, представляете о руинах, оставшихся от огромных сугробов, залегавших зимой неприступными бастионами в лесу. И естественное состояние у поверженного противника: весна и зима это всегда противостояние снежных бастионов крепостей. Они «грустят с последнею отвагой…».

Но апрель неминуемо уступит дорогу маю – весна закрепляет свои позиции, занимая плацдарм за плацдармом. И по её «вешнему велению» это не моя образная метафоричная фраза, так называется и стихотворение Евгения – «По вешнему велению». Я бы добавил, будь на то вера и титул «Её Величества Весны», но это прерогатива

автора книги «Ученик Петрарки», поэта Евгения Раевского. Ему и предоставляется слово:

Свет солнца нам под ноги плещет май,
Лес вновь неописуем от волненья,
Открыт для нас по вешнему веленью
Лазурный мир – подснежниковый рай.

Любимая, пусть годы пролетят,
Я вспомню этот день, безумно нежный,
И лучшую из всех своих наград –
Тобою мне подаренный подснежник…

Хочется провести параллель от зимней живописной картины «Маленькой сказки» к песенной кантате «По вешнему велению». Разве не слышится уже в названии стихотворения сказочные интонации: по вешнему велению – по щучьему велению.

Из проруби везунчик Емеля вытащил, зачерпнув ведром воду, а вместе с ней волшебницу щуку, которая по-своему велению исполняла все желания счастливчика. А лирический герой получает «по вешнему велению» самую лучшую награду в своей жизни из рук любимой девушки – подснежник. Такой подарок Весны и Любви запомнится ему на всю оставшуюся жизнь.

Необычно и кратка и характеристика моя: «лазурный мир – подснежниковый рай». Лазурь чистого майского неба не затянута пеленою белых облаков. Они как будто опрокинулись на лесную поляну. Но не белый туман лежит на опушке леса, а светлым пятном на ней белеют подснежники. На них и «плещет май» «свет солнца».

Но разве весна возможна без марта? Ведь 8 Марта – Международный женский день. Они отмечают как раз приход весны. А все мужчины сходят с ума и ломятся в цветочные магазины, чтобы купить букет цветов и подарить любимой женщине. Это квинтэссенция Любви и Весны. Но рассказать о самоотверженности всех мужчин мира невозможно в кратком пусть и очень талантливом стихотворении. Понимая сложность задачи, поэт Раевский не стал писать эпическую поэму о представителях мужского сословия. Евгений выбрал одного и составил собирательный образ лирического героя, назвав и героя и свое стихотворение «Весенний день». «День» только кажется неодушевленным существительным мужского рода.

Но прилагательное «весенний» воодушевляет День, вдохнув в его грудь жизнь с помощью поэзии Раевского.

На погоду не строй прогноз,
День сегодня и так красив
И пушист от цветков мимоз.

В небосводе весеннем паря,
Облака собрались восьмеркой,
Небо – вместо календаря.

У метро карнавал цветочный,
Жар тюльпанов, нарциссов стать.
Дарит женщинам день заочно
Эту вешнюю благодать.

Кроме необыкновенного накала эмоциональности восприятия начала весны, Евгению удалось найти живописные детали, характеризующие день женщин. Не требуется заглядывать в календарь, чтобы убедиться какое число наступило. Про восьмое марта можно узнать и на улице. Стоит поднять голову вверх, а там «облака собрались восьмеркой». Да и сам Весенний День, название-то как имя североамериканского Вождя индейцев мимоз. А вождь племени уже южный латиноамериканский части континента устраивает цветочный карнавал. Весеннему Дню остается только подарить всем женщинам заочно, он же один, и ему очно трудно одарить всех женщин цветами – «жар тюльпанов, нарциссов стать».

Но восьмое марта только формально считается женским днем. Его с упоением празднуют, отмечая начало весны и любви мужчины. Они сравнивают своих любимых со свершающими драгоценностями. Блеск в глазах любящей женщины похож на блеск алмаза. Вот поэтому и нужен им свет любви.

Поэт подкрепляет эту необходимость, надежду на светлую, чистую любовь своим двустишием:

Алмаз без света не алмаз,
Ну, кто его во тьме увидит.

В одном весеннем стихотворении Раевского, кроме юных прелестей Весны и Любви поэтом вложенных душою, находится

такой огромный сгусток финансовых мыслей, что, не прочитав его полностью, целиком, не уловишь главной мысли. Нельзя уже оторвав от распустившегося бутона розы лепестки, с благоговением взирать на цветок. Он стал уродливым калекой и уже вызывает не восторг, а сожаление. Потому не мог обойтись цитатами, а привожу все стихотворение поэта:

Прочесть меня – не свойственность труда,
Не муки обязательств и сомнений;
Искусственным я не был никогда,
Живое слово ярче от гонений.

Не умолчать любви, блаженств и чар
Волшебного приюта в мире страстном,
В душе моей простой и вечный дар
Писать о вечном, добром и прекрасном.

Кто осуждает чистое, тот пуст,
Бессилен, зол, бездарен и завистлив;
Одним приносит розы дивный куст,
Другим шипы достанутся да листья.

Но я приблизил к людям блеск цветов,
Пыланья нетерпений и загадок,
Я и сейчас к прекрасному готов.
Пойдем со мной познать, как звук мой сладок!

В этом стихотворении звучит самооценка поэта своего творчества, и Раевский вкладывает в уста лирического героя признания его к Прекрасной Даме, без излишней ложной скромности: «Пойдем со мной познать, как звук мой сладок!». Стихи и впрямь прекрасны. Герой собирается заниматься поэтическим творчеством, чтобы сеять доброе, вечное, прекрасное, чистое. И именно эту чистоту и пытаются испачкать грязью русского поэта завистливые бездари, злясь на свое бессилие, импотенцию в творчестве.

Но Раевский гордится тем, что «приблизил к людям блеск цветов». Пусть они восторгаются Весной и Любовью. Ведь от гонений завистливых словоблудов становится «живое слово ярче». Поэт никогда не создавал, сочиняя свои произведения, искусственные, надуманные, заумные стихотворные конструкции.

Взять хотя бы такие прелестные строчки, в которых Раевский сравнивает весенние проталины на заснеженной лесной полянке с черными глазками, которые открываются как у слепого кутенка. Сначала с глаз щенка спадает белая пелена (снег в лесу подтаивает), а потом прорезываются в щелочках глаз темные зрачки сукиного сына. А проталины, как щелочки черных глаз, появляются в снеге, пишет Раевский в первой строке.

А у Евгения эти приметы весны звучат величественно. И не он тому виновник – это проталины в весенний день. Послушайте, прочитайте «Фугу» евгения Раевского и сами почувствуйте вместе с поэтом эту прелесть.

Раскроили снег следы и тени,
Черноглазит искренность проталин.
День талантлив, щедр новым пеньем,
Птичий гимн волшебно беспрестанен.

Тру глаза весною изначальной,
Пробужденный, верить ей надеюсь,
Полнюсь жизни фугой величальной…
Господи! Продли всю эту прелесть.

Она образно и задает тон сразу всему стихотворению: «раскроили снег следы и тени». Чувствуете, где проявляются на свет черноглазые проталины? Там, где великий портной – природа раскроила снежную поляну, словно лазерными лучами-ножницами, лучами солнечного света белое полотнище. А где ступала нога человека, и снег утоптала, там и выглядывает в первую очередь «черноглазит искренность проталин». Где тонко там и рвется.

Вот что написал Игорь Сахарюк в свой отклик на книгу Раевского «Ученик Петрарки»:

«Коренной петербуржец из интеллигентной семьи, он в стихах обращается к родному городу с его белыми ночами, Невским и Малым проспектами, Никольским собором, Спасом на Крови… Но поэт делает это столь жизнеутверждающе и возвышенно, что в своём романтическом стиле он выглядит первооткрывателем. Да, это творчество выглядит именно по-петербургски: несколько салонно, аристократично (а не площадно). Но какую доброту, культуру и благородство необходимо иметь автору, чтобы его приглашали читать в

салоны! Он стихами говорит о России, о современниках и классиках – несомненно, по большому счёту, – это русский поэт, и у Евгения Раевского заметно чувствуется преемственность наследия Сергея Есенина, а не только Игоря Северянина и Франческо Петрарки…

Большая доброта лирики возвышает Евгения Раевского над массой современных поэтов, имеющих чрезмерное самолюбие (а то и богемную манию величия). Он, являясь пылким романтиком, не уходит в холодную философичность, не стремится быть предводителем униженных и оскорблённых, стихотворно не спекулирует диковинками заморских стран с их чудоэкзотичностью или сверхурбанистичностью – Евгений попросту талантлив и самодостаточен».

Слова Игоря Сахарюка только подтверждают, что главная тема у Евгения Раевского в творчестве это соцветия Весны и Любви. Но Раевский не забывает и о других временах года. Я уже упоминал про русскую сказку о двенадцати месяцах, которые нарушили черед их общего движения и встретились все двенадцать у одного костра в глухом лесу, чтобы выработать общую стратегию – как выручить несчастную девочку, попавшую в беду, по прихоти своей мачехи. Правда, говорят, что Самуил Маршак использовал в своем стихотворном варианте сказку чешскую, а значит все равно славянскую. Поэтому кочующий сюжет и переместился от русского в чешский. Язык-то родственный и без переводчика понятный для обоих братских народов. Вот Евгений Раевский и не удержался от соблазна написать о всех временах года, использовав череду месяцев, показав судьбу своего лирического героя, его переживания в течении какого-то абстрактного года. А раз сюжет и время действия находятся в безразмерном пространстве и могут относиться к любому человеку, то Евгений Раевский и назвал свое стихотворение «Притча».

Отъянварилось, отфевралилось –
Подытожилось – не понравилось,
И на март опять отнадеялось,
Отапрелилось – разуверилось,
Мне отмаяться предоставилось,
Родилась мечта, да преставилась,
Поиюнилось, поиюлилось,
Только вскорости пригорюнилось.
Дело августом обнадежилось,

Вдруг виной других уничтожилось,
Октябрем тоска поубавилась
И в ноябрь верой отправилась,
В декабре навеки отверилось,
Но надеждою отогреюсь я.

Выше я уже упоминал, что важны в оценке поэзии не только чужие мнения, но и самооценка своего творчества автором. Среди многочисленных газетных заметок и интервью поэта отыскал и оценку своего стихотворения «Отъянварилось, отфевралилось»

Журналист задал Раевскому вопрос:

– Как вы относитесь к утверждению, что сейчас не время для стихов?

– Смотря каких, – ответил Евгений. – Поэты трибуны остались в 60-х. а я пишу о любви. В моих стихах нет нытья и уныния. Есть счастье. Поэтому моя – в основном женская аудитория не иссякает. От наших романсов, от стихов слушательницы получают тепло, которого им не достает в жизни. К поэзии охладели, потому что она опошлена. Её заставили служить, работать на государственную идеологию. Я пишу сердцем и не боюсь, что меня не поймут. Конечно, у меня нет полностью удавшихся стихов. Я это чувствую… разве только одно – «Отъянварилось, отфевралилось…»

Но грусти мало в моей поэзии. Для меня, как и для Цветаевой – несостоявшаяся любовь не повод для печали. Любовь для меня – это не секс. Не терплю этого слова! Мои стихи чувственные, эротические. Но любовь и эрос не синонимы. Любовь – это духовный, мистический диалог двух людей. Любое ощущение нужно запустить в себя глубоко-глубоко, до самых пяток. Стихи писать – это больно. Никто не может побывать в любви настолько полно, чем поэт. Выше любви только творчество.

Прочитав высказывания Евгения Раевского, я убедился, что рабочее название творческого исследования поэта «Великие дела вершат избранные Богом» отражают его суть. Но как вариант может стать и «Стихи, написанные сердцем, всегда понятны для души». А может быть и третий вариант. Он самый короткий из предложенных – «Великий Влюбленный».

В своем отзыве один из рецензентов творчества Раевского отметил, что его стихам присуща эмоциональность, он не холодная

философичность. Я несколько другого мнения. Без философского взгляда на жизнь ни одному поэту не удавалось создать уникальный лирический образ без философского взгляда на жизнь. Это поэт прекрасно понимает. И сочетание возвышенной души и холодного философского ума и позволяет Евгению Раевскому создавать поэтические шедевры. Взять хотя бы вот этот.

Нельзя не восхищаться, не любить
Безропотность изящных откровений
И путать в жизни призрачную нить
С той нитью, что совьет мудрец иль Гений…

Гениально сказано.

Уютный Петроград

У Евгения Раевского есть цикл стихов посвященных родному городу – Ленинграду, Петрограду, Санкт-Петербургу. О своей любви к городу в котором он родился, вырос и живет поэт написал стихотворение «Нерешительные строки»:

На все поющее, щемящее, святое,
Что есть во мне для нежности твоей,
Теперь ты не напишешь мне душою
Созвучных строк. Не станет веселей
Бездомной осени в уютном Петрограде,

И я, как осень, в грусти онемел –
Бесшумные стихи в моей тетради.
Без встреч с очарованьем нет поэта.
Все, для чего я жил и пламенел,
Осталось в миражах былого лета…

Прости, я неуютный, непривычный,
Не встреченный приличеством судьбы,
И потому такой я необычный,
Когда несу к тебе свои мольбы.

Название «Нерешительные строки» возникло, возможно, у поэта из сомнений, из самоедства: кто такой Я, по сравнению с Великим Петроградом. Но, когда ты безропотно подчиняешься хоть и

Великому, но все-таки кумиру, то душа не сможет не рваться в полет без свободы и воли. Поэтому лирический герой и откровенно признается: «И я, как осень, в грусти онемел». Нет полета, нет и вдохновения. Поэт поглощен в думы о величии города, но пропало восхищение от огромного мегаполиса. А «без встреч с очарованьем нет поэта». Но лирический герой с мольбою обращается к уютному Петрограду, чтобы «бесшумные стихи» в тетради вновь зазвучали жизнерадостно.

И мольба доходит до цели. Оцепенение, нерешительность и хандра у поэта спадает, проходит. И его голос опять звучит задорно, и он живописно рисует красивый пейзаж в городе:

Солнце светом тучи рвало,
Золотило наши лица,
Красотой одолевало
Лики северной столицы.

Вспетербуржилось сознанье
От лучистого удара.
И Любовь, и Пониманье
Стали нам созвездьем Дара.

А о своем состоянии оцепенения поэт также рассказывает читателю, докопавшись до истины. Виноват-то не сам Величавый Петербург, а его некоторые жители, зараженные пороками: завистью, ненавистью, злостью ко всему талантливому и доброму. Но эти жалкие людишки умелые лицемеры. Они поют в лицо таланту дифирамбы, а за спиной держат в руке остро отточенный нож, который скрежеща зубами, правили темными ночами на оселке подлости таланту. Таких людей трудно поймать за руку. Их может настигнуть только Божья кара.

Я чью-то зависть за руку вожу,
Невольно ей порою угождаю,
И ненависть, подобную ножу,
Боюсь, но добротой опережаю.

Господь, куда ты смотришь, ослепись,
Засни иль снизойди до безразличья.
Пусть кара настигает чью-то жизнь,
Поймав людей на зависти с поличным.

Но поскольку завистники ничтожны, то белые ночи Петербурга не только мешают тьме пробраться в город, но и вдохновляют поэта. И он светлеет душой, несет своими чистыми стихами свет людям.

Когда над Петербургом вспыхнут ночи
Великолепной белой чистотой,
Я сам себе желаний напророчу,
Ты станешь в них возлюбленной святой.

Встречая белые ночи в Питере, невольно не замечаешь течение времени. Белая ночь – это только продвижение сумрачного вечера и плавный переход его в рассвет утра, когда в белую ночь из-за далекого горизонта вплетаются в белую ночь золотистые оттенки утренней зари.

Влюбленные не желают расставаться и им помогают в этом разомкнуться арки разведенных мостов над Невой. Общественный транспорт по городу не ходит, а таксистам «побомбить» и подзаработать деньги мешают разведенные мосты. Зато можно не только обнять и поцеловать любимую девушку, а и написать в честь её стихи. Даже если ты не поэт. Тщетно. Любовь захватывает полностью власть над влюбленными парочками и не позволяет писать стихи даже знаменитому поэту.

Муза Евгения Раевского посетила, но как всегда исчез куда-то попастись на травке в парке или сквере ветреный Пегас. И поэтому остается только огорченно вздохнуть и воскликнуть:

Над Петербургом вспыхивает праздник…
Ах, где ж Пегас, капризник и проказник?

Много лет спустя Раевский, оглядываясь в юность белых ночей, вспомнит этот сюжет и удивится, что в молодости было так много впечатлений, эмоций, встреч и разлук, а стихотворений он написал мало. Или, точнее сказать, не так много, как это могло бы случиться. Творческая мощь и магия появились у него в зрелом возрасте. Взбрыкивал Крылатый Пегас, не хотел становиться рабочей лошадкой, да и проскакивал иногда мимо интересных тем.

Не старался стреноживать Пегаса и сам Раевский. Он сам не желал быть взнузданным и никогда не ходил ни под седлом, ни толкался плечами и в табуне. Евгений всегда считал себя вольной

птицей. А соловьи в клетке не поют. Так же относился и к Пегасу. Он для него был конем-скакуном на котором можно помчаться за мечтой, за идеальной рифмой, за вдохновением. По этому поводу и родилось четверостишие:

Я звал Поэзию, Поэзия в меня
До зрелых лет упорно не вникала,
Линейка слов с изгибами лекала…
Но знаю я Пегаса как коня…

Но вдохновляет поэта и сам Питер. Так появилась у Раевского «Питерская элегия»

Когда нежнеют отблески заката
На коромыслах арок и мостов,
Я слышу воробьиные стаккато,
Что питерцу понятны и без слов.

Метафора поэта «на коромыслах арок и мостов», потрясающая. Когда идешь горбатым мостом и мостиком эту прелесть не замечаешь. Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии. А когда взглянешь на изогнутую дугой арку моста или на арку между домами для сквозного прохода во двор, то и в самом деле что к Неве или Фонтанке подошел русский богатырь, для которого могучая река, широкие колонны, маленькие ручейки с пульсирующими родниками, чтобы зачерпнуть водицы, набрать её в ведра. А коромысло поставил на пологий бережок. Вот и стоят арками мосты над реками и каналами, словно потемневшие от времени веков небесные семицветные радуги.

Много арок и в домах старинных кварталов города, петровской или екатерининской застройки. Эти коромысла уже подцепили своими крючками двух или трех этажные здания, чтобы над ними под этими арками проходили жители Питера.

Понятна беспримерная любовь поэта к своему родному городу, если он восторгается в «Питерской элегии» «коромыслом арок и мостов», а в чириканье воробышек ему слышится музыка стаккато. Да он и себя ассоциирует с этими озорными, вездесущими воробьями.

Свой я в доску, не залетный,
Петербургский воробей.
Мне не ведом Запад льготный –
Многоцветный лицедей.

Очарованный красотой Петербурга Раевский переполняется любовью к женщине, у которой в голубых глазах кроется загадка. Если арки над мостами и между домами поэт сравнивает с коромыслами, то брови любимой женщины ему кажутся согнутыми лучами. Красивый изгиб губ таит спокойствие, но скрывает ураган страстей. Пластика рук и магия тембра голоса любимой позволяют сравнить свою возлюбленную с той, с именем которой мы когда ложились спать в полночь и просыпались рано утром, с Великой Русью, сплотившей славянские племена и народы. О ней и исполнялся гимн. А поэт, воспевая любимую женщину, сравнив её с Русью, показывает, что любовь к любимой женщине и к Матери-родине эквивалентны. Они неразрывно сведены между собою и воедино сливаются в душе каждого настоящего гражданина.

Две тайны глаз в загадочной лазури,
И брови в форме согнутых лучей,
Губ чувственных спокойствие и бури,
Волос очаровательный ручей,

Рук гибкость и торжественность земная,
А в голосе магическая грусть…
Вы очень настоящая, земная,
Напомнившая мне былую Русь…

Прочитав откровения поэта в его интервью в газете «Час пик», с тех пор меня не покидали два противоречивых чувства. Евгений Раевский, у которого стихи льются музыкой, как песня, вдруг заявляет что «стихи писать – это трудно. Любое ощущение нужно запустить в себя глубоко-глубоко до самых пяток». Я как-то не задумывался, что легкие, изящные, красивые строчки могут у поэта рождаться мучительно больно. А потом всё больше и больше убеждался, что Евгений абсолютно прав. Ведь он в стихи вкладывает всё, что так трогает людей, чем восторгаются они в поэзии Раевского, что он сам когда-то пережил, и любые воспоминания тревожат его вновь, а лирические строчки вырастают у поэта из кусочков его души.

Вот это-то и больно делать. А с другой стороны он счастливый человек. Не зря же он сравнивал процесс творчества со Счастьем. Поэзия помогает Евгению Раевскому прожить не одну, а несколько жизней. А это ли не счастье, это ли не бессмертие.

Если не знал в жизни потерь, утрат, то и любая удача не кажется высокой наградой для тебя. Раевский умеет держать удары судьбы, но пережить предательство друга трудно… и больно. Прочитав сонет Раевского «О потерянной дружбе» убеждаешься в этом.

Мы быстро забываем о былом,
Безвременно расходимся с друзьями,
Не злоба – равнодушье движет нами,
Обыденность гнетет наш ум и дом.

На лица нам набросив сеть морщин,
Удавы-годы выскользнули в вечность,
Желанья на Голгофе за беспечность –
Бесстрастный спор с судьбой неразрешим.

Опомнившись в путах мирских забот,
Ограбив жизнь в потугах выживанья,
Мы просим у забытых состраданья,
К их сердцу не набрав простейший код.

Растратившись, отдав долги себе,
Скорбим мы о друзьях и о судьбе…

Как видите в сонете «О потерянной дружбе» обвиняет не друга лирического героя, а самого героя. Это он в обыденной суете он забывает о былых заслугах друга и вообще о его существовании.

Былое показано удивительными сравнениями: «сеть морщин» временем набросанная на лицо, потому что «удавы-годы выскользнули в вечность». И как не пытается молодиться, но годы, как гибкое тело змей ускользают от нас. И суд времени только может решить будут ли помнить нас вечно или забудут в тот же час после похорон. А это может вполне случится, если мы будем гробить самое себя «в потугах выживанья». Беда наша в том, считает поэт, что мы и долги-то отдаем только себе, а сострадание мы вымаливаем у людей, которых мы равнодушно позабыли. И опять пронзительная метафора, придуманная Евгением «к их сердцу не набрав простейший код».

Коктейль осенних листьев

В стихотворении «Отянварилось, отфевралилось», которое сам поэт Раевский считает удачным, зацепило и меня за живое. О его достоинствах я рассказал, в городских газетах Питера писали, что-то свербело и свербело во мне. Казалось, что упустил я из виду какие-то факты, какую-то очень важную деталь. Прочел еще несколько раз «Отянварилось…» и понял в чем изюминка-то.

Евгений не все двенадцать месяцев перечислил в стихах, а только почему-то одиннадцать.

Упустил сентябрь по недочету или в этом упущении кроется какая-то тайна? Стал мучить я сам себя, а может быть даже еще сильнее сказануть – измываться над собой начал.

В голову пришла на ум песня, которую часто исполняла София Ротару, в ней звучало наречие – засентябрило, в сочетании – засеребрило. То есть пела Ротару о переживаниях еще молодой женщины, к которой подкрадывается возрастная осень и в волосах уже седина проглядывается. Может быть Евгений не пожелал повторяться. Но тут же наречие «засентябрило», а Раевский все существительные, имена собственные месяцев переделывал в глагольную форму: «Отянварилось, отфевралилось». Мог бы спокойно поставить по ранжиру и «отсянтябрилось». Но не поставил же. К тому же и октябрь, и ноябрь остались без оглаголивания.

Может быть, вспомнил Пушкина. Так Александр Сергеевич, которого поругивать за увлечение глагольной рифмой стали, с достоинством мэтра заявил, что хоть и считают, что глагольные рифмы голы, а он всё равно в своих стихах будет применять глаголы.

Но опять у меня нестыковочка получается. Если глагол в одной только рифмующейся строчке, а во второй существительное, то это уже неплохо. И никакой суровый критик не сможет упрекнуть поэта, что он шпарит напропалую примитивными глагольными рифмами. Но Раевский-то опять вопреки здравому смыслу не существительные к глаголу пристраивает, а наоборот существительное, коверкая, в самый галимый глагол превращает. Чудны дела твои Господи. Сюрреализм какой-то… Новый Сальвадор Дали в поэзии?

Но ларчик, как всегда открывается просто. Изучая биографию поэта узнал, что в сентябре Раевский родился. А это самое главное событие в жизни любого человека – рождение, точка отсчета, на-

чало первого года жизни. Кстати начало нового года в январе стали праздновать в России по указу Петра Первого в 1700 году. До этого на Руси Новый год-то в марте, то в сентябре начинался. Особенно в сентябре веселее было Новый год праздновать-то. Убрали крестьяне в поле и на огородах урожай, пиво сварили, чтобы на свадьбах было что выпить и чем закусить. Пир в селе на весь мир затевали. Играли свадьбы все от мала до велика, да песни Раевского пели. А что вы смеетесь? Поэтов в великом роду Раевских тоже много было. На стихи Евгения тоже песни исполняются.

А сентябрь хочешь, не хочешь, да для Евгения Павловича стал самым любимым месяцем года. Так как месяц осенний, то и в осень поэт влюбился. Для Раевского опадающая осенняя листва не грусть наводит, а лечебным бальзамом на сердце укладывается и ему и его даме. Вот как пишет поэт о таком событии:

Опять блаженный луч воображенья
Молитвенно коснулся глаз моих.
Коктейль осенних листьев на двоих
Пьянил меня до головокруженья.

Сентябрь любит Раевский еще и потому, что это самое начало осени. Уже выпадает по ночам иней, заморозки выбеливают пожухлую траву, но случаются и теплые почти летние дни. Это время не зря называют бабьим летом. Но главная картина сентября – золотая осень. Может быть, золотая листва и стала первой золотой наградой, будущему великолепному русскому поэту Раевскому, который в душе своей переложил её в золотые строчки самой высокой изящной поэзии. О самом главном в жизни – о любви.

Любовь – фантазия души,
душа – фантазия господня.
С другим ты завтра спор реши,
а я тебя люблю сегодня.

Вот такие строчки есть в сонете Евгения «Признание в любви». Сонеты сейчас не в моде. Слишком сложная форма. Теперь попроще пишут: «Через речку, через мост, липовый березка рос…». Может быть, и звучит мотивно, а слушать противно. А таких поэтов как Раевский, говорящих на языке поэтов Серебряного века днем

с огнем не сыщешь. Евгений виден, а остальных через микроскоп разглядывать нужно или морской с двадцатикратным увеличением бинокль. Многие задают Евгению стереотипный вопрос6 «Почему он выбрал именно сонет». Многие пытаются использовать форму стихосложения, которую довели до совершенства поэты Ренессанса: Данте, Франческо Петрарка, Пьер де Ронсар. Но поприменяют на себя эту форму, да и отбросят в сторону, то мала в подмышках жмет, то велика – рукава длинны и пообедать, не сняв форменный камзол, не удается с комфортом. В общем, ну его к бесу, этот сложный сонет. Не всякому он по зубам приходится. На что Раевский отвечает:

– Я пробовал в разных ритмах и размерах. И вдруг понял, что четырнадцать строк сонета – это идеально. В них можно сказать всё. В этой форме есть мистика. Сонет диктует свои условия – простота, лаконичность.

Я открываю книгу Раевского «Ученик Петрарки» наугад. И как по заказу вижу четверостишие:

Цветом вишни закат кровоточит
Сквозь хмельное волненье черемухи,
На краю необузданной ночи
Искры взгляда из глаз твоих всполохом…

А мне, как контраст к вышесказанному вспоминается перевод с японского, который в два раза короче:

Благословенной саффоры соцветья
Особой музыкой влетают в цвет весны.

Любой поэт Японии прославляет символ страны цветущую ветку сакуры японской вишни.

А русский поэт Раевский сравнивает со спелой, созревшей и сочной вишней ягодой солнечный закат: «цветом вишни закат кровоточит», но усиливает эту яркую вспышку цвета наступающая тьма, которая подомнет под себя темно-вишневое зарево, колыхающееся, полыхающее «на краю необузданной ночи».

На вопросы как это у него, Раевского, получается необыкновенной красоты образы, которые не удаются перу или кисти другим, Евгений искренне отвечает:

– Говорят, что поэты – проводники Господни. Им доступно не-

что большее, чем другим людям. Для поэтов не существует понятий в расстоянии и во времени. Главное, что в настоящем поэте ощущения этого чувства граничит с вечностью.

Но прикасаясь к вечности, надо не расплескать, не растерять свой талант по пути. Ведь многие злопыхатели не руку дружбы протягивают талантливому человеку, а подставляют подножку, если сам не споткнешься, так мы поможем удариться в грязь лицом. А потом и всего его в грязи вываляем. Добро умеет противостоять злу и Раевский на этом поприще преуспевает. Но кроме добра нужна отвага, смелость, чтобы бороться с завистниками. А есть ли в необходимом количестве смелость у Раевского, чтобы выстоять перед вызовами судьбы? Несомненно, иначе ему бы не удалось написать такое проникновенное стихотворение «О смелых»

На небе бой, на небе грозный бой!
Закат пронзают молнии, как стрелы,
Но, как колоссы, с гневною грозой
В единоборстве наши каравеллы.

Мы любим жизнь, в нас молодость горит
Огнем мечты, желанием победы,
Наш гордый дух пред бурей устоит,
Нам не страшны несчастия и беды!

И если вдруг сорвала паруса,
Сломала мачты в бешенстве стихия,
Мы не поднимем руки к небесам
С мольбой за души грешные, морские.

Мы примем смерть, как рыцари морей,
Прижав к груди обветшие знамена,
Погибнет трус в безвестности своей,
Но славен, жив кто пал непокоренным…

Финалом этого стиха Евгений подтверждает народную мудрость – «На миру и смерть красна»? Он украшает метафорами борьбу со стихией. Свою поэзию и написанные в разное время стихотворения, Евгений сравнивает с каравеллами, которые уже сами по себе вступили в единоборство в бурей, разыгравшейся в Океане. Поэтому они сами превратились в колоссы. Как сказано у Гоголя –

сила одолевает силу. И молод человек не от возраста. Можно и в восемнадцать лет выглядеть и поступать как дряхлый старичок, и в шестьдесят пять горeть «огнем мечты, желанием победы».

Об этом говорит и выдержка из газеты «Час пик», написанная еще в 1995 году: «Евгений Раевский давно зарекомендовал себя интересным поэтом, пишущим намеренных изысков и вывертов, называемых чудными словечками с префиксом «пост». Его поэзия глубоко традиционна: в сонетах чувствуются плечи гигантов (колоссов авт.) русской и европейской поэзии, на которых он стоит не шатаясь.

Вместе с тем его стихи совершенно оригинальны. Когда книжные полки отделов поэзии в магазинах полны поэтическими сборниками и антологиями, расходящимися, по признанию книготорговцев очень туго, небольшая книжечка стихов «Вся власть сонетам», изданная тиражом в 4 000 экземпляров, распродана была в несколько недель».

Раевский любит осень. Он по определению не может её не любить – Евгений родился в сентябре и в эйфории от коктейля из золотых листьев. Но и золотая осень своей листвой высвечивает незабываемым весенним светом, которым награждает грудь поэта листва цветущего жасмина.

Небольшой экспромт Раевского, но как много говорит о его поэтическом мастерстве:

Жасмин плеснул в глаза прохладой,
Взгляд воспаленный мой лечил,
Листва к груди моей наградой
Струила нежные лучи…

Евгений Раевский часто применяет эпитет «нежный». Но он всегда звучит органично и не приедается, не надоедает, а наоборот, всегда ласкает слух. Нежные стихи Раевского требуют и нежных слов.

А про бальзам сонетов сам поэт сравнивает ее с родниковой чистой животворящей водой.

Пей до последнего глотка
Сонетный свет из родника…

И в самом деле, от поэзии Раевского струится весенний несказанный свет.

Ветка сакуры и другие переводы

Хочется возвратиться к переводу Евгения Павловича Раевского, о котором я уже упоминал выше. Но не могу удержаться и приведу еще одно переведенное двустишие:

Ручей – как вечный праздник,
Шум ручья всех радует и дразнит.

Задорное, жизнерадостное двустишие. Зато про соцветья саффоры возвышенно-величавое.

Однажды Козьма Прутков изрек: «Если на клетке слона увидишь надпись «Осел», не верь глазам своим». А я читателя уверяю, что они не… в общем не ошиблись, прочитав слова «саффора» вместо привычного «сакура». Это издержки перевода. Подстрочник с японского не иероглифами пишется, а кириллицей. А японское звучание слова трудно передать в русской транскрипции. Как переводчику слышится, так он звуки и пытается передать на бумаге буквочками из нашей родной азбуки. Вот и получилось «саффора», а не привычное «сакура».

Мой знакомый лет десять поездив на Мицубиси, купил новую машину этой же японской марки. Но уже новую машину фирмы «Мицубиси» он стал и называть по новому «Мицубиши». Вот пытаясь захватить Дальний Восток после революции 1917 года, японские интервенты своих противников называли не большевиками, а вместо буквы «л» произносили раскатистое «р» - бор-р-рсевик. Но поэт Раевский у которого в стихах звучит самая главная тема жизни – тема любви, над этим святым словом не экспериментирует. Так в переводе одного японского стиха «Любимой женщине» он в слове «любовь» не рычит на японский манер «р – р – р». Любовь произносит нежно, а «л» звучит мягко, задушевно. Ведь евгений отожествляет любовь любимой женщины с поэзией, её обличье с сонетом о любви:

Я подарил свою поэзию любви,
Она пришла ко мне в твоем обличье…

Как видите всё взаимосвязано. Но так и должно быть. Как маленькая улитка на теле гигантской исполинской сосны помогает здоровью ее древесной плоти, так и поэзия нужна для здоровья,

нравственности нашему больному обществу. И поэт Раевский «производит» целебное лекарство – свои нежные светлые и по-философски мудрые стихи.

Вот его перевод с мордвинского лирической сказки Павла Любаева «Сосна и улитка».

Прикрыли сосну от бури
Сраженных дерев тела,
Чтоб долго в ее фигуре
Спасенная жизнь цвела…
Из складок коры улитка
Вдруг шепчет сосне слова:
«А все ж без меня ты зыбка,
Средь бури стоишь ты едва».
В ответ улыбнулись травы,
Зажглись пестротой цветы.
Быть может, не для забавы
С улитками лес на «ты».

Вот и сам поэт Евгений Раевский с Поэзией на «ты». А поэзия великая могучая и прекрасная, как и наш русский язык рода, что живительная влага слов Раевского вливается в её лоно, в её русло.

Но есть у рек свои притоки,
Питают реки ручейки.
Литературные потоки…
В них капля есть моей строки.

Но заносится он вовсе не собирается. С друзьями он скромен, хотя его творческий вклад в шкатулку классической литературы несомненным весом. Не какая-то, как говорили древние греки: небольшая, очень маленькая лепта.

И вот при упоминании о древних греках, которые, когда они жили, любили и не подозревали, что они древние, просто необходимо познакомить читателей с «Монологом юноши из Афин» обращенного к своей возлюбленной. Он написан Раевским сонетом о неадекватных взаимоотношениях молодых людей.

Молю, люби, я твой от чистых звезд,
Из нежности гармоний и созвучий.

Доверчиво воззвал счастливый случай
К ногам твоим… Как мил мне этот пост!

Буколикой гетер не подкупить,
Им слышатся иные восклицанья,
Пусть таинством бесславного мерцанья,
Но мне дано предвидеть и светить…

Кто вправе порицать мои порывы
И чувства отдавать на суд молвы?
Нет чище мысли трезвой головы,
Не верь тому, кто манит чашей льстивой…

И женщину он выпьет словно мед,
Он исцелен, а боль взамен дает…

Заверения юноши из Афин о своей небесной чистоте и доверии к себе произносит, припав к ногам гетеры. Для разъяснения этого термина прибегу к диалогу Василия Ивановича с Петькой, который вычитал в газете: «На свои оргии патриции приглашали гетер». Петьке непонятны эти древние слова, а Василий Иванович ему мудро разъясняет: «Оргии – это пьянки, а гетеры, Петька, - проститутки. А патриции, так это, наверно, опечатка. Это партийцы, Петя!». Но юноша возмущен тем, кто осуждает его порывы страсти. Никто не вправе чужие чувства отдавать на суд мещанам, толпы. Но самая главная интрига монолога в вердикте поэта: «И женщину он выпьет словно мед, он исцелен, а боль взамен дает…».

И развратная женщина мечтает о любви, а льстивый покоритель дамских сердец её не дарит, а только сам получает сладчайшее: как мед наслаждение своим безразличием, топчет рабскую надежду гетеры, причиняет ее сердцу боль.

Но вместо осуждения порока юноши из Афин гнев обывателей обрушивается на, ни в чем неповинную голову поэта. От нападков недоброжелателей бросился защищать Раевского Александр Ожегов своим острым, как острие шпаги словом. Это было в 1992 и события тех «лихих» девяностых ощущается в статье Ожегова:

«Удивительные всё-таки ощущения происходят в напряженные дни перехода «от развитого социализма» к «дикому капитализму». В наши смутные времена мутнеют и прежде такие чистые

идеологически «отмытые» облики вождей и героев, прославленных «инженерами человеческих душ».

Да что там говорить. Нередко даже человек, давно знакомый тебе, добрый и бескорыстный в дружбе, вдруг оборачивается таким рыночником. Что чуть ли не в ужасе от него откатываешься, услышав в ответ на обращение о дружеской поддержке нечто вроде: «Старичок, а что я буду с этого иметь!».

Времена меняются и горе людям, что не меняются вместе с ними. Так, кажется, гласит древняя пословица. Но разве меньше горюют те, кто меняется? Возможно ли, без горечи расстаться с идеалами «светлого будущего»? да и что взамен?».

Конечно же, и сам Раевский великолепно владеет острым словесным оружием, как острие шпаги. И мог бы и сам взяться за эфес шпаги и отбить нападки недругов. Но он хранит свое оружие не в ножнах, а в бархатном чехле, обескураживая своих врагов улыбкой. Но трудно всегда оставаться д`Артаньяном с его задорным девизом: «Один за всех!». Когда тебе в ответ отвечают не «И все за одного!», а «Все на одного!». Тут сразу вспомнишь о верных друзьях, хотя бы об Атосе, Партосе и Арамисе.

А за «Монолог юноши из Афин» вступился Владислав Шошин. За то, что Раевский оказался и к античности причастен, а не только к российским рябинкам да березкам, любуется ими. На него квасные патриоты и набросились.

– А, и Древняя Греция тут – не верхоглядство ли это? – прицепились к Раевскому.

– Но вспомним, – пишет профессор, ведущий сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук Владислав Шошин, – что непременный предшественник Раевского Петрарка обращался к античному миру. А главное, что истинность поэзии проверяется её естественностью. Автор стремится «туда, где виден взору истинный рассвет» и трав оберегает бирюза поэта откровенные глаза». Вслушиваешься и вдруг ловишь себя на мысли, что естественность строк опирается на отсутствие образных вывертов и нарочиты рифм. Автор словно помнит слова Гейне о том, что красивые рифмы нередко являются костылями для хромых мыслей. Красоте – да! Красивости – нет! При всей своей напористой страсти сонета открывается путь к раскованной лирике, ведь сонет

в переводе с провансальского - это песенка. А уж быть своеобразным поэту в свободной лирической форме и сам Аполлон повелел».

Слова профессора Шошина умны, великолепны и остроумны. Уместно вовремя он ввернул про «красивые рифмы» и «костыли для хромых мыслей». Но нельзя представить слово и самому не такому уж, беззащитному поэту, очарованному античностью. Он призывает шумящим морским волнам быть тоже потише, поскромнее, чтобы не спугнуть мечту, которая и повелевает поэзией.

Смотрю сквозь виноградную лозу
На желтые колонны Херсонеса.
Взгляд амфитеатра, странный и белесый,
Упавший храм, скрывающий слезу.

Шум моря, крик дождя и ожиданье
Загадочного окрика времен.
Здесь жили греки, жаль, что их имен
Не знаю я, но истиной мечтальной

Я словно помню их, предчувствую и слышу,
Весь древний мир во снах передо мной.
Вновь шум морской… Пожалуйста, потише –
Мечты спугнешь. Не стань тому виной…

Стихотворение у Раевского без названия, но было бы уместно назвать его «Повелителю прибоя» или же «Загадочная душа погибших героев». Какие только живописные картины не возникнут, когда смотришь сквозь виноградную лозу и видишь страдания обрушившегося храма, который мужественно скрывает набегающую слезу отчаяния. А взгляд этот у него отрешенный, «странный и белесый».

После размышлений о вечности, которые навевает «храм, скрывающий слезу». Хочется непременно вернуться к высказыванию Гейне о красивости рифм и хромых мыслей.

При всем моем уважении к Гейне, мне хочется подискутировать с классиком. Мысль у него самого неплохая, не хромает, но в ней он однобоко рассматривает ситуацию поэтического творчества. Гейне считает, что за красивой рифмой зачастую скрываются хромые мысли, им служат костылями прекрасные рифмы!

Но если рифмы добротные и красивые, а мысли поэта не передвигаются, ковыляя и хромая, на самодельных, неуклюже ско-

лоченных костылях, если они передвигаются по стихотворному пространству легко и грациозно, а иногда даже пританцовывая? А именно так ведут себя рифмы и мысли в сонетах Раевского. В них поэт представляет читателям и другие атрибуты поэзии: образность, метафоричность, живописность, так же грациозно и даже грандиозно. Когда читаешь такое грандиозное, вселенского масштаба образное выражение Евгения, как например «подковой счастье согнута луна», оторопь берет. Откуда это у Раевского берется? Да с молоком матери.

Я это понял, случайно услышав за стеной, такая уж у нас в современных квартирах звукоизоляция реплику соседки, успокаивающего полугодовалого ребенка. Он что-то пытался объяснить матери, а поскольку говорить не умел, то бурчал, ворчал что-то, а иногда и кричал. Мать его не понимала, но очень спокойно спрашивала у полугодовалого ребенка, не сюсюкая, а совсем как у взрослого: «Евгений, (это-то совпадение меня и заставило задуматься» ну что ты от меня хочешь?». А соседский мальчик хотел, как любые народившиеся человеческие существа внимания и любви. Той любви, которую воспевает его тезка.

Вот так, но другой Евгений – Раевский с самого детства хочет, чтобы в его стихах и рифмы были красивые и мысли грациозные и образы грандиозные. Он хочет, чтобы в небесах всегда наряду с мириадами звезд сияла и Луна, светилась людям на счастье «согнутой подковой счастья» самим Творцом. Полнолуние, когда Луна круглая бывает значительно реже, чем она появляется на небе серпом, полумесяцем. «Подковой счастья согнута Луна» - это высший пилотаж для любого поэта. Шик и блеск. Но, чтобы вы убедились, что и во всем остальном у Раевского нет изъянов, привожу четверостишие полностью:

Подковой счастья согнута Луна,
Мир сумерек отмечен появленьем,
Глоток волшебный лунного вина –
И я с тобой – господнее веленье…

Так почему же Евгений, который подарил свой поэтический образ на счастье всему человечеству: «подковой счастья согнута луна», завидуют? Гордиться бы надо…

Эпоха подлости и гнусного обмана

Стихотворение «Нам лжет эпоха» написано Евгением Раевским в начале девяностых. Об этой лихой године столько много сказано, но еще больше несказанно. Столько осталось нераскрытых тайн и загадок, потому что народных сказителей в эпоху подлости и лжи и гнусного обмана, в общем-то, не было. Кого-то, кто не умел держать язык за зубами, зная тайны, отправили в мир иной. Другие, кто не торопился уйти туда, откуда еще ни один из простых смертных не возвращался, держали рот на замке. А ключ, что был соблазну не поддаться и открыть замок, выбрасывали, как в русской сказке в сине море, чтобы все концы в воду канули, спрятать от наслушивавшихся больших ушей тайну, которая несет знающим её смерть. Потому и придерживались принципа, который можно сформулировать так: «Врать не хочу, а говорить правду рано…».

Но Раевский говорил правду и тогда. Но говорил не только о тех, кто лжет эпохе, но и том, что эпоха лжет нам. Да вот беда от имени эпохи выступали как раз те, которые лгали и обманывали народ, выдавая себя за истинных радетелей Отчизны. Это-то теперь стало понятно. Но Евгений Раевский, я уже писал о его даре предвидения, что он за пятьдесят лет предсказал будущее, а теперь каким-то образом угадал, чем закончится эйфория девяностых – разочарованием, обнищанием, коррупцией. Вот ныне и приходится героически преодолевать самим же сотворенные трудности, биться с этим трехголовым Змеем Горынычем. Но довольно ораторствовать, читайте его стихотворение «Нам лжет эпоха»

Нам лжет эпоха, мы эпохе лжем.
Как ложь опустошает нас и время!
Вредит само себе людское племя,
Мир языком изрезан, как ножом.

Наивнице-России не к лицу
Бездушье иностранных обновлений,
Мы золотому молимся тельцу,
Вкусив плоды своей российской лени.

Дешевый блеск дешевого вранья
Приводит к власти подлого героя,

И замерзает веры полынья
Средь льда демократического строя.

Вернитесь, люди, к подлинной Руси,
Патриархальной, искренней, свободной.
О Господи, спаси ты Русь, спаси
От лжи, от истерии инородной!

В первом четверостишии Евгений и показывает, что словом можно не только вдохновлять народ, но и убивать его, убив сначала лживым словом идеалы страны. Вот такое обоюдоострое оружие – слово, язык. И потрясают до глубины души, пронизывают до мозга костей чеканные фразы поэта: «Мир языком изрезан, как ножом», «Ложь опустошает нас и время!». Глобальная картина открывается Раевским всемирной глобализации. Но он не только клянет иностранную бездуховности, а костерит и в хвост и в гриву в основном-то нашу российскую лень.

В 60-х годах двадцатого века в Советском Союзе наступила вроде бы политическая оттепель, люди вдохнули в грудь глоток воздуха свободы. Но, когда провалилась в девяностые гласность, превратившись в пустую болтовню, в «дешевый блеск дешевого вранья», приведя к власти «подлого героя», то произошло то, что и должно было произойти – замерзло «веры полынья», наступил новый ледниковый период «демократического строя».

Словосочетание «демократический строй» я взял в кавычки не только для того, чтобы обозначить авторские слова Евгения, а подчеркнуть свою иронию образа трехголового Змея Горыныча, о котором уже упоминал ранее. Чиновничья коррупция, как ржа железо настолько ослабила политическую конструкцию общества, что может обрушиться из-за такой штуки как сопроматовская «усталость металла». И погибнуть, похоронив под обломками ржавого металлолома страну. И поэт обращается в самую высшую инстанцию, взывает: «О Господи, спаси ты Русь, спаси от лжи, от истерии инородной!». Это поэт Раевский умеет говорить искрометно и умещать в паре слов смысл, который в компьютере занимает несколько гигабайт. А я, как прозаик, хочу произнести речь долгую и нудную, но её нужно дослушать до конца, чтобы осознать величие сказанного Евгением Раевским. Чтобы нам потом не пришлось объявлять, как во

Франции самый высший алый уровень угрозы терроризма. Сумасшедшие или лицемеры тот, кто говорит ложь, но ведь сумасшедшие и те, кто её слушает. Мы говорим, что власть не борется с богатыми, коррупционерами, что деньги управляют у нас в стране, а не власть. Сейчас прав не тот, у кого больше прав и тот, у кого больше денег. Вот в этом-то и собака зарыта. В этом и есть недопонимание некоторых слоев общества о сути власти. А она вот в чем: власти не может быть без денег. Зато те, кто имеет деньги и является властью. Вот и молятся сейчас некоторые не Богу, а золотому тельцу, новой элите. Но огромные деньги имеют в основном люди, которые оказались в нужном месте и в нужное время около нужных чиновников близких к власти, а значит и деньгам – бюджету страны. Они приобрели состояние не умом, не трудом, а получили не заработанные деньги, миллиарды. Но издревле известно, что с легко доставшимися деньгами так же, легко и расстаются.

Поэтому «олигархи» и не являются уважаемыми людьми страны. Их общество не считает элитой. Но уже есть люди, которые сами заработали миллионы, которые ценят заработанные деньги, но не покоряются золотому тельцу, как идолу, считая капитал необходимым ресурсом для бизнеса. Вот эти люди, образованные, креативные и войдут в новую элиту общества. Они не позволят определить основу России одним кратким словом, как это сделал Антон Чехов, когда у него спросили, можно ли назвать главную черту чиновников тогдашней власти. Антон Павлович, не раздумывая, ответил: «Пошлость».

Но случаются и парадоксы. У Евгения Раевского нет миллионного капитала. Зато и интеллектуального капитала не занимать. И вот такие люди как Раевский были, есть и будут настоящей элитой нашей многострадальной России.

Из-за низкого уровня олигархической культуры их представителей и называют в народе – животноводами, подразумевая еще более унизительное название этой части «элиты» - животные.

Да и денежный ресурс не самое главное в бизнесе. Важнее иметь технологии, научный потенциал, а не деньги и творческий и интеллектуальный потенциал. А он у Евгения Раевского высок. Не зря же раньше пропагандировали две эти составляющие, приводящие свободное общество к капиталу: новейшие технологии и куль-

туру творчества. В разговоре со мной Раевский сказал, что лучшими меценатами, которые поддерживали материально великую русскую культуру, литературу, живопись, богатые промышленники и купцы. Вот почему и стал в конце двадцатого в начале двадцать первого века Евгений Раевский возрождать Русскую Академию основанную Екатериной Дашковой с помощью императрицы Екатерины Великой и добился своего. Академия русской словесности и изящных искусств – это главное достояние республики и главный капитал самого Президента Академии Евгения Раевского.

Рассматривая стихотворение поэта посвященное памяти Игоря Талькова, я коснулся только личного отношения Раевского к своему коллеге. Но в нем много строчек посвящены и нашей стране. О чем я не стал говорить до поры до времени. Но вот эта пора настала.

Прости, Поэт, несчастную страну,
Что выродки ведут к венцу позора,
Где даже Бог остался без призора,
Где песня и поэзия в плену.

Страна моя, взываю я к тебе.
Россия, защити своих поэтов –
Они твоя ценнейшая примета,
Рожденная в страданьях и борьбе.

Насилье порождает нищету,
Грозит гражданской бойней до Потопа,
Толпой овладевает рабский ропот
Без цели и без права на мечту.

Певец, ты звал народы к Доброте,
Под купола Свободы для Отчизны.
Оборван зов… Но рано править тризну
По песням, присягнувшим на Кресте…

Поэт Раевский просит прощения у погибшего поэта Талькова за нашу несчастную страну, которая из-за нравственных уродов не может защитить свое же достояние – литературную элиту.

Один философ сказал, что в людской мерзости самое страшное не мерзость, а привычка окружающих к ней. Когда люди становятся равнодушными и не обращают на страдания и беды. А у поэ-

тов есть противоядие против привычки к мерзости – это их поэзия. Поэтому поэт и взывает к России «защити своих поэтов» они же её «ценнейшая примета» и достояние. Великая русская литература всё еще является во всем мире русским брендом.

Алые паруса поэзии Раевского

В предыдущей главе я приводил пример, к чему может привести человеческий экстремизм. В связи с этим об алом, высшем уровне угрозы терроризма. Хотя терроризм и экстремизм уже, а бесовское наваждение в котором нет ни капельки, ни капли святого. Из этого явления торчат не только уши, а клыки сатаны, которой забрал или купил души своих адептов и посылает террористов сеять смерть, убивая даже ни в чем неповинных детей.

А Евгений Раевский в «Алой мистерии» ему было в то время 33 года, возраст Христа, в котором он принял мученическую смерть, распят на кресте, пытался создать позитивный романтический образ. Но в отличие от романтика двадцатых годов двадцатого столетия Александра Грина, создавшего романтическую историю любви, почти как в сказке о Принце и Золушке, где Принц пообещал девушке, что однажды из рыбацкой сели утром причалит к берегу рыбацкого салка на прекрасном корабле с алыми парусами. В повести Грина «Алые паруса» счастливый конец. Мечта двух влюбленных осуществилась.

А в «Алой мистерии» поэт Раевский не сподобился до создания мифа о любви. Он нежно, бережно и трепетно относится не только к романтике любви, а и к жизненным реалиям. О них давно сложена народом поговорка : «Рад бы в рай, да грехи не пускают».

В «Алой мистерии» Евгений не принял на вооружение и сюжет Грина. У Раевского в «Мистерии..» появляется не корабль с алыми парусами на горизонте, а с обыкновенными белыми. Белел, белел одиноко парус в лазури неба голубой, а потом закатное солнышко сыграло веселую шутку над зрителями, которые любовались белым парусом, порхающим вдали моря, на его волнах. Красное солнце, отразившись на белом парусе, превратило его в алый.

Парусник превратился в прекрасный мираж, в алое марево. Такое загадочное и манящее марево – умчаться к Алой мистерии по волнам моря, очутиться внутри сказочного явления природы, по-

верить в романтику любви и сказку, как когда-то в далекой юности.

У Раевского сомневаются в реальности «Алой мистерии» не люди, а сам кораблик с алыми парусами. Он не позволяет людям прикоснуться к чуду и скрывается за горизонтом. Поэт раскрывает суть разочарования в одной строфе мистерии:

Не верит нам тот, кто владеет судном,
Средь нас живут губители чудес,
Их силою возводятся запруды
Ковчегам счастья… Уготован стресс…
Уходит парус… Не свершилось чудо!

Но и на этом не останавливается поэт, он показывает причину, даже причины от которых и приходят люди в отчаяние:

Отчаянье… Но в чем его приметы?
Нас удушают множеством идей:
Мы во дворцах блефуем в стиле ретро,
Крик в пустоту исходит с площадей –
Амбиции взаимно безответны.

Общепринято понятие, что аналитическое исследование какого-то общественного явления сухо, скучно и интересно только для педантов историков-архивариусов, Раевский опрокидывает и ярко и сочно пишет, двадцать лет назад о недавних событиях на Болотной площади и других московских митингах.

У возмущенной толпы нет общей цели, единства. Их «удушают множество идей». Сами того не понимая, митингующие уподобляются скорпиону, который иногда в ярости наносит смертельный удар шипом с ядом, расположенным на хвосте его, не по противнику, а по своей собственной голове.

Евгений отмечает, что заходя во дворцы властителей, сотрясатели воздуха «блефуют в стиле ретро». А разве блеф-обман видящие, да не увидят?

И все вопли и крики, возникающие на площадях, уходят в пустоту не услышанными властями и, по большому счету, народом его основной массой. У всех площадных бунтарей «амбиций взаимно безответны». Поэтому и остаются не услышанными «революционеры». Кто же будет вникать во взаимные амбиции их, если обе сторо-

ны, а может быть и несколько сторон безответственны в своих требованиях наподобие Калигулы: «Хочу Луну!». Народная мудрость гласит: «Если ты хочешь, чтобы тебя услышали, говори тихо».

Но не только в будущее обращал взгляд поэт, а и в прошлое: «На горизонте вспыхнул алый парус, как знаменье… стяг счастья! Это ты?». Но и в прошлом Раевский не находит ответа на свои вопросы, а зато, как рождалась мистерия он великолепно живописал:

Вобрало море эту теплоту,
Перемешав алеющие блики.
Каприз стихий меняет на лету
Фрагменты дня – предельно многоликий
Мгновений феерический салют.

И «Алая мистерия» Раевского стала феерическим поэтическим произведением. Хотя надежды у зрителей соприкоснуться с чудом поубавилось, но ведь надежда умирает последней.

Вот и Евгений Раевский в финале оставляет неопределенность. Он опять задает риторические вопросы себе, читателям, на которые нужно отвечать самому себе, каждому из нас. Но знаем ли мы заведомо правильный ответ?

Не потому ль ушел наш парус алый?
Он близок был, но все-таки уплыл…
Стыдливо-красной влагой блеск на скалах,
Мистерия надеждою не стала,
И чьи-то крики ветер перекрыл…

Чем же могут закончиться походы на площади? Крики демонстрантов перекроет ветер? Или «стыдливо-красной влагой блеск на скалах» потускнеет, превратиться в кровь людскую. Она, как известно, хоть и влага, но не водица. А в «Алой мистерии» Евгения Раевского ярко красное закатное марево помаячило, поманило, подразнило зрителей и по законам природы, скрылось за горизонтом под напором тьмы наступающей ночи. Хотя, может быть, за горизонт скрылось только дневное светило, которое на следующее утро взойдет над землей с другой стороны. А кораблик с обыкновенными белыми парусами не спрятался за горизонт, его просто окутала тьма ночи, он же бросил якорь и дожидается утреннего восхода солнца. А

причину наступления ночи знали философы и в древности. Это закат солнца. Гаснет свет и наступает тьма ночи. Естественная смена дня и ночи – день ночь – сутки прочь. Но я довожу до гротеска сказанное поэтом. Нельзя же так великую идею опошлить до примитивности. А читателям советую внимательно прочитать вновь да не один раз, а несколько. Тема-то затронутая поэтом-философом не только ярка, но и актуальна во все времена, а потому вечна, как все гениальное.

Сомнение присуще поэту Евгению Раевскому. Ведь не сомневаются только дураки. А Раевский не только сомневается, он еще постоянно находится в муках творчества. Потому-то и счастлив вдвойне. Вот о своих муках творчества и делится Евгений со своими коллегами-поэтами. Его сонет так и называется «Поэту». Прочитав этот сонет Раевского, мне удалось заглянуть за театральный занавес, за которым поэт творит, чтобы после как театральный занавес распахнется и Раевский останется один на сцене, все услышат такую прелесть, как например, его «Алая мистерия» или то, что я сейчас процитирую, сонет «Поэту».

Проснешься ли ты завтра знаменитым,
Не подмешав страданье в свой талант?
Из жизни ты вытаскиваешь фант –
Удачлив миг, а завтра стал забытым.

Измучен мозг, изгрызен карандаш…
Ты – в истине, достоин продолженья.
Ужель твой ямб в оружиясложенье?
Не взять хореем мысль на абордаж?

Нет! Подлинное вечно и желанно,
Поэзия пленительна, как власть.
Чем пламенней рифмованная страсть,
Тем жизнь ее полней и многогранней…
Но вот и я искомкал черновик –
Все сызнова, не выстрадал, не вник.

Тут уж не за кулисы заглядывает читатель, а в творческую мастерскую поэта, на его литературную кухню. Говорят, что поэзия – соль литературы. Она остра и придает ароматный вкус ритмическим и философичным строчкам величие от более пресной пищи –

прозы. Но если пересолить? Раевский чувствует меру и его сонеты читаются взахлеб. Разве прочтешь равнодушно хотя бы двустишье, которым Евгений оканчивает сонет «Поэту»:

Но вот и я искомкал черновик –
Все сызнова, не выстрадал, не вник.

Бессонная ночь, страдания, муки творчества – всё псу под хвост. Отбрасывается в сторону изгрызенный из-за нервозности карандаш, скомканный черновик пулей летит по ниспадающей траектории в корзину для мусора и бумаг.

Не сумел подыскать нужную щепотку соли поэт «не подмешав страданье в свой талант» и вся поэзия стиха пошла насмарку. Один «удачный миг» не делает поэта знаменитым. Махнул цветистыми словами, как бабочка крылышками, скрылся с глаз слушателей – и про твой яркий стих уже позабыли. С глаз долой – из сердца вон.

Так что же заставляет поэта снова остро заточить огрызок карандаша, достать чистый лист бумаги, взглянув на него благоговейно, как на икону. Лучше самого Раевского уже не скажешь: «Поэзия пленительна, как власть».

Вот этого признания поэта, нравственного этого постулата и не могут простить ему мнимые друзья или завистники, которые прикидываются друзьями. Они-то практичные и прагматичные, восторгающиеся поэзией пропустили бы мимо ушей восторг Раевского, услышав только первую часть фразы – «поэзия пленительна». Кивнули бы снисходительно головой: «Воистину пленительна! Но не как власть». Поэзия – эстетическое наслаждение, но никогда не сравнится с упоением властью. Власть материальна и приносит материальные блага. Поэт – блаженный и должен быть голодным, чтобы создавать бесценные шедевры. Поэтому не надо приплетать поэзию к власти. Власть превыше всего.

Слепцы не увидели истинное предназначение культуры, поэзии, которая властвует над людскими умами. По своей глупости извратили понятие власти. Власть не материальна – она духовна. Поэт Раевский великодушно пытается, чтобы у слепых спала пелена с глаз, и они прозрели. Если не получится, готов стать бескорыстно их поводырем. А глупцов пытается вразумить. И пишет послание, нет-нет не в Сибирь, туда сослали настоящих друзей поэтов, у кото-

рых пламенное сердце. Евгений пишет послание «Бессмысленным друзьям»:

Солгал бы я бессмысленным друзьям,
Достойный лжи всегда ее получит,
Но я не рыл талантам мнимых ям,
Меня вообще чужая ложь не мучит.

Да, я не прост, судите – не боюсь,
На солнце тоже ямы есть и пятна,
Вам за меня заплатит ваша грусть,
А я давно свой смех даю бесплатно.

О, господа, ну что, вам нечем жить?
Полно на свете дел и увлечений.
Свет ложью не умеет дорожить,
Мне дорог свет сквозь грусть своих мучений.

Но дайте мне страдать, творить, любить,
Позвольте растворяться без остатка,
От вашей лжи мне совестно и гадко,
Зачем же вам чужое сторожить?

Последней фразой только подчеркивается бессмысленных «друзей», которые сторожить-то не умеют, а вот украсть или оболгать – мастера-«золотые руки». Денег нахапали много, а потратить с толком не умеют. Вот и швыряют бездарно направо и налево неправедно полученное богатство.

А лирический герой умоляет только об одном, чтобы они не мешали ему «страдать, створить, любить». Ведь он не собирается зарывать свой талант в яму и давно раздает свой веселый смех бесплатно: «Берите его, господа, нахаляву как это у вас принято».

Зато поэт Раевский твердо убежден, поскольку и сам требователен к себе до щепетильности, что у самого талантливого поэта не найдется и десяти по настоящему великих стихотворений. А Евтушенко считал, что если читателям понравились хотя бы его три стихотворения, то он может с гордостью называть себя поэтом.

Евгений, почувствовав силу творчества, осознал, что бороться со своими «друзьями» не имеет смысла. Зачем бороться с бессмысленными существами с помощью разума. Сам в этой борьбе

станешь таким же бессмысленным, как и они. Настоящая победа на поэтической ниве за вечными ценностями. Вот за них-то и стоит бороться, отстаивая истинные идеалы. Евгений увидел, что наше время противоречий в борьбе материального с духовным. Но это не затяжная окопная война, а прорыв взбунтовавших людей, которые стали бунтарями не по убеждению, а из-за своего невежества.

– В этом хаосе невежества тонут вместе с истинными человеческими чувствами материальные и нравственные маски, – говорит Раевский. – Любовь в нашем обществе превратилась в чувство на коммерческой основе, а брачный союз – в жалкое наподобие семьи. И если говорить о возрождении России, то возрождать нужно, прежде всего, духовность. А значит, в первую очередь умение любить.

– Поднять любовь высоко на щит сможет только поэзия, – считает Евгений.

Вот потому и во всех его сонетах, а пишет поэт в основном сонеты, главная тема – любовь. Не только красота спасет мир, как заявляет классик Федор Михайлович Достоевский. Евгений Павлович Раевский уверен, что любовь спасет мир. В том числе и его. Поэтому он и умоляет поэзию «Спаси меня». Этими словами начинается стихотворение «К Поэзии».

Спаси меня, Поэзия, спаси!
Тебе я доверяюсь без гордыни.
Возлюбленной единственное имя
Со мною в трудный час произнеси.

Дай пламень чистоты непревзойденной,
Разящей восхитительно, до слез.
Пусть злобным не понять меня всерьез –
Рассудок злобных светом уязвленный.

О, дай мне сил навек соединить
Мерцанье строк в защитное светило!
Как больно ранит душу черной силой,
Но свет струится раны излечить.

Я чувствую, как мысль, соединяясь
Нервозно, хаотически с тобой,
К Любви моей влечет людскую Зависть,

Но я не ощущаю эту боль.

Безумием бездарных не страдаю,
От них защита – труд и красота.
Быстрее от восторга зарыдаю,
Когда услышу пенье с губ листа.

Вот программное стихотворение русского поэта Раевского, его кредо. Он не подвержен «безумию бездарных». Когда-то в «Песне о Соколе» максим Горький сказал: «Безумству храбрых поем мы песню», противопоставляя Сокола, рвущегося в полет, в небо с обломанными крыльями Ужу. Чтобы хоть на миг ощутить свободу полета, гордая птица бросилась со скалы и разбилась насмерть о прибрежные камни моря. А обыватель Уж решил последовать примеру Сокола. Он не мог понять пафоса автора «Песни о Соколе». Уж не собирался петь песнь о безумстве храбрых. Он считал Сокола просто безумцем.

А в голосе Раевского «безумие бездарных» звучит грозным предупреждением всем талантливым людям. Бездарь возомнивший себя гением семи пядей во лбу, на котором граница волосяного покрова головы пролегает по линии бровей, не только безумен, он еще и социально опасен. Такие привыкли крушить все на своем пути, что под горячую руку им попадется. А настоящих гениев они уничтожают с особым цинизмом и садизмом. Такое у них темное нутро, которое «больно ранит душу черной силой» любого человека, у кого есть божья искра. А талантливого ненавидит лютой ненавистью… и только за то, что тот мечтает «навек соединить мерцанье строк в защитное светило». Такой поэт, обожествляющий Поэзию и молящийся на чистый лист бумаги, как на икону, может зарыдать от восторга, когда из своих написанных строк услышит «пенье с губ листа».

Чувствует ли вы, уважаемые читатели, вникая в прелесть сонетов Раевского, что у страницы книги «Ученик Петрарки» вдруг открываются, как у человека, губ и из этих уст слышится песенная мелодия слова сонетов Евгения, начинают звучать, превращаясь в песню или романс. Он стал сочинять стихи с четырнадцати лет, но путь к вершинам Поэзии был долог и труден.

– Я был сначала просто повествователь, – вспоминает Евгений. – Не лез в глубины души человеческой. Но спустя некоторое

время понял, что созрел, чтобы рассказать о любви – нравственном влечении двух душ и тел к друг другу. То есть нравственность, построенная не на расчете к женщине. Я сам отношусь возвышенно, я восхищаюсь ею, я осуждаю ее, ревную и корю. Иногда даже ненавижу, но все равно люблю и боготворю.

Как-то, давая интервью, Евгений Павлович ненамеренно на журнальный столик положил свою рукопись, на которой было написано «Посвящается женщинам, кошкам и собакам».

Увидев недоумение в глазах журналиста, Раевский пожал плечами и ответил:

– А что? Животные как и женщины – чуткие, добрые и преданные существа. Я сам по натуре кот. После этого высказывания поэта о женщинах, где он сравнивает их с домашними животными, невольно приходят на ум стихи Сергея Есенина:

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве,
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Великие мысли и образы, посланные избранным людям Богом, могут у этих избранных клонироваться, трансформироваться, перевоплощаться в еще более сложные коллизии в другие подобные, но более великие мысли.

Восторженная любовь

Именно такое чувство решил воспеть поэт Евгений Раевский в «Восторженном сонете»:

Еще вчера вся жизнь рвалась на части,
Теперь для нас собралась вещей новью,
Вхожу в тебя душою и любовью,
Движений обливных вбираю счастье.

Лилейность плеч, волос твоих касанья,
Прохладный плеск груди и губ цветок,
Святые ласки глаз, восторг дыханья –
Всем полнюсь я, как чувственный поток.

Величье торжества, где пальцев ожерелье
Сомкнула ты, а влагу губ и глаз
Смешала в повелительный приказ
Поющим быть во власти откровенья.

Здесь повелитель я… Но ты – царица,
Которая, любя, мне подчинится.

Лирический герой «Восторженного сонета» постигает милость любви, входя в ее царственные покои «душою и любовью». Величественен облик его королевы: «лилейность плеч», «прохладный плеск груди», «губ цветок» их чувства сливаются в единый поток и не герой уже хозяин положения, а Женщина. Она обладает такой властью, что молча, уголками глаз отдает приказы. И мужчина безропотно исполняет их, но… У любви свои законы. В ней нет повелителей и подчиненных, рабов. Оба партнера одновременно участвуют сразу в двух ипостасях: он – повелитель и раб, она – рабыня и повелительница.

На этой ноте и оканчивается «Восторженный сонет»: «Здесь повелитель я… Но ты – царица, которая любя, мне подчинится».

Ирония? Несомненно. Но ирония иронии рознь. Всего два четверостишия, но какая! Посвящены капризной женщине, которая уподобляется тоже царственной особе – Клеопатре. По древнему преданию или легенде, Клеопатра могла отдаться любому мужчине, согласившемуся после бурной ночи любви, положить покорно голову на плаху, где ему палач укоротит рост, ровно на высоту головы, любовнику на одну ночь для Клеопатры. В наше время уже нет таких роковых и кровожадных женщин, как египетская царица. Но любая прекрасная и капризная дама мечтает провести испытание на смелость для своего избранника. Но и тут вмешивается в чистую любовь нотки узурпатора или узурпаторши. А потом влюбленные казалось вроде бы даже до гроба, почему то вдруг понимают, что никакой любви-то и не было. Так каприз:

Поймешь ли ты: каприз – смешная мелочь,
Союзница бездумной красоты.
Зачем во мне ценить мужскую смелость
И искажать той смелости черты?

К ногам твоим я нежность лью до капли,
Следов на ней никто не оставлял.
О, если бы писал я Клеопатре,
То никогда бы слогом не сиял…

Но на этом сиятельном экспромте Раевский не остановился. Женщине можно простить и капризы и шалости, если это отдельные прихоти характера. А если каприз – основа характера? Как тут быть? И поэт Евгений Раевский начинает, как археолог, а в юности школьник Женя занимался в историко-археологическом кружке во дворце пионеров и даже побывал в одной археологической экспедиции, ездил на раскопки в Сибирь, начинает копаться… в своей душе. Нельзя все беды и несчастья от несостоявшейся любви перекладывать на плечи хрупкой женщины.

Надо бы и в себе любимом разобраться. Не в самом ли себе кроется причина разрыва взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

У историка и философа Ключевского есть любопытное высказывание об исследовании своего и чужого характера: «Наблюдение чужих пороков очень полезно для самоисправления: собственный порок становится особенно противен, когда увидишь его в другом и почувствуешь, как неприятно обладать тем, что сейчас осмеял, ибо мы любим осмеять всех и вся, кроме себя и своего».

После всего сказанного и размышлений Раевского посмотрите как поэт, под каким углом зрения рассматривает женский каприз:

Ах, настроенье, в чем его причины?
От женского каприза спасу нет,
Но если Вас так чувствует поэт,
В его Вы сердце сердцем облачимы…

Вы поняты как утро, как Весна,
И стоит ли осенней притворяться?
Я пробовал характеру вверяться –
Душа моя для чувств была тесна…

Вот так-то. Утреннее, весеннее настроение вмиг ускользает, когда вместо солнечного сияния улыбчивой Весны он наталкивается на хмурый нарочито осенний взгляд любимой женщины. Это она из-

за каприза пытается изобразить свою холодность и обиду за якобы невнимание своего милого. А на него обрушивается холодный душ, как будто ушат воды на него опрокинули.

Но всё что, ни делается, делается к лучшему. Поведение капризной дамы навевает мне воспоминания. Однажды мне пришлось услышать и увидеть в кинофильме такую сценку. Полноватая певица, сказать, что она очень толстая язык не поворачивается, в кабаре надрывно хриплым пропитым и прокуренным голосом исполняет популярный развеселый шлягер: «Вот они условия, вот она среда. А впрочем для здоровья полезны холода». Да, да иногда и внезапный холодный душ полезен, чтобы оценить обстановку без примесей горячечной влюбленности.

И тогда-то у поэта рождается стихотворение, посвященное «Кокетливой женщине»

Меня влекут желанные и только,
Я без любви средь женщин нелюдим.
И пусть подчас мне тягостно и горько,
Я остаюсь с фантазией один.

То памятью униженный до грусти,
То завистью искусанный до ран,
Надеюсь, что Судьба в Любовь отпустит
Без права на страданья и обман.

У похоти во власти гибнет Нежность,
Не слышен зов души, черствеет мысль,
Глупа и ненадежна безмятежность,
В которой мы от сердца отреклись.

Здесь вскрыты страдания поэтом через любовные переживания лирического героя. Он и памятью своею же унижен и искусан клыками злобной завистью, что душа превратилась в жалкие лохмотья. Похоть и её удовлетворение не может заменить нежность и любовь. И герой клянет свою глупую безмятежность, от которой перестает слышать зов души, а свежие и светлые мысли черствеют и темнеют.

У Вацлава Воровского есть высказывание, иллюстрирующее стихотворение Раевского «Кокетливой женщине»: «Есть духовные

ценности, без которых не может существовать человек, по крайней мере, обыкновенный, средний человек. К ним в первую очередь принадлежит нравственная мирооценка. Если вы отнимите у человека его этический критерий, не давая ему нового, - вы погружаете его в мрак, вы толкаете его, слепого, на бездорожье, готовите ему погибель».

А Евгений Раевский не желает мрака и гибели людей, потерявших нравственные ориентиры и этические критерии. Он своим поэтическим творчеством несет свет истины, весеннее настроение и дарит влюбленным искренние, светлые лирические стихи. Один такой сонет Евгений посвящает «Женщине весны».

Изящный взгляд весенних глаз,
Скольжение из рук великолепья,
Сил трепетность благих волшебной цепью –
Вот то, что истолковывает Вас.

Порой непониманье Ваше – месть
За зрелость любящего Вас так романтично,
Но честность Вашу движет только честь,
А это людям нынче непривычно.

Я Вас умою майской чистотой
И оберну в сияние восторга.
Любовь и рифмы в истине простой,
Она Вас из сомнения исторгла.

Да будут так все женщины честны,
Как Вы, мой свет, как Женщина Весны!

Мудрецы говорят, что жить вместе, вдвоем целая наука. А любить друг друга это целое мировоззрение. Поэт Раевский видит и знает не только азы и свет, исходящий от этого мировоззрения. Его лирический герой, убеленный сединами, видит даже прозрачность своей нимфы, в которую он трепетно влюблен. Он не клянется в вечной любви. Герой обещает любимой женщине посвятить ей стихи. Булгаков в «Мастере и Маргарите» сказал, что талантливые рукописи не горят. А Раевский в стихотворении «Прозрачный облик» говорит, что стихи о любви нетленны, а любовь вечна.

Зачем я Вам, что движет Вас ко мне:
Влечение, Любовь, Благодеянье?
Усталость? Или в нежной седине
Скрываю я от Вас мечты и тайны?

Друг трепетный! Я думаю о Вас,
Вы мне не безразличны в этом мире…
Как не воспеть сияющий алмаз?
Как молча пребывать в поющей лире?

Скажите что-нибудь из доброты,
Покоем освежите мой рассудок,
Глазами цвета зрячих незабудок
Мои мир верните в звуки и мечты…

И Ваш прозрачный облик, безупречный,
В стихах моих останется навечно…

Потрясающий облик не только любимой женщины лирического героя создал поэт. Он гениально представил на суд читателя и прозрачную душу героя, который пытается разобраться в чувствах своей героини. Что же движет ею: «Влечение, Любовь, Благодеянье? Усталость? Или в нежной седине скрываю я от Вас мечты и тайны?». Несомненно у героя есть тайная мечта. Разве не соблазнительны характерные черты юной девы: «Скажите что-нибудь из доброты, покоем освежите мой рассудок, глазами цвета зрячих незабудок, мои мир верните в звуки и мечты…».

Вот и открыта тайна героя. Он очарован, околдован «глазами цвета зрячих незабудок». Эти глаза и волнуют воображение и рождают сладостные грезы и мечты у седовласого мужчины, которые сияют у него в видениях, как алмазы.

Никогда не исчезнет любовь и не погибнет то, чем жил когда-то поседевший мужчина. Были разлуки, потери на жизненном пути, но в памяти людской хранится все и плохое и хорошее. Только человеческая память тем и хороша, что избирательна. Плохое быстро забывается, а хорошее помнится и делает жизнь лучше, светлее. Нельзя же, как сказал когда-то поэт Раевский, постоянно вспоминать, что «завистью искусан был до ран». Воспоминания должны становится для видавших виды в жизни людей великим их достоянием, бесцен-

ным богатством.

Благодаря воспоминаниям не стирается из памяти «прозрачный облик» любимой женщины. И даже если ее нет рядом, то все равно ждешь свидание с милой дамой, как юности. Об этом великолепно сказано Евгением Раевским в стихотворении «Ожиданье».

Вцепилась в грудь мне ночь, терзает душу,
Заткнула уши злая тишина,
Поэзия терпенья лишена.
Мгновенье – и Господь перо иссушит…

Рассудок-пилигрим изыскивает свет,
Но море темноты мне плещет в нервы…
О, где же Вы, где Ваш кабриолет,
Летящий по завьюженной Галерной?..

Я уже писал, что Евгению Раевскому свойственно перемещать, как в машине времени сквозь века. Вот и сейчас его лирический герой в воспоминаниях мчится в Серебряный век на завьюженную Галерную, чтобы краем глаза увидеть «Прекрасную Даму», летящую в кабриолете по улице. Вдруг глаза его встретятся с глазами его героя и ожиданье превратиться в неожиданное свидание. Точно так же сам поэт Евгений Раевский окунается во времена Франческо Петрарки, приступая к написанию очередного сонета. Манит его в Ренессанс изящество и красота стихотворных образов, музыкальность поэзии.

Сонет Раевского «Волшебной женщине» родом и по духу именно из эпохи Возрождения:

Волшебной женщине – волшебные слова,
Что льются песней, воздухом, весельем,
Но женщина волшебная права,
Когда сама согреет друга пеньем.

Мудреет мысль влюбленного тогда,
Когда его избранница и муза,
Как ангел, как хранящая звезда,
Избавит от надуманного груза.

Пусть лишь тогда, когда Фортуна мстит
И не сразиться мне с веленьем Рока,

Прошу я музу: «Будь со мной жестока»,
Прощу за то, и Бог ее простит…

Но если ты волшебная, как прежде,
Я о Любви прошу, о Вере, о Надежде.

Раевский в стихотворении полным гражданственности «Нам лжет эпоха» призывал народ:

Вернитесь, люди, к подлинной Руси,
Патриархальной, искренней, свободной.
О Господи, спаси ты Русь, спаси
От лжи, от истерии инородной!

А патриархальная Русь всегда и стояла на трех китах, о которых упомянул Евгений чуть выше на любви, вере и надежде. Но он не зовет в нищую Русь, которая состояла из крепостных крестьян. Он призывает уже свободных граждан в патриархальную, искреннюю, свободную Русь. И не надо делать из слова «крестьянин» огородное пугало. Даже когда он был крепостным, крестьянин был истинным и свободным своей внутренней свободой человеком, русским крестьянином из которых по девяносто с лишним процентов и состояла патриархальная Русь, Россия. Хорошо написал наше всё, классик Александр Сергеевич Пушкин: «…Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны…».

Современники о современном классике

У Василия Якушева есть статья с длинным названием «Коротко о встречах с поэтом Евгением Павловичем Раевским». Прочитав внушительное название, у меня сразу же появилась банальная мысль: если современники считают несколько встреч с современным поэтом интересными и удачным событием для себя и пишут об этом в мемуарном стиле, то этого поэта в данном случае его имя, отчество и фамилия дотошно указаны, можно считать современным классиком.

Но важно не то, сколько раз встречался Якушев с Раевским, а то, как он отзывается о поэте. Я начну свое исследование с самого,

на мой взгляд, важного тезиса автора статьи.

– Евгений Раевский – это чудо русской поэзии. И как о всяком чуде, о нём трудно писать. В чудо надо верить. Я верю в поэтическое чудо Евгения Раевского.

– А что такое чудо? – хочется не спросить, а добавить мне к формулировке Василия Якушева, – это средство которым умеет владеть сам Раевский: улыбка, юмор, ирония и вовремя сказанное нужное слово. А владеть всем этим арсеналом, значит владеть всем, чтобы создать чудо.

Дальше Василий Якушев сравнивает поэзию Раевского с есенинской:

– Наибольшее впечатление произвели на меня те стихи, в которых речь идет о реальных личностях и реальных явлениях в природе… Что в этих стихах привлекает читателя? – Образы и поступки действующих лиц. …поэт выражает свою любовь к Есенину до радости и боли.

Да и как не любить такого поэта, как Сергей Есенин, которого Горький в свое время оценил так: «Есенин – это не столько человек, сколько орган поэзии, созданный, чтобы воспеть чарующую красоту природы средней полосы России».

Стихотворение «Памяти Игоря Талькова» является реквиемом гибели близкого друга от руки злодея. Под этим стихотворением могла бы подписаться сама Анна Андреевна Ахматова.

Хочется и мне привести проникновенные строчки о Сергее Есенине Раевского, воспевающие тонкого лирического поэта, сравнивая с самым святым, что есть на Руси с крестом и храмом, чему поклоняются люди:

Но ты – певец земли и вечен здесь, как крест,
Как храм, как все святое и родное.
И звезды ощущал ты как земное,
Таков уж был тебе господний перст.

Про Талькова в своем исследовании я уже цитировал Раевского, но раз уж Василий Якушев считает, что под строчками Евгения могла бы подписаться сама Анна Ахматова, то думаю не грех и повториться.

Неистовством героя и поэта
И удалью российского творца
Достал бы ты любого подлеца…
Тебя ж достала пуля пистолета.

Вспоминает Якушев и про отношение к русской поэзии почти до середины двадцатого века. Однажды Марина Ивановна Цветаева произнесла драматические слова, вызывающие томящую печаль о чем-то всеми навек утраченном.

- Блоковско-есенинское место до сих пор в России «вакантно». Певучее начало России, расструенное по небольшим и недолговечным ручейкам, должно обрести единое русло, единое горло, - с сожалением сказала Цветаева.

И после этого пассажа у Василия Якушева невольно вырываются из груди оптимистические слова.

– Если бы была жива Марина Ивановна, – говорит Якушев, – и увидела бы сборник стихов «Любовь моя – волшебное дитя», то она сказала бы, что теперь блоковско-есенинское вакантное место достойно занято молодым и высокоодарённым поэтом Евгением Павловичем Раевским. Его сонеты предназначены внимательным, просвещенным читателям, не лишенным полёта фантазии и пространственного воображения-мышления.

Сонет Евгения Раевского «Терпеливое» укороченный на одну катрану подтверждает мнение ветерана-литератора Василия Якушева:

Нанизанный на холод, я стоял,
Беспечниц – струй дождя браня терпенье,
В истомах луж – бесформенных пиал –
Изыскивал взаимные смятенья.

Час в час застрял, минуты отреклись
От пониманья времени на время,
И понял я: есть в холоде корысть
От зависти к несущему горенья.

Нанизанный на холод, я стоял…
Вдруг ты пришла, но я уже сиял.

Анализировать этот стих я начну названия – «Терпеливое».

Академик Дмитрий Лихачев очень здорово сказал о терпении: «Терпение – мать мужества, а мужеству нужно учиться». После четкой формулировки Лихачева, очень понятной становится метафоричная аллегория поэта – «нанизанный на холод стоял». Сразу вспоминаются школьные годы, когда одноклассницы-девочки из ярких промерзших до костяного стука ягод рябины мастерили себе самодельные украшения, ожерелья на нитку, вдетую в иголку. Ягоды рябины хотя и отмякли ото льда, но холод его хранили. И девчонки дули на свои пальчики время от времени, чтобы им было немного потеплее.

А тут у Раевского лирический герой стоит нанизанный на холод. Парадоксально, но образ точен, хотя юноша не шашлык, а холод не шампур. Но это неожиданное не сопоставимое вроде бы по смыслу сравнение и притягивает читателя, завораживая его.

А разве не уникален взгляд поэта на обыкновенные бесформенные лужи. Раевскому они кажутся пиалами, только не с круглыми краями, а беспорядочными обрамлениями по какому-то волшебному лекалу холодным дождем.

Парень мерзнет, но намерен твердо стоять до конца, хоть до Всемирного потопа, лишь бы дождаться свою любимую. И безропотно терпит, хотя понимает, что даже от него «минуты отреклись», на какое-то время. Не понимают минуты бег времени и будто стоят на месте, а вместе с ними остановилось и время.

Но когда холод пронизывает до мозга костей, то, кажется, что ты горишь огнем и финал «Терпеливого» искрометен. Как только появляется опоздавшая на свидание девушка, парень «нанизанный на холод» засиял, засветился радостной улыбкой.

А профессор Владислав Шошин сравнивает появление в поэзии Евгения Раевского «с тектоническими сдвигами почвы», с землетрясением, проще говоря. Он предполагает, что Раевскому предначертано возродить сонет, дать ему второе рождение и расцвести ему на благодатной русской почве.

– Может, приход героя ожидался до его рождения? – задает сам себе риторический вопрос Шошин. – Ведь еще в 1933 году Александр Прокофьев в журнале «Резец» взывал: «Никто, например, не пишет сонетов, а ведь это интересная, сложная форма, свойственная высокой поэтической культуре!» Дорогой Александр Андреевич, добрый призыв Ваш наконец-то услышан!

Владислав Шошин имеет в виду Евгения Раевского. Особенно зауважал Шошин Евгения, когда узнал, что он работал в Фонтанном доме.

– Это меня по-новому к нему расположило – вспоминает Шошин. – Проводилась в Петербурге конференция, посвящённая «Серапионовым братьям». Вот выступает Сергей Слонимский, рассказывает о своём отце… Вот берет слово берёт Юрий Томашевский, рассказывает о Зощенко… «Серапионовы братья» – это и Николай Тихонов, а какой громадный путь прошёл этот поэт от своих первых строк! Кто знает, может, недаром из Петербурга напутствуют «Серапионовы братья» в добрый и долгий путь и Евгения Раевского?

Интересно рассказал о творчестве поэта Раевского его сподвижник, председатель секции поэзии Российского межрегионального Союза писателей и друг Дмитрий Киршин. Он назвал свою статью «Поэт нескромного таланта». Да и вступление Дмитрия Николаевича оригинально. Он с иронией пишет: «Согласно рекомендациям психологов, начало любой речи должно опираться на весомую цитату или афоризм, желательно из мировой классики. Вопреки советам, скажу без долгих вступлений: эта статья посвящена Евгению Раевскому, яркому русскому поэту. В отличие от многих ультрамодных авторов, обладающих весьма скромным дарованием, талант Раевского никак нельзя назвать скромным – напротив, поэт утвердился в литературе как самостоятельная, состоявшаяся личность».

Прочитав первый абзац статьи, у читателя возникает вопрос уже по моей оценке статьи Киршина «Оригинальна – да, согласится дотошный читатель. – Но причем тут ирония? Где она, я ее не вижу».

На самом деле статья Дмитрия Николаевича напориста, уверенна, остроумна. Разве не изящно он прошелся по ультрасовременным авторам, имеющих весьма скромное дарование для контраста, упомянув, что талант-то Раевского весьма не скромен. Отсюда и название статьи «Поэт нескромного таланта». Но если внимательно приглядеться, то Дмитрий Николаевич и начал статью вроде бы без афоризмов и цитат мировых классиков. И все же он сделал больше для своего друга, привел и афоризм, и классическую цитату мирового уровня, поставив вместо эпиграфа… процитировав две строчки из стихотворения поэта Раевского: поэзия – «всевидящая страсть, бесстрастно не напишешь совершенства».

А дальше Киршин показывает, что скромность и высочайший уровень поэтического таланта сонеты писать не частушки сочинять, как ни странно, мешают завистливым коллегам спать спокойно и они по ночам не стихи сочиняют, а пасквили. Причину злобы на изящные сонеты Раевского Дмитрий вскрывает. «Скромность стала синонимом забитости, всеобщей усреднённости. Но литературе противопоказана серость, приведение автора к общему знаменателю равносильна его творческой смерти».

Но разве может ученик Петрарки, превзошедший своего учителя со своими светлыми сонетами и необыкновенным по мощи творчеству уйти в небытие, в забвение. Но и сразу сам ответить не смог. А прочитав нерифмованные двустишие Раевского, понял, почему Киршин бьется за честное имя поэта – в одиночку биться, жизни не изменить. А вот и мнение самого Евгения:

И Мудрость не способна на победу,
Когда воюет с Мудростью дурак.

Но опасность такого противостояния понимает:

Невежество обкрадывает душу,
Бездушие – подобье нищеты.

А в двух четверостишиях декларирует свое жизненное кредо.

Однажды воспарив воображеньем
Из суетной никчемности к любви,
Ты скольких не жалей и не зови,
Был я тебе господним приношеньем…

Весь обожженный злобой черных сил,
Бесправием, бездарностью и ложью,
Ни у кого не крал и не просил
И был немного Богом средь безбожных.

Учителя учителей

После этих строк захотелось непременно рассказать немного об учителе Раевского – Петрарке и об учителе Петрарки – Данте Алигьери. Данте по воле рока оказался последним поэтом Средневековья и первым поэтом Нового Времени. Италия была тогда под властью германских императоров священной Римской империи, и итальянский народ боролся с засильем их. В Италии ломался фе-

одальный строй и с помощью городских ремесленников и купцов по всей стране стали возникать процветающие города-государства. Одним из первых возникли независимые и финансово и политически города-государства на Средиземноморье – Венеция, Генуя, Флоренция.

Алигьери Данте первым отказался писать на латинском языке. Он писал стихи на живом итальянском, внедрял в текст остроумные, веселые, простонародные выражения, обороты речи и сразу стал популярным поэтом, любимцем народа. А сам нежно и трепетно любил молодую девушку Беатриче Портинаре, идеализируя её и обожествляя.

Если Раевский был немного Богом перед безбожниками, то Беатриче для Данте, несомненно, была богиней.

Алигьери Данте писал патриотические стихи и высмеивал пороки людские культивировавшиеся в феодальной анархии: пьянство, разврат, эгоизм, звериную злобу и мстительность, но особенно ненавидел алчность. В своей «Божественной комедии» Данте наиболее выпукло и остро показал все эти пороки, три её части. Ад, Чистилище и Рай - возвестили не только о пороках общества, но и рождении нового гения – Данте. Основываясь на труде работающих людей в аду, даже отрицающий Бога Карл Маркс написал несколько глав «Капитала». А комедия, как жанр в тринадцатом в начале четырнадцатого веков была совсем не такой как в наше время. Комедия не представляла собой ряд смешных сценок и веселых диалогов. В комедии герои стремились к светлому и гуманистическому идеалу. Свет, добро и радостный конец – три обязательных компонента комедии времен Данте.

В обществе складывались тогда два течения – белое и черное. Данте примкнул к белым, а когда победили черные, вспомните, как и Раевский в выше приведенном мною его четверостишии упоминает о черных: «Весь обожженный злобой черных сил», Алигьери … с отцом Франческо Петрарки были изгнаны из Флоренции.

Данте умер, когда Франческо Петрарки было семнадцать лет и с другом отца юноша, наверняка, общался, попадая под обаяние Алигьери. Петрарка, начавший писать трактаты на латинском, последовал примеру Данте и стал писать сонеты на живом итальянском языке. И его светлый образ Лауры, благодаря поэтическому

творчеству Франческо Петрарки остался запомнившимся на века.

В России сонеты Петрарки и его литературный талант известен благодаря переводам Батюшкова. Пушкин в своих произведениях так же часто упоминал имя Петрарки.

Франческо Петрарка вслед за Данте пересматривал и морально-нравственные постулаты общества. Он отвергал средневековое понятие о благородстве. Был против первенства в обществе знатного происхождения, а главенствующей доминантой в нем считал, что должны быть личностные качества человека. Его «Книга песен», несколько сонетов в переводе с итальянского означает песенка, возможно и другое её название – «Книга сонетов», которая состоит из сонетов, канцон, секстин и мадригалов, раскрывает мир поэта, глубину его чувств.

А теперь пытаются доброжелатели вменить в вину поэту Евгению Раевскому, что его язык устарел, остался на уровне девятнадцатого века.

Дмитрий Киршин имеет по этому поводу свое мнение: «Критики, приходящие в восторг от новоявленных метафор и «живости» современной приблатнённой речи, конечно, будут «разочарованы» и временной приблатнённой речи, конечно, будут «разочарованы» интеллигентной, красивой поэзией Евгения Раевского».

А поэт Сергей Макаров в своей статье «Колдовские строки» пишет: «Думаю, что Евгений Раевский пишет стихи и душой, и сердцем, и любовью, и живописной фантазией, неоднократно переделывая те или иные строки. О таких коллегах-трудягах петрозаводский поэт Борис Шмидт как-то сказал:

«Он двадцать раз перегорал над строчкой,
Чтоб в двадцать первый – зажигать сердца!»

Творчество петербургского поэта Евгения Павловича Раевского, – добавил Сергей Макаров, – по моему глубокому убеждению, является золотым эхом Серебряного века.

Кому как не Сергею Макарову, тонкому лирику не оценить по достоинству творчество поэта Евгения Раевского. Только он, Макаров, воспитанный на поэзии Серебряного века смог так возвышенно сравнить поэтический стиль Евгения с золотым эхом поэтов Серебряного века. Эхо это только отзвук сказанного кем-то в прошлом,

возможно в этом звуке уже и искажение и фальшь. Но Сергей говорит об эхе, в котором серебро превращается в драгоценный металл (в поэзию) более высшей пробы – в золото. И это немаловажное отличие поэта-созидателя, каковым является Евгений от поэта подражателя.

Поэт Сергей Макаров был в самом начале подвижнического пути Раевского по воссозданию прошлой литературной славы Петербурга в наши дни. Об их «хождениях по мукам» в коридорах власти я уже упоминал.

И когда новые трудности наваливаются на плечи крупного общественного и литературного деятеля Евгения Раевского, то он с ностальгической грустью пишет о своем соратнике в эпистолярном жанре «Письмо поэту Сергею Макарову»:

Ах, Серега, эх, Серега,
Где ж ты есть, куда пропал?
В Петербурге дел до Бога,
Вражьи силы правят бал.

Здесь ущербность скорешилась,
Все визжат убогий бред.
Вновь кронштадтский Супершиллер
Объявил, что он – поэт.

Весь напыжился, повеса,
Блеет пошлые слова,
Написал: «Я – сын Рамзеса».
Вот такие тут дрова!

Кочегар сложил поэму;
В ней он – князя политрук,
Бьет врагов Руси поленом…
Все отбились тут от рук.

Бородатый недотрога
Лжет, как вежливый нахал.
Ах, Серега, ох, Серега,
Ну куда же ты пропал?..

Но есть критики и другого толка, умеющие отличить настоя-

щее сокровище от подделки, от искусно изготовленных вместо драгоценного камня, стекляшек-стразов. К таким критикам относится член Союза писателей России Геннадий Муриков. Он в статье «И женщину он выпьет, словно мед…», опубликованную в «Криминальном вестнике» Санкт-Петербурга пишет о творчестве поэта Раевского: «Мы все хорошо усвоили известную мысль о том, что «поэт в России – больше, чем поэт». В недалёком и относительно далёком прошлом её на разные лады примеряли к так называемой «гражданственной» лирике. Кавычки в этом слове поставлены не для того, чтобы как-то посмеяться над социально-политическим пафосом поэзии такого рода, а с иной целью. Сегодня перед нами вопрос совершенно другого свойства: а может ли быть в России поэт, так сказать, «обычный»? Не «больше», чем поэт, не депутат Думы, не «новый русский», не «пламенный трибун» – а просто поэт, такой, как, скажем, А. Фет или А. Блок, И. Северянин или М. Кузмин? Ей-богу, до чёртиков надоели бесконечные рифмованные лозунги, за которыми не поэзия, а пустая душа газетного репортера, «откликающегося» на что-то такое и этакое… В этом смысле я и беру слово «гражданская» применительно к лирике в кавычки.

Бессодержателен разговор на тему, что «должна», а что не «должна» делать поэзия. Со времен Вольтера мы твёрдо знаем, что все жанры хороши, кроме скучного, и уж в чём-чём, а в скуке упрекнуть Е. Раевского невозможно. Более того, несмотря на то, что подавляющая часть его стихов последних лет посвящена одной теме (но какой – Любви!), читаются они, можно сказать, на одном дыхании».

А в это время Дмитрий Киршин отбивает нападки на Евгения Раевского. «Критики» возмущаются над тематической узостью стихов Евгения. Ведь большинство из них о, ужас, имеют любовную тематику. Петрарка всю жизнь писал о своей любви к прекрасной Луаре, а Данте о не менее прекрасной, а даже божественной Беатриче. Но слава их как поэтов записана навечно на небесных скрижалях. А почему же «узостью» тематики «критик» в лицо Раевскому тычет. Или что дозволено и полезно итальянцу, то не позволено и вредно русскому?

На все вопросы и ответил Киршин.

– Бесспорно, любовь – главная тема лирики Евгения Раевского. Здесь речь идёт не о любви-инстинкте, не о частушечном вари-

анте взаимоотношений мужчины и женщины. Глубокое чувство, страстное мироощущение – основа поэзии Евгения Раевского. Часто её переполняет восторженность, иногда ревность, порой она эротична, – но никогда не равнодушна, не сведена к созерцанию.

И всё же самые непримиримые постмодернисты не могут не признать талантливости таких, к примеру, строк:

«Влиянье звёзд. Я с ночью в споре.
О сердце! медленней стучи,
Когда взъерошенное море
Расчешут лунные лучи».

Члена Союза писателей России, лауреата литературных журнальных премий Геннадия Морозова поразила образность четверостишия Евгения Раевского из одного стихотворения из книги «Любовь моя – волшебное дитя».

Возвысься, возвышая красоту
И подлинно прекрасное величье,
Лишь искренность в торжественном обличье
На должную ведет нас высоту.

– Возвысься, возвышая красоту, – восклицает Морозов, – это, если хотите, воспринимается мной, как некий камертон поэзии Евгений Раевского... Недаром эту сроку читатель прочтет ещё раз, закрывая его поэтический сборник. Она помещена на последней странице обложки. …мне думается, что читатель у Е. Раевского – особый, воспринимающий стихи утончённые, очень личностные. Его поэзия уникальна ещё и тем, что она одухотворена неповторимой языковой стихией, передающей нам непостижимую тайну русской души, её высокое благородство и жертвенность. Её стойкость и кристальную чистоту, которой наделён его лирический герой, чьи сокровенные помыслы устремлены к высшему идеалу – бескорыстному служению своему Отечеству, горячо им любимой России.

Эпистолярный жанр и «Боевая вахта»

«Письмо поэту Сергею Макарову на Ладогу», написанное Раевским стихами, мне понравилось. Оно задорное и задушевное. Но не удивило. К форме письма очень часто обращался Сергей Есенин. Его бесподобное письмо «К женщине» произвело фурор, а строчки: «Лицом к лицу, Лица не увидать. Большое видится на расстоянье», сделали паренька, которому чуть перевалило за двадцать пять классиком, на уровень с Александром Блоком поднялся. Слова Марины Цветаевой о есенинско-блоковской тонкой лирике уже читатели читали. Писал Сергей «Письмо деду», «Письмо матери» (такое щемящее и благоговейное):

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!

Александр Пушкин в своем «Евгении Онегине» написал два письма в стихах: Татьяна – Онегину и Онегин - Татьяне. Поскольку уже ранее говорилось, что есть легенда, будто прототипом Онегина был Николай Раевский, то становится понятным, откуда у Евгения Раевского такая тяга к эпистолярному жанру в стихотворной форме.

Учителям литературы ершистый, имеющий на любое суждение свое мнение, Женя Раевский одновременно нравился и досаждал им. Однажды он написал за академический час урока – за сорок пять минут стихами сочинение на заданную тему. Его и похвалили: «Молодец» и отругали, объяснив:

– Ты бы, Раевский писал бы сочинения как и полагается – прозой. У нас же есть инспекторские проверки из РОНО. Не каждый сумеет, как ты, написать сочинение в стихотворной форме, так зачем же тень на плетень наводить, выпячиваться вперед одному из класса. Вот заставят стихами сочинение во всей школе писать, тогда, что ты нам прикажешь делать? Сорвется урок литературы и все школьники получат неуды за невыполненное задание.

Но следующий раз была вольная литературная тема о великих полководцах. Женя не стал писать ни об Александре Васильевиче Суворове, ни об Михаиле Илларионовиче Кутузове, а выбрал для себя героя из древних веков – Александре македонском. Отчество полководца Раевский, конечно, знал. Сын царя Филиппа, значит – Филиппович, но разве называли непобедимого Александра Маке-

донского, который прожил-то тридцать два года, кто-то по отчеству.

Написал сочинение Женя о легендарном полководце блестяще, да так, что работу Евгения Раевского, так впервые назвали полным именем пятиклассника, приводили в пример на педсовете школы.

– Вот образец сочинения интересного, насыщенного событиями и характеристиками битв Александра Македонского, - потрясая с гордостью Жениной тетрадкой, выступала классная руководительница Раевского.

Зато после следующего сочинения к директору школы пришлось вызывать родителей Евгения.

– Чего ты там набедокурил? – спросила сына мать.

Женя пожал плечами.

– Не знаю. На уроке литературы писали сочинение на тему «Твоя любимая книга». Я написал о Библии.

– Да, сынок, у нас церковь отделена от государства, и заявлять атеисту, что твоя любимая книга – Библия, это как-то против шерсти, против течения идти.

– Так я, папа, не только хвалили мудрость Библии, но и критиковал ее. Высказывал свои претензии к священному творению. На мой взгляд, в нем много противоречий.

– Час от часу не легче, – вздохнул Павел Павлович. – Ладно, придем мы завтра с матерью в школу. Послушаем сначала твою критику Библии, а потом критику учителей про твою критику «Твоей любимой книги».

Беседа велась корректно и обе стороны и семья, и школа были на редкость единогласны: сочинение решили уничтожить, но дух противоречия и критический склад ума Евгения Раевского уже было нельзя уничтожить. Он остался ищущим, сомневающимся, старающимся докопаться до истины в малом вопросе.

После восьмилетки Евгения Раевского перевели в десятилетнюю школу с углубленным изучением русского языка и литературы. В этой школе в свое время учился Мравинский. Учительницей по русскому языку и литературе в новой школе у Раевского стала Галина Васильевна Долганова. Знакомство учительницы и ученика произошло сразу же с неприятного разговора.

– Евгений, зачем вы на уроке литературы пишете стихи? – строго спросила Раевского Долганова. – Всему должно быть свое

время: на математике надо заниматься изучением математических формул, а на литературе – поэзией. И опять же не свои стихи, а учить стихи классиков. Почему ты не выучил стихотворение Николая Алексеевича Некрасова, которое я задавала на дом?

– Мне не нравятся его стихи, – признался Женя. – Лучше бы он занимался прозой. У него есть прекрасное произведение «Мертвое озеро». Я его с удовольствием прочитал.

– К сожалению, твои рекомендации, Женя, – вздохнула Галина Васильевна, – я уже не могу передать Некрасову. Но не вижу твоего рвения к изучению произведений отличного прозаика - Ивана Сергеевича Тургенева. В «Отцах и детях» он прекрасно описал нигилизм детей, который приводит их к конфликту поколений, к отрицательному отношению к своим отцам. А ведь ты недалеко ушел от героев «Отцов и детей» Тургенева, такой же строптивый.

– Галина Васильевна, – оправдывался Женя, – я не воспринимаю у Тургенева только «Отцы и дети» и «Накануне» и зачитываюсь его «Вешними водами».

– Но почему же, к писателю с революционными идеями Чернышевскому ты относишься так пренебрежительно? – продолжала вразумлять не совсем понятного ей ученика учительница Долганова, к которому относилась настороженно. – Его роман «Что делать?» заставил задуматься все наше прогрессивное человечество. Его цитируют все советские историки и писатели.

– А мне, Галина Васильевна, – промолвил тихо крамольную фразу, но уверенный в своей правоте Женя, – кажется, что роман Николая Гавриловича Чернышевского «Что делать?» - это позор русской литературы. Очень тенденциозное произведение, актуальное лишь в пределах короткого времени…

Возможно, Галина Васильевна, как сам впоследствии Раевский в своем послании Сергею Макарову отвечала только не «Ах, Серега, эх, Серега», а «Ах, Евгений, до чего же ты упрям! На любой чих отвечаешь: «Здравствуйте!», а на резонное заявление: «Сам с усами».

Но свое мнение Раевского не превращалось в напыщенное самомнение. Отец и мать научили его работать самозабвенно, где угодно: в школе, дома, для общества, над собой. В последнем он преуспевал. Гуманитарное самообразование было у Евгения на первом

месте.

Основная первая мужская работа у Раевского была до примитивности проста: круглое кати, плоское тащи или неси – он стал грузчиком.

– Ну что, Женя, стесняешься говорить знакомым, что ты простой грузчик? – иногда спрашивала его мать, а он отвечал:

– Нет, мамочка, я не стыжусь своей работы. Я ею горжусь. Как говорили мне в школе, все рабочие профессии почетны и уважаемы. Я, конечно, устаю, набиваю синяки и шишки, ломаю руки-ноги, но все это ерунда. Заживет, как на собаке. Самое главное я понял, что смогу не только себе на хлеб заработать, но и свою семью прокормить.

– Но ты же, мечтал стать поэтом, – с грустью в голосе говорила Евдокия Васильевна, – ты сможешь заниматься творчеством?

– Мама, у меня заняты руки, – отвечал Женя, – но голова-то свободна. Я очень много пишу.

– Когда? – всплескивала руками мать и слышала в ответ всегда одно и то же:

– Ночью. Ночь длинна и никто не мешает мне думать и писать.

А грузчиков удивляло, что простой работяга, физически накаченный, вместо того, чтобы лечь на перекуре в раздевалке на топчан, вытянуться во весь рост и, расслабив мышцы, дать телу отдохнуть (работа трудна и тяжела, все косточки хрустят, а хребет и разогнуться, выпрямиться не сразу удается), прислонится к стене и читает книги.

– Детективы почитываешь или авантюрные романы Дюма про дуэли или про дворцовые застолья, проводимые по всем правилам этикета? – любопытствовал бригадир.

– Да в философии мне больше всего нравится этика, – отшучивался Евгений, – а нравятся мне не авантюристы в описании Дюма, а моралисты разных времен – Сенека, Ларошфуко, Грасиан Бальтасар, Монтень.

Работать грузчиком позволяла армейская закалка и занятия спортом. А может быть, заниматься спортом и добиваться высоких результатов помогала работа грузчика? Раевский получил звание кандидата мастера спорта сразу в трех видах: в фехтовании, гимнастике и по велоспорту.

Служил Раевский на Тихоокеанском флоте в заливе Стрелок около поселка Тихоокеанский. Участвовал в маневрах «Океан и Север». В газете Тихоокеанского флота появились первые стихи Евгения Раевского. Опубликовав их в «Боевой вахте» Евгений понял, что мечта стать поэтом, писателем начинает осуществляться, а его личная боевая вахта только начинается.

Стихотворение «Тревога» написано в Сингарском проливе в 1967 году, когда Раевскому было двадцать лет.

Тревожные ночи, тревожные дни,
И мы в океане холодном одни,
В звереющих ветрах встречаем рассвет,
В нем ищем покоя, но нет его, нет!

Осеннее солнце тепла лишено,
Как будто в тревоге мерцает оно;
В тяжелых лохмотьях рассерженных туч
Запрятан, запутан живительный луч.

Колючей щетиной свисают дожди,
В них тоже тревога, конца ей не жди.
Но знает моряк – в море нет тех дорог,
Которые к цели ведут без тревог.

Уже тогда на заре туманной юности в стихах поэта Евгения Раевского была необыкновенная образность. А значит не опытным, эмпирическим путем достигал в своем творчестве метафоричности, изящности слова, прекрасной живописности природы Раевский. Природный талант ему был при рождении дарован свыше. А может быть, Бог выжидал момент, когда смог народится новый гений, у которого будет пока более полное имя Евгений. Ведь такие люди рождаются раз в столетие, а то и реже.

Уже в самом названии стихотворения «Тревога» много подтекстов, оттенков, полутонов. Тревога на боевом корабле, вынужденного выйти ночью в непогоду, в шторм на боевое дежурство, тревога и в душах военных моряков, в звереющем ветре встречающих рассвет.

А рассвет-то еле брезжит и «осеннее солнце тепла лишено, как будто в тревоге мерцает оно». Чувствуете? Солнце и то насторожилось, оно в «тревоге мерцает». И лучи солнышка закутались

«в тяжелых лохмотьях рассерженных туч». И из этих лохмотьев туч свисают, словно со щеки непобрившегося моряка «колючей щетиной» дождевые капли. Невеселая картиночка, но нарисована мастерски. Но и заключительная часть стихотворения впечатляет: «В море нет тех дорог, которые к цели ведут без тревог». Афоризм созвучен с народной поговоркой «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда».

Боевую вахту свое первое боевое крещение: и воинское, морское и одухотворенное поэтическое Евгений Раевский выдержал с честью и достоинством. И в этом же году Евгений пробует свои силы не только в описаниях мужества суровых буден военных моряков, а и в нежной лирической поэзии.

«Прощание с березкой» так же датировано 1967 годом.

Море ждет… В поле русское выйду,
Прикоснусь я к березке весенней,
Позабуду и грусть, и обиды
Под ее еще реденькой тенью,
А она затрепещет в смущенье,
Зашуршит молодою листвою
И подарит мне, как украшенье,
Горсть сережек пушистых с лихвою.
Знаю, завтра опять расставанье,
Звоны рынды над бухтой уснувшей…
Обниму я еще на прощанье
Ту березоньку в серых веснушках…

Стихотворение легкое, воздушное, нежное. А березонька, как веснушчатая девушка трепещет в смущении, когда её любимый обнимает на прощание - «море ждет…». Он встречается с весенней прелестью накоротке, по быстрому. Редко моряк служит и… пишет стихи о любви. Он верит в неё, в отличие от английского моряка героя, про которого ребята уличные во все горло посмеиваются: «На берегу, матросы ходят хмуро, и кричит в рупор старый капитан. У юнги Билля стянутые зубы и смотрит он в предутренний туман. На берегу осталась крошка Мэри, она стоит в тумане голубом. А Билль не знает – верить, иль не верить, а машет её подаренным платком».

«О беспощадности пьянства»

Это название одного сонета Евгения Раевского на тему «русской болезни» с птичьим названием «перепел» или «перепил», но что-то в этом роде. Но шутки в сторону. Применить известный литературный штрих о критике к сонету, о беспощадности пьянства и сказать, что поэт «бичует» этот омерзительный людской порок, нельзя. Раевский представляет его в таком свете, что любой здравомыслящий человек, если он еще не до конца пропил главное достояние у людей – свой ум, то непременно задумается и задаст себе почти гамлетовский вопрос: «Пить или не пить?». Хотя для опустившегося пьяницы он может звучать и по-гамлетовски: «Быть или не быть?» – человеком.

Но лучше один раз прочитать оригинал сонета, чем слушать о его достоинствах из уст другого:

Ты властвуешь над жизнью, если трезв,
А пьяный ты не властен над собою,
Синдром похмельный выведет из боя
Тех, кто умен, хитер, силен и резв.

В вине живет отзывчивая глупость,
Чванливость, лицемерия печать,
Порок. Не впрок себя изобличать,
Вливая в мозг искусственную тупость.

Алтарь надежд сжигал ты за свой счет,
Не бей челом по выжженному месту.
Ты подвергал разумное аресту,
Так отдавай теперь ему отчет…

Вино воспел заманчиво Хайям,
Но вряд ли пил он слишком много сам.

В концовке сонета Раевский затрагивает больную тему. Многие классики в литературных сюжетах, бичуя опасный порок, как пьянство, сами невольно его пропагандируя. О Хайяме, тонком восточном лирике, современнике Данте, возможно по изящности стиха даже превзошедшего европейца, уже Раевский сказал свое веское слово. Но и Александр Сергеевич Пушкин считал, что откупорив

шампанского бутылку и выпив несколько глотков этой живительной влаги, к нему обязательно придет вдохновение и муза осенит поэта крылом. А тезка Пушкина Александр Дюма писал рукописи романов на обеденном столе, отодвинув в сторону батарею пустых бутылок из-под салатов провансаль и оливье.

Но они, как и Омар Хайям, написавший свои мировой известности рубаи, как и персидский классик вряд ли переходили ту черту в употреблении горячительных напитков излишне на «вливая в мозг искусственную тупость». Их светлые художественные произведения подтверждают мое предположение. Они подтверждают мое предположение. Они, по словам Раевского не сжигали алтарь надежд, чтобы после горького похмелья не бить «челом по выжженному месту».

А вот я плавно подкатил еще к одному сонету Евгения Раевского под названием «С похмелья»

Дождь извел меня влажной истерикой,
Бесноватостью громы замучили,
Беззастенчивость молний – не лучшее,
Не побалует новою «эврикой».

Кочевряжусь, танцую от холода,
Безобразием полнюсь от выпивки,
Прекрати ты, гроза, эти выкрики,
Пусть я зол, ты же злишься без повода.

Надоели мне утром противности,
Все сюжеты по пьянке – фиктивности!

Для иллюстрации своего сонета Раевский на страничке книги «Ученик Петрарки» ниже стихов «С похмелья» поместил контрастный черно-белый рисунок – на белом фоне листа впереди маячит черная дыра в какую-то бесформенную конфигурации нору. Перед лазом в нору в луже пролитого вина возвышается монументально граненый стакан, после опустошения содержимого в нем, а он пуст, в голове у лирического героя шумят бесноватые громы. Ведь не о ненастной погоде пишет поэт в сонете «С похмелья», а паршивом состоянии героя после пьянки. С тяжелой головой, он и сам это понимает, никогда не удастся сделать гениальное открытие и воскликнуть, как древнегреческий философ физик и математик Архимед:

«Эврика!».

Лирический герой уже дошел до такого психического состояния неуравновешенности, что кидается в атаку на такое безразличное и неодушевленное явление, как гроза. И она громыхает не на улице, а в его душе. Он сам в бешенстве от бесноватости громов, орет во всю глотку, требует прекратить грозу буянить. Мотивация проста и примитивна, как у любого во время похмельного синдрома: «пусть я зол, ты же злишься без повода».

А у него вполне естественный повод, он сломал со злости пополам гусиное перо, которым собирался написать «нетленку» и бросил его в пустой стакан, выбросив, таким образом, белый флаг, капитулируя перед своим творческим бессилием и духовной деградацией.

А что делать, если утром мысли, казавшиеся ночью по пьянке гениальными, превратились в «противность». И герой сам себе не рад, а тем более результатам бессонной и бессмысленной ночи: «Все сюжеты по пьянке – фиктивности!».

А Евгений Раевский в своем новом стихотворении без названия делает вывод:

Поэзия и пьянство вместе – ложь,
Ложь – наслажденье мнимое, пустое,
Возьми и мысли ядом уничтожь,
И вмиг поймешь, что попрано святое…

Бездельник, прикрываясь нищетой,
Изыскивал мотивы и причины:
Глумясь над чьей-то подлинной мечтой,
Свою нам лгал под пьяною личиной…

Но полноте! Поэзия не бред,
Кто буйно пил, тот завтра станет сонным.
Что создал бард, когда примкнул он к сонму
Изгнанников желаний и побед?

А свил бы стих из боли и страстей,
Безумный от любви, разлук и горя,
То вспомнил бы, как был убит Орфей
Другим безумьем – властью алкоголя…

В этом стихотворении поэт проводит параллель между двумя ступенями и стадиями безумства человеческого. Одни поддаются ему добровольно, подчиняясь власти алкоголя, и идут на дно тихого омута, куда его тянут черти или чертики. А другие по роду обстоятельств, мучаясь от неразделенной любви, разлук и горя, от боли и страстей, пишут сердцем и любовью нежные стихи. Первые становятся изгоями. Они сами зарывают талант в землю, и прощай желания и мечты о славных победах. Вторые, поборов мнимые наслаждения и перестав ориентироваться на ложные маяки и фальшивые идеалы, перестают поминать святое, а преподносят его на должную высоту.

Но трудно выбрать правильный путь, когда твои мысли уничтожены адом, завистником или лжецом. Но разве сможет какой-то мелочный человечишко унизить, оскорбить такого крупного поэта как Евгений Раевский? Ведь их комариный писк и микроскопические укусы для него, что для слона дробинка самого мелкого калибра - бекасина.

Но, думаю, что не стоит и преуменьшать опасность всех «доброжелателей». Один укус комара ничего не значит, а если комарам несть числа целый комариный рой? Это уже не укус комара, а настоящего вампира. Тут уж не пофасонишь, не повыпендриваешься, вот он я каковой, врешь, не сожрешь! И придется, чтобы лицо не превратилось в кровавое месиво, одеть накомарник. Объективная необходимость заставит применить защитные меры. Ведь «комары» разносчики малярийной лихорадки. Больной лихорадкой, если не оказать ему медицинской помощи, может быстро перегореть: заражение крови, высокую температуру, потеря сознания и…

Не стоит вспоминать прежние утраты и укусы. Поэт Раевский не собирается судить даже своих недоброжелателей. Не суди и не судим будешь! Бог им судья. Но вылечить творческого человека может только добро и любовь. Вот об этом и написал сонет Раевский.

В сосудах времени течет больная кровь,
Миг, умирая, действует лукаво.
Долг прошлого – опасная забава…
Какая власть во мне, какая новь?..

Что есть мой зов средь прошлых голосов,
Допущенных к вершинам откровенья,

Их близость не относится к забвенью,
Блуждая под созвездием Весов…

Я дал Вам Вас, Вы дали мне меня.
Нет близости возврата к равнодушью,
Вы прошлого боитесь, как удушья,
Мой жертвенник под свежестью огня…

Я никому не власть и не пример,
Но выше мер весов и прошлых мер…

Для Раевского любовь это и обоюдоострый меч и взаимообразная и постоянная отдача, передача друг другу добра и тепла: «Я дал Вам Вас, Вы дали мне меня». Люди не берут, а дают что-то своему близкому, но теряют себя, а обогащаются. И это обогащение взаимное. Потому-то стихи про любовь звучат у Раевского как симфонический оркестр.

Хотя его сподвижник Дмитрий Киршин считает немного по другому, но тоже дает высокую оценку коллеге: «Любовь играет роль первой скрипки, не подменяя оркестр, но лишь подчеркивая силу звучания стихов».

Неважно, что почувствует читатель: щемящую душу музыку струн скрипки или многозвучную мощь оркестра, но прочитав строчки Раевского: «Я никому не власть и не пример, но выше мер весов и прошлых мер…» почувствует, как тонко заметил Киршин «силу звучания стихов», поймет. Дмитрий Николаевич считает, что Евгений Павлович познал немало счастливых мгновений обретения собственного, присущего только ему поэтического голоса. Киршину вторит и Елена Сакс: «Евгений Раевский пишет не только в «сонетной мере». Ему так же легко удаётся и присущий нашему времени ёмкий, энергичный, хлесткий стих, и – воистину «маленькие шедевры» – лаконичные миниатюры-четверостишия и пространные размышления, и авторское изобретение – чередование катренов и терцетов с одной свободной, нерифмованной строкой, а также нерифмованные двустишия».

Зато поэт шестидесятник Андрей Вознесенский раздражался, когда только слышал фамилию Раевский:

– Не говорите мне о поэте Раевском – мне это неприятно.

В чем причина такого неприязненного отношения Вознесен-

ского к Раевском? Извечное соперничество между москвичами и питерцами? Или же вина тому «аполитичность» Раевского и бунтарский дух Вознесенского? А может быть слишком светлая, прозрачная до хрустального звона чистота стихов Евгения? Ведь Андрей как инженер, нет-нет не человеческих душ, а просто инженер: архитектор, строитель, умел создавать уникальные технологии написания стихов. Например, начал Андрей многократно повторять святое слово «мать»: «Матьматьматьма…», а в итоге слышится нечто мрачное – «тьма, тьма, тьма…». И чем дальше, тем темнее и темнее.

Напомню, что школьник Женя Раевский считал роман Чернышевского «Что делать?»не идеалом русской литературы. Роман актуален был, но по мнению Раевского лишь в пределах короткого времени. Возможно и те знаменитые шестидесятники были актуальны на короткий период времени? Евгений Раевский тоже свое первое стихотворение написал в 1963 году и он мог бы считаться шестидесятником, но тематику ниспровержения прошлого он не проповедовал, он писал лирические стихотворения, но с болью и гневом за уходящую эпоху и свою Родину.

Шестидесятники, как и сам Андрей Вознесенский, потихоньку стали уходить и с политической и поэтической сцены страны. Мавр сделал свое дело и умыл руки. А романтик-лирик Евгений Раевский продолжает свое триумфальное шествие по бескрайним просторам Поэзии, приобретая все новых и новых поклонников его творчества.

Почему это получается у Раевского, а у других не выходит на свет и полстрочки? Вспомните афоризм-строчку Евгения: «Бездельник, прикрываясь нищетой, изыскивал мотивы и причины». В этом афоризме скрывается намек поэта на расхожее мнение любого руководителя, который укоряет своих подчиненных, не справившихся с порученным им делом: «Кто хочет выполнить задачу – ищет способы её выполнения, кто не стремится выполнить поручение – ищет причины, по которым нельзя его выполнить».

Но самое главное в афоризме Раевского не то, что бездельник становится нищим, без материальных средств для существования потому, что не прилагает максимального труда для достижения цели. Дело-то простое: человек нищий духом опускает руки и становится бездельником, трутнем, бездарем. А другим завидует: везунчик, удача сама ему так и лезет в руки.

Генералиссимусу Суворову завидуя, тоже говорили: «Везет, удача». А он или отвечал: «Раз везенье, два везенье… Но, когда-нибудь приходит и уменье!».

Да везет тем, кто везет. К таким и относится Евгений Раевский.

«О ревности»

Этот сонет Раевского мне вспомнился после разговора о зависти. Но повторно прочитав стихотворение «О ревности» понял, какой мощный пласт нравственных проблем перевернул своим «плугом» ученик Петрарки. Ревность и любовь всегда идут параллельно друг с другом. И Раевский ассоциируется, как две силы: добра и зла, как теза и антитеза.

Обычно смотришь на две параллельные линии: рельсы железнодорожной колеи, обочины, широкой дороги – автобана и обманываешься – у горизонта они будто бы сходятся в одной точке. Это свойство используют художники, чтобы на плоской картине показать объемное пространство и называют его перспективой. Но однажды я весной увидел высоко в небе перспективу наоборот. Летел из южных краев, возвращаясь в места, где птицы родились и выросли, журавлиный клин. И два его крыла сходились в одной точке, на вожаке над моей головой. Когда журавли улетали осенью, их клин соответствовал правилам геометрии и оптического обмана: лучи клина сходились в одну точку около самого горизонта. А тут-то «лучи» косяка исходили из океана, и без всякого обмана соединялись прямо надо мной.

Но удивило меня не только это. Из каждой линии угла, неподалеку от самого вожака, вытеснили двух журавлей, и они пытались втиснуться на свое законное место, которое занимали раньше на своей птичьей иерархии. Одному сильному расторопному журавлю удалось найти свое место в строю, а другой после третьей попытки отказался от немеченой цели. Журавлик-неудачник замахивал крыльями все реже и слабее и стал отдаляться к горизонту. Видимо решил, что плетясь в хвосте, тоже можно долететь до земли обетованной. Все хотят быть поближе к вожаку и воюют за свое место под солнцем.

Вот такая примерно интрига и в сонете Раевского «о ревности»:

Опять я зол. О, ревность, бесов дар!
Не гонится ничем и не стыдится.
Еще никем не пойманная птица
Бесчинствует под властью темных чар.

Сестра любви, а сколько носит зла,
Себе противна, но непобедима,
Как джинн, взлетит из лампы Аладдина,
Присядет, не заметишь – подползла.

Да кто ж сильней – любовь или она,
Бездарная завистница покоя?..
Я вновь один, вчера нас было двое –
Взяла и разлучила… Сатана!

Глумится боль за ту, что обожал,
В грудь ревность клюв вонзила, как кинжал.

Трагедия шекспировского накала. Кстати, многие критики отмечали, что Раевского можно было бы назвать с таким же успехом, как «ученик Петрарки», так и ученик Шекспира. Краткие, точные характеристики ревности сразу же запоминаются: «сестра любви, а сколько носит зла», «взяла и разлучила… Сатана!», и самое яркое – «в грудь ревность клюв вонзила, как кинжал…».

Темные горы ревности бесчинствуют и выворачивают душу ревнивого влюбленного наизнанку. Но если разобраться, то ревность это же твое родимое чувство. Ты даешь волю эмоциям, не прислушиваясь к здравому рассудку, а потом наносишь себе сердечную рану своею собственной рукой. Но как хочется свалить свое неудовлетворенное самолюбие на врага всех влюбленных, на сестру любви – ревность. Это она вонзила в грудь клюв острый и безжалостный как кинжал убийцы. Влюбленный мучается, но не от физической боли. Это же ревность убила свою сестру, как когда-то брат Каин убил брата Авеля из-за собственного тщеславия. Так и ревность убила любовь. Никогда, даже если девушка и юноша помирятся, у него не будет уже того светлого чувства, которое было раньше. До коварного удара кинжалом ревности. Вот в этом-то и трагедия, как по Шекспиру, на высочайшем уровне страстей. Недаром раньше многие женщины высоко ценили драму под названием «Коварство

и любовь».

И как бы в назидание опрометчивому поступку из-за ревности Евгений Раевский пишет сонет «О слепой любви»:

Крещен ты изобилием ошибок?
И любишь снова слепо и не ту?
Ссудил у жизни новую мечту?..
Мост к совершенству сказочен и зыбок.

Ты тонешь в иллюзорности страстей,
А веришь мученически в удачу,
Крик в пустоту подобен плачу,
Что сердце рвет на тысячу частей.

Пускай тебя подвергнут остракизму,
Измучит безысходность бытия,
Пусть смехом унижают не тая –
Ты не спеши по чувствам править тризну.

Скрыт временем мечты апофеоз.
Во что же жизнь обходится без грез?..

В этом сонете «О слепой любви», автор как бы возвышаясь над обыденностью, ведет диалог, а скорее монолог с лирическим героем. Умудренный жизнью человек пытается помочь влюбчивому юноше разобраться в своих страстях. Старший собеседник задает вопросы младшему и сам же на них резонно отвечает.

Вот задан вопрос: «И любишь снова слепо и не ту?». По нему видно, что младший уже советовался когда-то о нраве своей пассии со старшим, но совету не внял, и повторят снова ошибку. Но умудренный опытом старший, мудро и поступает. Он не торопит юношу принимать скоропалительное решение. И по-философски рассуждая, заявляет: «Мост к совершенству сказочен и зыбок». Заманчива мечта о прекрасной любви, но сделаешь неверный шаг, качнется под тобой зыбкая опора и можно сорваться в бездну. Не только мечту уничтожишь, но и сам разбиться и погибнуть или еще худший вариант – покалечиться.

Подсказывает подойти по трезвому к такому серьезному делу, которое нельзя доверять никому, а только себе, как любовь: «Пусть смехом унижают не тая. Ты не спеши по чувствам править тризну».

Можно и нужно избавиться от слепой любви только широко раскрыв глаза. Как говорят цинично острословы, чтобы избавиться от наваждения, от любви с первого взгляда – требуется взглянуть на предмет любви второй раз.

Вот и лирический герой из стихотворения «Не любившей меня женщине» трезвеет, взглянув на женщину повнимательнее. Он сожалеет, что сам создал миф о непогрешимости своей милой дамы. Оказывается и на солнце бывают черные пятна. А если долго смотреть на яркий свет Светила, то и в голове помутиться от мрачных мыслей: «Неужели я любил эту беспринципную, вульгарную женщину? У нее же нет и капли того, что называют гордо - Любовь».

Она падкая на внешние красивости, а другие светские выкрутасы, равнодушна и холодна. Она не любит юношу с взором горящим. Она играет любовь и играет плохо бездарно. Лирический герой разочарован женщиной и понимает таки, что она его не любит, раздражается грустной тирадой:

Вам суждено уйти в небытие,
Свет против Вас, поборница былого,
Чем брезговало даже воронье.
Хотите Вы и любите Вы снова.

Но, даже резко бросая в лицо горькие слова не любящей его женщине, герой стихотворения не скрывая обиды все же, не может скатиться до прямого оскорбления, он-то её любил и боготворил и называет женщину на «Вы». Но даже изящно высказанное презрение, не может смягчить неприятную колкость: «Чем брезговало даже воронье. Хотите Вы и любите Вы снова».

Это напоминает старую калмыцкую сказку, которую рассказал Пугачев юному Петруше Гриневу в повести Пушкина «Капитанская дочка». На вопрос Гринева, на что же надеется Самозванец-бунтовщик, ведь его скоро обложат правительственные войска, как взбесившегося волка и уничтожат, Пугачев не отвечает сразу, а приводит притчу: «Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего на все, только тридцать три года?

– Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной.

Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону:

– Нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!».

Вот и лирический герой из стихотворения Раевского «Не любящей меня женщине» брезгует притрагиваться к тому, чем брезгует даже воронье.

Некий образ я видел и в стихах Сергея Есенина. Только не лирический герой высказывал свою бессильную ярость женщине, а женщина высказывала свою злость бывшему любимому, ныне ненавистному мужчине:

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел –
Катиться дальше, вниз.

Но вывод у лирических героев и у Раевского и у Есенина один и тот же. Не раз я уже цитировал Есенина, но повторяю, что у него написано «Любимая! Меня вы не любили». У Евгения Раевского написано по-другому, но суть одна. Горькое разочарование и обида на весь свет на всю жизнь. А все эти вспышки эмоций вызывает сестра любви – ревность. Почему же в основном побеждает в нашей обычной жизни грубая примитивная ревность, а не тонкая и трепетная любовь. В чем секрет её непобедимости? Никакого секрета тут нет. Так часто случается в жизни. Например, не очень грамотный

и малоквалифицированный человек в компании с людьми даже очень высокой квалификации ведет себя очень уверенно. Даже не стесняется давать всем советы, которые только подчеркивают некомпетентность советчика. Так откуда у него берется эта самоуверенность? От его же жизненной квалификации. Круг замкнулся. Всему нужно учиться. В том числе и любви. Тогда и ревности не поможет никакая ее броня или кольчуга.

Евгений Раевский не приукрашивает носителей зла, но, в то же время, твердо понимает и показывает – мир обновляется через любовь. Иногда, чтобы ярче сиял образ любви, Евгений вырывает её из обыденности. В своем творчестве он опирается и на столпы Российской изящной словесности. Когда-то Алексей Константинович Толстой написал потрясающие строки: «Мою любовь, широкую, как море, вместить не могут жизни берега».

В стихах Раевского любовь раздвигается до планетарного масштаба. Она не просто широка, как море, а необъемна, как океан. Но я уже говорил, что Раевский считает, что за любовь необходимо бороться даже если идешь против течения. Я давно не читал Алексея Константиновича, а когда стал перечитывать классика Толстого Первого понял, что то у него и у Евгения Раевского одни и те же русские истоки и понимания любви. Я не буду сейчас снова цитировать Раевского, это значит, что необходимо прочитать вам всю книгу «Ученик Петрарки». Для того, чтобы вас не лишить удовольствия и насладиться самой поэзией Раевского. Я просто покажу строчку поэта Серебряного века, и вы увидите, что Сергей Макаров очень точно назвал поэзию Раевского золотым эхом Серебряного века.

И так, прочтите к чему призывал Алексей Толстой и чему до сих пор следует Евгений Раевский: «Дружно гребите во имя прекрасного! Против течения…». А иногда русский поэт Раевский все же начинает сомневаться в конечном результате подобной гребли…

В сонете «Волшебной женщине» он говорит:

Но мир великой женщины во мне,
Рассыпанный на тысячи эмоций,
Я вышел в море Эроса без лоций,
Мне страшно на неистовой волне.

Перо – весло, но сколько же грести,
Чтоб голос на мгновенье обрести?..

Так неужели Евгений усомнился в словах Владимира Маяковского в том, чтобы добыть миллиграммчик радия, нужно перелопатить тысячи тонн словесной руды? Неужели грести до изнеможения, чтобы обрести на короткое мгновение дивный, чудный голос бессмысленное занятие. Сам же Раевский и отвечает, отбросив свои сомнения в сторону: долой хрипоту голоса и косноязычие – пусть люди слышат сагу, оду, элегию, сонеты о любви:

Хороший голос жив в людской молве,
Когда он есть в душе и голове.

Мелодия души

В сонетах Раевского, как уже стало известно выше, преобладает видовой ряд, эмоциональные ощущения и даже запахи. Поговорим в этой главе еще и о его умении передавать словами звуки. Из которых складывается мелодия души.

Но некоторые коллеги критикуют его совсем уж несуразно. Дмитрий Киршин приводит одно такое нелепое обвинение в статье «Поэт нескромного таланта»: «Многие стихи Евгения Раевского годятся только для песен…». Но позвольте, дорогие господа-товарищи, с каких это пор песенный склад стихотворений стал недостатком в поэзии? Этим и возмущается Дмитрий Николаевич. «Вот уже и песня в России стала чуть ли не ругательством! И не просто песня, а такой изысканный, трудный жанр, как романс. Важно отметить, что Раевский не пишет подтекстовки, просто музыкальность его стихов настолько очевидна, что привлекает внимание композиторов и исполнителей. Романс «Давай с тобой увидимся во сне», безусловно, относится к классике жанра. Удач такого уровня не бывает много, однако в активе Евгения Раевского они отнюдь не единичны».

После прочтения статьи Киршина я наугад открыл томик стихов Раевского «Ученик Петрарки» и увидел сонет Евгения «Романс о романсе». Чтобы понять его суть приведу, как цитату всего шесть строчек:

С нами часто жестока судьба,
Но в романсе сердечность людская,
Пусть романса святая мольба

О любви говорит не смолкая.

Да услышит мир тайну мою:
Я романс о романсе пою.

И все же, прежде чем перейти к мелодиям души Раевского, к его песням и романсам следует ознакомиться со стихотворением «Шуршащий сонет». Уже в названии слышатся шуршащие звуки. Да что там слышатся, мы произносим в названии шипящие звуки «ш –щ» «шуршим»: «Ши – ши, ши – щи», как будто метлой сметаем с дорожек и тротуаров опавшие с деревьев листья. В одном названии укладываются четыре взмаха метлы дворника и четыре прохода её прутьев по асфальту. А в первом четверостишии стихотворения Раевского «Шуршащий сонет» уши через край переполняются этими «ши – щи»:

Шорохи, шорохи, шествуют шорохи,
Шелест щекочет уши,
Шепчутся листьев шалящие ворохи,
Осень струится в души.

Шорохи слышатся из вороха шепчущихся, расшалившихся листьев, которые своим шелестом щекочут уши прохожих.

Это золотая осень грустно струится в их души, принося умиротворение не только от вида увядающей красоты природы, но и от успокаивающих душу звуков.

Солнечным шрифтом на просеках золото,
Свет увяданья сонный.
Россыпи бликов – осенние всполохи
Гаснут в траве отрешенно…

В «Шуршащем сонете» слышится не только музыка славянской чувствительности Евгения Раевского, а и одновременно, западная музыкальная эстетика ученика Петрарки.

После этого произведения русского поэта, которое является истоком мелодичности стихов Раевского, становится понятно органичное сочетание незабываемой музыки Георгия Свиридова «Метель» и стихов Евгения «Прощай, любовь».

Прощай, любовь… Как трудно мне,
Как трудно мне теперь в степи свободной.
Кругом метель, как в странном сне,
А в сердце лед и снег стучит холодный.

Стихотворение «Прощай, любовь» поэта Евгения Раевского и музыка композитора Георгия Свиридова написаны в разное время. Но звучат два произведения в унисон, как будто оба автора зажглись одной идеей, творческой темой одновременно и на одном дыхании души выдали «на-гора» шедевр.

Если два нищих духом человека соединяют свои усилия, то ничего не выйдет. Гора родит мышь. А вот если объединяются два таланта, то их усилия преумножаются, и рождается нечто гениальное. Так произошло и с нашими героями: композитором Георгием Свиридовым и поэтом Евгением Раевским. Раевский посвятил одно свое стихотворение не композитору Георгию Свиридову, а своему тезке композитору Евгению Артамонову. Но творчество композитора, создающего музыку, его образ схвачены Евгением абсолютно точно:

Два всплеска рук по клавишам упрямы,
Седые блески чувственных волос,
Глаза с вопросом в космос, смело, прямо,
И поисков любви апофеоз…

Мне не нравится стремительный бег времени, не люблю смотреть на часы. Узнаю время по мобильнику, если куда-то спешу. Особенно жутко смотреть не песочные часы. Наглядно видно – утекают вниз, в небытие не только песчинки, а и время. Однажды я увидел на обложке сборника стихов Михаила Рудакова «Между добром и злом», как в песочных часах вместо песчинок падают тщедушные тельца малюсеньких человечков. А что? Человек и есть мельчайшая песчинка, пылинка в необъятном космосе.

Мне сразу же вспомнилась картина художника баталиста Верещагина «Апофеоз войны» – гора конус из человеческих черепов. Они лежали как будто бы песчинки, высыпавшиеся из песочных часов. Но отпугивали зрителя пустотой зияющих глазниц, мраком тьмы. Это смерть отбросила свою зловещую тень и празднует свой апофеоз. А у Раевского музыкант смотрит в космос смело, прямо

и создает апофеоз любви. Любой творец в вечном поиске апофеоза любви.

Любовь – это ангел-хранитель семьи. А крепка семья – сильна Россия. Евгений Раевский это прекрасно понимает. Потому и посвящает свое творчество любви. Любви к прекрасной женщине, жене, матери, нашей стране – России, которая, несмотря на различного рода катаклизмы стоит крепко на ногах. Защищали Родину предки военного крыла Раевского, оберегали Россию предки духовного крыла славного рода. И сам Евгений Раевский понимает, что без покровительства свыше нашим пращурам не удалось бы, сохранить свое государство целостным. Еще в восемнадцатом веке Миних мудро сказал: «Несомненно, России покровительствует Бог. Иначе непонятно, почему она до сих пор существует».

Россия существует и до сих пор в современном двадцать первом веке, после страшного двадцатого столетия, на которое выпало две мировые войны, три революции и смена трех строев: монархического, социалистического и демократического. И не один строй не оказался истиной в последней инстанции. Предки Евгения Раевского пытались освободить народ от крепостного права, и вышли в декабре 1825 года на Сенатскую площадь северной столицы России, Санкт-Петербурге. Екатерина Великая проповедуя переход от абсолютной монархии к просвещенной, все же была не только против революций, которые происходят снизу, а и против революций инициируемой сверху. Она как-то призналась: «Я ненавижу крепостное право, но не могу его отменить сейчас – меня камнями забросают. Вот Строганов: отличный человек, а, когда я с ним советовалась, сказал – отменим мы крепостное право, а кто же с меня тогда сапоги снимать будет?».

Раевский, призывая вернуться в старую Русь, требует не к крепостному праву возвращаться, а к духовному её началу. Где каждый человек уважаем и почитаем и каждый может раскрыть свои способности. Его творчество направлено на восстановление культурного, духовного потенциала России. Какой бы не был пресвященный монарх, но если нет у него на лице интереса к нуждам народа, то это насилие не только народа, а над самим собой.

Евгений Раевский понимает, что от насилие над творчеством может защитить и спасти безумная любовь народа к своему духов-

ному наследию. И все силы поэта направлены в эту сторону. Вот как сказал про Евгения замечательный писатель Петр Проскурин: «Если бы писатели делали для Раевского столько, сколько он делает для них, то Раевский давно бы при жизни жил, как в раю». Но кто как не женщина может оценить поэта мужчину? Режиссер, балетмейстер, профессор Наталия Соловьева высказала свое мнение: «Как поэт Евгений Раевский очень нежен, открыт и непосредственен. Как мужчина – очень обаятелен и притягателен для женщин. При ярко выраженном мужском начале он, тем не менее, сохраняет некое мальчишество – и это делает его молодым в любом возрасте».

Я привел один пример содружества двух творческих людей разных поколений: Раевского Евгения и Свиридова Георгия. Приведу и второй. Председатель Правления Российского Межрегионального Союза писателей Евгений Раевский проводит очень часто заседания секций поэзии в концертном зале Мемориального музея-квартиры композитора Римского-Корсакова. Почему же притягивает квартира Николая Римского-Корсакова председателя Союза писателей Евгения Раевского? Только ли то, что они оба дворяне?

Мне же кажется, что Раевского притягивает необыкновенная аура в квартире Римского-Корсакова. И их похожие творческие и жизненные судьбы.

Гардемарина Римского-Корсакова (и Евгений Раевский служил на флоте), ходившего на клипере «Алмаз» фортуна вынесла на берег русской музыкальной жизни. Она крепко связала Николая Андреевича с членами новой команды – «Могучей кучки». В неё входили М.А. Балакирев, Ц. А. Кюи и М.П. Мусоргский. Все четверо не играли вместе, а сочиняли музыку врозь.

«Могучей кучкой» их, по словам Корсакова, бестактно обозвал Стасов. Но это впрямь звучит более провокационно, чем «Жуки» и «Скорпионы», состоящие также из юношей. Все они низвергали кумиров, Моцарта и Гайдна, считали устаревшими и наивными, Баха окаменелым, а Шопена приравнивали к неврастенической светской даме.

Созвучны Раевский и Римский-Корсаков своими плодотворными творческими работами, и нападками на них государственных чиновников. О злоключениях Евгения Раевского и стойкости его под ударами судьбы я упоминал, а теперь как параллель приведу череду

мытарств Римского-Корсакова. С 1895 года по 1904 Николай Андреевич надсадил себе сердце непосильной работой. Он выдавал в год по одной опере и написал их десять. Да каких: «Ночь перед Рождеством», «Садко», «Сказка о царе Салтане», «Кащей Бессмертный», «Царская невеста», «Псковитянка».

В роли Ивана Грозного в опере «Боярыня Вера Шелога» дебютировал Федор Шаляпин, сыгравший затем и Бориса Годунова в одноименной опере Модеста Мусоргского, собрата по «Могучей кучке». Но препятствием выходу на сцену «Псковитянки» стал указ Николая I от 1837 года, в котором запрещалось выводить в опере особ царствующего дома Романовых. В драмах и трагедиях это разрешалось. Помогли Римскому-Корсакову «морские» связи. Его родственник морской министр имел влияние при дворе и «продвинул» оперу на сцену.

А в опере «Ночь перед Рождеством» композитору потребовали заменить актеров. Актрису, играющую Екатерину II просто вытолкали со сцены. В антракте великий князь Владимир Александрович взобрался на помост и воскликнул: «Вы нынче моя прабабушка, как я посмотрю!». Это случилось на репетиции, а в спектакле пела уже не царица, а её фаворит светлейший князь Потемкин. И черевички деревенскому хлопцу для своей невесты он вручал. Только вместо женского меццо-сопрано со сцены звучал красивый мужской баритон. А оскорбленный Римский-Корсаков даже на премьеру оперы не поехал.

Во всех операх у Николая Андреевича звучали в партиях русские песенные интонации. Ученик Римского-Корсакова Борис Асафьев назвал оперу своего учителя «Царская невеста» - «Музыкой открытого сердца».

Музыка открытого сердца слышна и сейчас со сцены в концертном зале Мемориального музея-квартиры Римского-Корсакова, когда читает свои сонеты и стихотворения поэт Евгений Раевский. Послушайте и вы «Сонет-эхо» поэта.

Эхом любви переполнена ночь,
Звезды слезами насыщены.
Сердце сквозь сердце уносится прочь.
Вновь мы разлукой похищены.

Лунное дом мой пронзает ядро,
Рушит дневную империю.
Нежная власть утепляет перо,
Жарко листу от доверия.

Свет в изъявлениях милости чист,
В строчной вуали торжественен,
Знаю, и ты этой ночью не спишь,
Трепетной, нежной, божественной…

Ночи слагают элегии нам,
Я же с тобою в стихах пополам…

Римского-Корсакова считают изумительным композитором-сказочником. А разве не сказочные образы создал в своем «Сонете-эхо» поэт Евгений Раевский.

Переполняется ночь эхом любви, а сердце уносится сквозь сердце. Пронзает его и похищает из моего разума. Луна, как ядро, разрушает не только дом лирических героев, а всю империю любви. Такой любви, от которой и перо теплеет и листу жарко от откровений героя. А строчки на листе появляются, как вуаль на лице невесты. Но ночь не застилает чистоты милостивого света, а слагает элегию.

В «Могучей кучке» Николай Римский-Корсаков был младше всех, но запомнился верным товарищем. Даже после смерти старших друзей-композиторов Николай Андреевич редактировал и оркестровал. Более того иногда брал незаконченные произведения и блестяще завершал. Он воспитал звездную плеяду музыкантов.

Тут опять следует вернуться к высказыванию писателя Петра Проскурина. Евгений Раевский такой же верный друг, как и Римский-Корсаков. Он много делает для своих коллег и друзей. Проскурин и считает, что если бы все писатели сделали для Раевского хотя бы столько, сколько он один сделал для них, то Раевский жил бы в раю. Поступки Николая Римского-Корсакова и Евгения Раевского сопоставимы.

Эротика в стихах и сонетах Раевского

В статье «Поэтический мир Евгения Раевского» Ефим Роговер касается такой тонкой темы, как эротика: «Евгений Раевский нередко затрагивает и откровенно эротические мотивы. В этом неповторимость разработки им любовной темы в таких, например, лирических пьесах, как «Два голоса», «Сонет женской груди», «Волшебной женщине». Целое «Ожерелье эротических сонетов» создаёт поэт, составляя его из пряных и дышащих страстью произведений. Он варьирует здесь чувственные мотивы, любуется красотой наготы, слиянием любящих: «одна душа блистает в двух телах», «мы в наслажденье слиты воедино». Но при этом автор никогда не забывает о духовном единстве любящих и передаёт его неизменно: «твоё впитал я сердце, мысли, ритмы».

Но нередко яркая эмоциональность этих стихов парадоксально соединяется с трезвой рациональностью, рассудочностью. Сам поэт ощущает этот синтез, эту амплитуду колебаний «от любви – до кипенья сознания».

Солидарен в оценке эротического ожерелья сонетов Раевского и критик Геннадий Муриков. В статье «И женщину он выпьет словно мед» Муриков пишет: «Однако последователем Баркова его назвать невозможно. «Клубнички» по крайней мере, в опубликованных сборниках поэта нет».

Присоединяюсь и я к высказываниям Роговера и Мурикова. Без «ожерелья эротических сонетов» творчество Евгения Раевского потускнело бы, потеряло бы свое очарование. Поэт, пишущий о любви, не должен писать только про романтическую и платоническую любовь. Его поэзия была бы неполной, если бы он не коснулся эротической темы. Как последователь поэтов Ренессанса, которые возродили культ обнаженного тела человека, Евгению Раевскому так же не чужд эро-стиль в его сонетах. Взять хотя бы сонет поэта из одной катрены:

Светлейший, ласковый каприз,
Откуда вы передо мною?
На блеске ваших глаз Париж,
Явились вы красой иною…

Тут Евгений одним словом – Париж намекает на французского

поэта эпохи Возрождения Пьера де Ронсара, мастера эротического стихотворения. Женщины благоговели перед Ронсаром, они с упоением читали про интимные подробности, но с таким изяществом и тактом, чувственностью и страстью описанные французским поэтом.

Но и у Раевского это еще не эротика, а прелюдия к ней. Обратимся к «Сонету женской груди», упомянутому Ефимом Роговером. Он только обозначил тему Раевского, но упустил изящность сонета и его необыкновенную метафоричность.

Женская грудь предстает перед читателями и двумя трепетными холмиками, то как сказочные две волны, льнущие к пикантному мужскому поцелую, своими жемчужными вершинами:

Два чутких холмика, два трепета святых,
Теплом пикантным льнущих к поцелую,
Две сказочных волны боготворю я
В источнике надежд и чувств моих.

Жемчужины вершин тех волн бесценных
Меж губ моих волшебной чистотой
Скользят в меня, и музыкой-мечтой
Я повторяюсь, гордый и нетленный…

Все вкусы чувств пылают на губах,
И рук воспламенились очертанья,
Но вдруг прохладой волн необычайных
Я освежен, и мне не ведом страх.

Теплом добра увенчан трепет перл,
Я допою им все, что не допел…

Вот как увязал поэтическое творчество муз с эротикой, с притягательностью обнаженного женского тела Раевский: «Теплом добра увенчан трепет перл, Я допою им все, что не допел…». Итак, Муза вдохновляет поэта создавать стихи, а обнаженное женское тело вдохновляет его писать стихи эротические.

Образ женской груди, как колышущиеся две морские волны, невольно навеян прекрасной фигурой Афродиты, вышедшей и рожденной из пены моря. Волны моря вздымаются и колышутся от ласк ветра, а грудь Афродиты вздымается и колышется от непонят-

ного доселе предчувствия чего-то прекрасного, запретного, но непреодолимо притягательного. Того, о чем мечтает и мужчина и женщина – любви.

В «Сонете женской груди» ни намека на пошлость. Мы привыкли с восхищением рассматривать обнаженные тела женщин на картинах мастеров-живописцев у которых нагота и эротика не превалируют. Так почему же нельзя восхищаться талантливыми эротическими сонетами Евгения Раевского. Его четверостишье отбивает всевозможные ханжеские нападки на эротические стихи Евгения:

Безлюдный остров. Женские черты,
До слез родные, до изнеможенья…
А в небе сокол – чудное вторженье,
Парящая душа моей мечты.

Любая возлюбленная пара мечтает об уединении, мечтает оказаться на безлюдной, необитаемом острове и слиться воедино в объятиях. Да так, от этого блаженства душа соколом взовьется ввысь и будет там парить бесконечно долго. И все понимают, что воспарить душе помогают их естественные земные чувства и высоко эмоциональные страсти.

В этом-то и магия «ожерелья эротических сонетов» Раевского. Ожерелье состоит из пятнадцати сонетов. В сонете четырнадцать строк, и, казалось бы, и в ожерелье эротических сонетов в пору эту следовало остановиться на четырнадцатом. Но у Раевского не просто набор сонетов, а ожерелье. Как известно, жемчужин для ожерелья необходима и застежка, замочек, чтобы оно удерживалось крепко на шее. Вот Евгений и составил свое ожерелье из пятнадцати элементов.

В третьем сонете Раевский снова обращается к волнующей женской груди:

Как грудь твоя волнительно блестит,
Подобная двум лилиям в пиалах.
Молчи! Мне тишины для ласки мало,
И пусть твое молчанье Богу льстит.

Но разве можно безропотно молчать, ощущая ласки друга? И третий сонет оканчивается у Евгения весьма эмоционально:

Волнения вне власти в этот миг,
Подавлены сомненья чудесами –
Два сердца наполняет сладкий крик.

Нечто запретным была сказка о Шахерезаде про «Тысячу и одну ночь». А у Евгения Раевского не одна тысяча эротических строчек. Но он не считает шедевром эту древнюю сказку. И в пятом сонете «Ожерелья…» опровергает миф о прекрасной любви Шахерезады:

Не верю я ночам Шехерезады,
Их выдумал запрет: любить за страх.
Царей в любви всегда постигнет крах,
А нам любовь – Господняя награда.

Себе в союзники Евгений Раевский призывает поэт женщину у которой есть прекрасные лирические и несомненно эротические стихи. Он берет для своего сонета без названия эпиграфом слова марины Цветаевой: «Желание вглубь: вглубь ночи, вглубь любви. Любовь: провал во времени».

И Раевский передает читателям глубину чувств своего лирического героя, который, растворяясь в любовной неге, осыпает женщину поцелуями с ног до головы, касаясь губами самых пикантных местечек:

Волос твоих душистый шорох стих,
Ты ожидаешь слов, а я немею,
Тобой любуясь, высказать не смею
Своих желаний, вечных и простых.

Но чутко к сокровенности моей
Ты прикоснулась жаркими губами…
И, растворенный в лунно-нежной гамме,
Я становлюсь уверенней, смелей…

Обворожен, прелюдии внимая,
Струюсь губами там, где… сам не понимаю…

Так что же такое любовь? Можно сбиться с курса в бурном море чувств и урагане мнений. Раевский на это отвечает твердо и уверенно:

Любовь – вершина бытия,
Восторг восторгов, свет Вселенной.
Любовью был изыскан я,
Чтоб свет найти в тебе, бесценной.

Раевского называют без всяких титулов, которые он имеет русским поэтом. И это очень правильно. Ведь Россия это не огромная территория, не длинная почти, что ровная длина экватора, опоясывающего земной шар, её граница, а состоящие души. Вот так и в поэзии Евгения Павловича будет трудно разобраться, если ты не проникся русским духом, если не чувствуешь свое состояние души синхронно с сонетами книги поэта «Ученик Петрарки».

Раевский может быть не так многословен, но создал необыкновенный собственный поэтический мир. Ведь кто много говорит, тот мало делает – Евгений всё наоборот. Он не знает предела совершенству и всегда сомневается:

Поется мне в трехструнности трех чувств –
Поэзии, Любви и просто Жизни,
К кому из них я в вечной укоризне?
Пред кем стою неощутим и пуст?..

Никогда Раевский в поэзии не был и неощутим, и не пуст. Его сонеты всегда ощутимы, ярки, ажурны, изящны и наполнены мудрым смыслом, иронией и самое главное любовью. Творчество русского поэта объемно, выпукло и упоминание его Евгения о «трехструнности трех чувств» соответствует трехмерному пространству, в котором существуют эти чувства. У любого пространства три составляющие – длина, ширина и высота. Они есть у поэта.

Правда говорят, что существует и четвертое измерение – время. Но оно одновременно направлено только в одну сторону – вперед. А обратной дороги назад у времени не существует. Миг и настоящее становится уже историей, прошлым. А впереди неизвестное для нас будущее.

Но это примитивное представление о параметрах нашего мира. Взять высоту: она безгранична, бесконечна и уходит в космические дали, измеряющиеся миллионами световых лет. Ширина и длина имеют конечные величины, если мы их примеряем, например, к размерам своего дачного участка или хотя бы к земному шару. Но

уже в пределах вселенной они беспредельны. Да и время не начинается только с того момента, когда мы посмотрели на часы. Оно протекало так же размеренно и миллионы лет назад. И историки, и археологи, в одной такой историко-археологической экспедиции побывал в юности и поэт Раевский, тщательно восстанавливают приметы давно прошедшего времени.

Так что наш мир бесконечен и вечен, как и жизненные трехструнья ориентиры Евгения – Поэзия, Любовь, Жизнь.

Не всегда у поэта появлялись крупные, глобального масштаба произведения. Были и мелочи. Но это были золотые мелочи. Я уже приводил примеры афоризмов нерифмованных двустиший Раевского, которые сверкают бриллиантами. Раевский всегда обращался к темам Руси, России, нашего неповторимого русского мира. Русский мир поэта Евгения Раевского – это тот мир, в котором человек становится чуть-чуть чище, чуть-чуть чище. В своей поэзии поэт защищает наши исконно древние идеалы и пытается сопротивляться навязываемым чуждым идеям. И навязываются они нам для того, чтобы возникали внутренние конфликты. Внутренний конфликт вроде мелок, не масштабен, а на самом деле разрушительнее внешнего конфликта. И перед Раевским стоит всегда титаническая задача – нравственными литературными произведениями, отсекать бездуховности в нашем мире.

Перед тем, как сесть за письменный стол, я побывал в конце февраля у Евгения Раевского. Беседа длилась бы как и само время – вечно, бесконечно, но отпущенный лимит его истек. Я, возвращаясь по завьюженному Малому проспекту Васильевского острова к метро, увидел на стене дома под аркой в дворик наклеенную листовку. Она агитировала голосовать за Путина, до президентских выборов оставалось около недели и закон о выборах не нарушала.

Но мне бросилось в глаза, как талантливо выполнил листовку художник. На ней не было призывов, лозунгов, а только темный силуэт Путина. Но силуэт, хотя и был темным, но не мрачным. На лице сияла белозубая улыбка, а белки глаз, только подчеркивали внимательный взгляд Путина. Из текста было одно слово революция на латинице – «revolution», тень митингов несистемной оппозиции витала над ним. В английском нет нашего оборотного «э», а Путин, взяв в руки ножницы, остригал ими латинскую «r» – «p». Вместо

«революция» получалась «эволюция». Русское «э» в азбуке есть.

Мне под впечатлением от встречи с Раевским показалось, что если неумолимое, но справедливое время вдруг возьмет в руки ножницы и отсрижет от имени поэта две буквы «е» и «в», то останется очень знаковое слово – «Гений». Но две буквы время не отбросит в сторону. Они станут первым слогом в слове «великий». Пишет Раевский про себя – «русский поэт», но пора сделать приставку к этому титулу – «ВЕЛИКИЙ».

Содержание

ЖЕСТОКИЙ РИМ 3

Часть I. От любви до ненависти – один шаг 3

Первая любовь 3
Семейные будни 8
На войне, как на войне 15
Лихо проснулось 20
Что-то ждет её впереди? 29
Одиночество 33
Чужих детей не бывает 42
В родные пенаты без дочери и мамы 47

Часть II. 53

Воспитанник кадетского корпуса 53
Резкая перемена в жизни подростка 62
Продолжение службы 66
Каждый солдат мечтает стать генералом 71
За три дня до дембеля. Друг мой песня… 76
Призыв 79
В санчасти 84
В роте 86
Первый бой, первые потери… 89
Сага о штабных генералах и их помощниках 92
Никого не впускать и не выпускать 95
Последний бой он трудный самый 102
Разные мнения двух друзей детства 104

Часть III. 107

В поисках верного курса 107
Неожиданное знакомство 116
Любимая подруга 121
Заманчивое предложение 128
Что день грядущий нам готовит, когда ж наступит Новый год?..
..... 134

Чтобы изменить жизнь, нужно измениться самим *140*
На малую родину *147*

УЧЕНИК ПЕТРАРКИ 151

Вступление 151

Начало 155

Второе крыло и другие подробности 160

О сонетах 167

Зима имеет разные обличья 176

Гражданская тема в стихах поэта 181

Прекрасное время года – весна 190

Уютный Петроград 197

Коктейль осенних листьев 203

Ветка сакуры и другие переводы 208

Эпоха подлости и гнусного обмана 214

Алые паруса поэзии Раевского 218

Восторженная любовь 226

Современники о современном классике 233

Учителя учителей 238

Эпистолярный жанр и «Боевая вахта» 244

«О беспощадности пьянства» 250

«О ревности» 256

Мелодия души 262

Эротика в стихах и сонетах Раевского 269